

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тверской государственный университет»

На правах рукописи

Борисова Вероника Алексеевна

**СЕМАНТИКО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КАТЕГОРИИ
ВВОДНОСТИ**

Специальность 10.02.19 – теория языка

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель –
доктор филологических наук, профессор
Крюкова Наталия Фёдоровна

Тверь – 2020

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. ВВОДНОСТЬ КАК СЕМАНТИКО-ПРАГМАТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ	8
1.1. Понятие вводности в диахронно-синхроническом ракурсе.....	8
1.2. Модальность и вводность – соотношение категорий. Подходы к пониманию модальности.....	16
1.3. Синтаксическая специфика вводных компонентов и вставок.....	26
1.4. Компоненты категории вводности: к вопросу разграничения вводных компонентов и вставок.....	29
1.5. Компоненты категории вводности в рамках англоязычной лингвистической традиции.....	40
1.6. Вводные компоненты как особый тип синтаксической конструкции.....	43
1.7. Вводные компоненты в рамках теории речевых актов.....	47
1.8. Семантический аспект изучения вводных компонентов и вставок. Модус и диктум и их соотношение с категорией вводности.....	52
1.9. Основные семантико-прагматические классификации вводных компонентов.....	55
1.10. Семантико-прагматические классификации вставок.....	64
1.11. Морфолого-генетические классификации вводных компонентов	67
ВЫВОДЫ К ГЛАВЕ 1	70
ГЛАВА 2. ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА ВВОДНЫХ И ВСТАВНЫХ КОМПОНЕНТОВ В РАЗЛИЧНЫХ ТИПАХ ДИСКУРСА	72
2.1. Вводные компоненты в дискурсе. Основные классы дискурсивных слов.....	72
2.2. Текст и дискурс: структурная и содержательная связность.....	84

2.3. Вводные компоненты в устной речи.....	89
2.4. Вставки в неподготовленной устной речи.....	100
2.5. Вставки в подготовленной речи и письменном дискурсе.....	103
2.6. Вводные компоненты и вставки в медицинском тексте.....	108
ВЫВОДЫ К ГЛАВЕ 2.....	130
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	132
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	135
СПИСОК ИНТЕРНЕТ-ИСТОЧНИКОВ.....	148
СПИСОК СЛОВАРЕЙ.....	149
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ПРИМЕРОВ.....	149
ПРИЛОЖЕНИЕ 1.....	151
ПРИЛОЖЕНИЕ 2.....	156

ВВЕДЕНИЕ

Вопрос о семантике, происхождении и функциях вводных и вставных компонентов всегда служил объектом пристального внимания лингвистов. Компоненты категории вводности привлекают исследователей нестандартностью, подвижностью форм и положением в высказывании, своей семантикой. В настоящее время вводные компоненты и вставки исследуются в рамках коммуникативно-прагматического подхода; учёные отмечают их важную роль в процессе коммуникации.

Среди лингвистов до сих пор нет единого мнения относительно терминологии для обозначения данных лексических единиц. Исследователи используют различные термины: вводные (вводно-модальные) слова, парантезы, эгоцентрические элементы языка, метатекстовые коннекторы, дискурсивные слова и т.д. В данной работе в рамках исследуемого поля вводности мы будем рассматривать вводные компоненты, куда относятся единицы различных уровней – вводные предложения, сочетания слов, слова, и вставки (парантезы).

Актуальность исследования определяется необходимостью изучения проблемы вводности и функциональных возможностей вводных и вставных компонентов в контексте современной когнитивно-дискурсивной парадигмы.

Объектом диссертационного исследования являются высказывания и предложения с вводными и вставными компонентами.

Предметом исследования послужили семантико-прагматические характеристики вводных компонентов и вставок в устной речи и медицинских статьях на английском и немецком языках.

Целью настоящей работы является выявление семантико-прагматических свойств вводных и вставных компонентов, их анализ и систематизированное описание.

Для достижения цели были поставлены следующие *задачи*:

- изучить существующие теоретические концепции понятия вводности;
- дать классификацию вводных компонентов и вставок в зависимости от реализации ими коммуникативно-прагматических функциональных установок;
- проанализировать и охарактеризовать семантико-синтаксические и коммуникативно-прагматические особенности вводных и вставных компонентов;
- определить функциональную значимость вводных компонентов и вставок в устной речи;
- рассмотреть специфику вводных и вставных компонентов в англоязычных и немецкоязычных статьях медицинской тематики.

Теоретическая значимость заключается в изучении семантико-синтаксических свойств вводных и вставных компонентов в коммуникативно-прагматическом аспекте, позволяющем аргументированно представить их роль в оптимизации процесса как устной, так и письменной коммуникации при создании текстов разножанровой направленности.

Практическая значимость работы состоит в возможности использования данных исследования в теоретических курсах по синтаксической семантике, коммуникативной прагматике, функциональной стилистике и теоретической грамматике английского языка, теории перевода и в практике преподавания английского языка.

Научная новизна настоящей работы заключается в том, что исследование вводных компонентов и вставок осуществляется на основе современного концептуального осмысления явления вводности в аспекте языковой и дискурсивной парадигм; в процессе исследования предложена собственная классификация вводных компонентов, а также дополнена имеющаяся функциональная классификация вставок (применительно к медицинскому тексту).

Материалом для исследования послужили 160 медицинских статей на

английском и немецком языках, взятых с сайтов Topdoctors UK, Healthier You, BMC Medicine, Medical Tribune и журналов: «The Journal of the American College of Cardiology (JACC)» и «The Journal of the American Medical Association (JAMA)», а также 50 устных высказываний с вводными компонентами и вставками, извлечённых методом сплошной выборки из Разговорного корпуса в рамках Британского Национального Корпуса (British National Corpus).

Апробация исследования. Результаты диссертационного исследования проходили апробацию на следующих лингвистических конференциях: Всероссийской с международным участием научно-практической интернет-конференции «Понимание и рефлексия в культуре, науке и образовании – 2018» 23 декабря 2018 г. (г. Тверь), III Международной научно-практической конференции «Инновационные процессы в науке и образовании» 20 сентября 2019 г. (г. Пенза), Всероссийской научно-практической конференции «Проблемы и особенности развития национальной инновационной системы» 17 сентября 2019 г. (г. Саратов).

Теоретической базой исследования послужили труды учёных: Н.Д. Арутюновой, А.И. Аникина, И.А. Борисовой, А.Вежбицкой, В.В. Виноградова, И.И. Гавриленко, Н.В. Гавриловой, Г.А. Золотовой, В.И. Ивановой, К.Л. Киселевой, П.А. Леканта, Ж.Б. Макушевой, Е.В. Падучевой, Е.В. Пантелеевой, Н.В. Патроевой, А.М. Пешковского, А.М. Поспеловой, Г. Фрейзера, Д. Шиффрин и других исследователей.

Основными методами исследования являются методы сравнительно-сопоставительного анализа, интерпретационного анализа, контекстуального анализа, семантического анализа, дискурс–анализа.

Положения, выносимые на защиту:

1. Функционально-прагматические характеристики вводных и вставных компонентов, используемых в определённой коммуникативно-прагматической ситуации, в значительной степени обусловлены типом

дискурса, в котором они встречаются. В работе рассматриваются устный (бытовой) дискурс и медицинский дискурс (как форма письменного дискурса).

2. Основная функция вводных компонентов и вставок в письменном научном медицинском дискурсе – метатекстовая, то есть обеспечение когезии и когерентности; что касается устной речи, там они выполняют в основном оценочную функцию, реализуя различные субъективно-модальные значения.

3. В англоязычных медицинских статьях наиболее частотными из компонентов категории вводности являются вставки, что связано с необходимостью объяснения материала (профессиональных терминов, аббревиатур и т.п.) и более полной подачи информации.

4. В устной речи наиболее частотными являются оценочные вводные компоненты, а также вводные компоненты с фатической функцией, направленные на установление, поддержание и размыкание коммуникативного акта.

5. В неподготовленной, равно как и в подготовленной устной речи, вставки создают двуплановость текста: в спонтанной речи они употребляются, когда говорящий включает в высказывание информацию, ранее не предполагавшую вербализацию – иначе говоря, они характеризуют непоступательное мышление коммуникантов; применительно к вставкам в подготовленной речи можно отметить их функцию дополнения, внесения добавочной информации как диктумного, так и модусного характера.

Структура диссертации. Работа состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованной литературы и двух приложений.

ГЛАВА 1. ВВОДНОСТЬ КАК СЕМАНТИКО-ПРАГМАТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ

1.1. Понятие вводности в диахронно-синхроническом ракурсе

Вопрос о категории вводности и её компонентах – один из дискуссионных вопросов русской грамматики. Проблема вводных и вставных элементов привлекает к себе пристальное внимание исследователей на протяжении всей истории отечественной лингвистики. До сих пор признаётся, что «лингвистическая сущность, природа вводности ещё не определена с должной глубиной и всесторонностью» [Лекант 2002: 5].

Если обратиться к истории термина вводности, то первое его упоминание можно найти в трудах М.В. Ломоносова. Большинство вводных слов он относит к наречиям. В «Российской грамматике» М.В. Ломоносова (1757 г.) упоминается о вставных конструкциях в главе IV, озаглавленной «О знаках», где можно прочесть следующее: «Вместительный знак слово или целый разум в речь вмещает без союза и порядочного сочинения: *«Меня (кто бы подумал?) от тебя отлучают»* [цит. по: Пантелеева 2005]. В данном определении под «вместительным знаком» понимается вставное предложение.

В «Практической грамматике русского языка» Н.И. Греча 1827 года мы видим следующее определение: «Вводное предложение, или парантеза, есть совершенно постороннее предложение, не имеющее никакой грамматической связи с главным, например: *У меня, поверите ли, замерзает вода в комнате»* [Греч 1827]. Н.И. Греч объединяет вводные предложения и понятие *парантеза* (то есть вставка), объясняя их общность наличием у данных синтаксических конструкций внепредложенческой позиции и особого пунктуационного оформления.

Исследователями начала XIX в. (А.Х. Востоковым, затем Ф.И. Буслаевым и др.) было отмечено, что некоторые слова или группы слов с

разной степенью смысловой законченности в составе предложения не обнаруживают видимой формальной и необходимой смысловой связи с этим предложением [цит. по: Пантелеева 2005]. Так, А.Х. Востоков в «Русской грамматике» 1831 года впервые упоминает о вводных предложениях следующим образом: «Между частями главного предложения может вставлено быть особое предложение, называемое вводным, которое не привязывается к главному предложению, и может быть опущено без нарушения смысла, например: *Он, я думаю, скоро возвратится*» [цит. по: Руднев 1968: 174]. В данном определении вставка называется вводным предложением, а также делается акцент на её синтаксической независимости.

В большинстве грамматик русского языка XX века, а также в толковых словарях по традиции используется термин «вводные слова».

В рамках традиционной грамматики А.А. Потебня затрагивает вопрос о генетической природе вводных компонентов. Он указывает этимологию ряда модальных слов и частиц: например, *пожалуй, небось, чай* возникли на месте сказуемых в форме повелительного наклонения; *чать, чуть* – на месте составного сказуемого, состоящего из инфинитива со вспомогательным глаголом *есть*; *авось* – частица, возникшая от местоименного указания на будущее событие. Можно с уверенностью говорить о первых попытках классификации компонентов категории вводности на основе диахронии. В учении А.А. Потебни вводные слова изображались как вводные предложения или как остатки вводных предложений [Потебня 1958: 126].

Аналогичный взгляд лёг в основу анализа вводных слов в «Синтаксисе русского языка» Д.Н. Овсянико-Куликовского. Учёный рассматривал вводные слова как «часть неоконченного, недоговорённого предложения» или «как результат сокращения некогда полного предложения», от которого осталась лишь та или другая часть, иногда превратившаяся в частицу» [цит. по: Руднев 1968: 175]. Эта позиция прослеживается и в трудах других учёных, живших в более позднее время. Так, А.А. Шахматов несколько

суживает объем явления вводности. Он признает вводными словами только редуцированные предложения; затрагивая вопрос происхождения вводных компонентов, он пишет о том, что вводные слова «являются редуцированными по своему смыслу предложениями и восходят к действительным, настоящим предложениям» [Шахматов 2001: 265]. Подобная идея встречается и у А.М. Пешковского: считая вводные конструкции инородными, «внутренне чуждыми приютившему их предложению», он указывает на то, что «вводные слова и сочетания не являются частями данной мысли, потому что когда-то составляли часть другой мысли. Дело в том, что вводные слова и словосочетания образуются из так называемых вводных предложений, то есть предложений, вставленных в середину других предложений, но не соединённых с ними грамматически. Нетрудно видеть, что путем недоговаривания таких предложений и получаются вводные выражения. При этом, чем короче такое выражение и чем чаще оно употребляется, тем больше оно теряет свое первоначальное значение» [Пешковский 1956: 410].

И.И. Мещанинов одну из глав своего исследования «Члены предложения и части речи» называет «Вводные (модальные) слова», в дальнейшем он использует термин модальные слова. Таким образом, он одним из первых связывает категорию вводности с понятием модальности. Исследование категории модальности является одной из фундаментальных проблем языкознания, так как она относится к числу основных, центральных языковых категорий, пронизывающих всю языковую систему.

По мнению И.И. Мещанинова, все слова и обороты вплоть до предложений, занимающих вводное положение, нельзя объединить в одну лексическую группировку [Мещанинов 1978]. Применительно к данной группе единиц лучше использовать термин «вводный член предложения», который может быть представлен отдельными частями речи – глаголами, существительными, наречиями, словосочетаниями. И.И. Мещанинов

считает, что к числу именно вводных слов можно отнести только такие, которые получили специальное назначение выступать в вводном члене субъективной оценки и закрепляются за этим членом предложения. Их отличает неизменяемость формы, застывшая форма падежного образования. Они не входят в состав группы сказуемого, а если и связываются с ним, то только семантически, а не синтаксически. Вводные слова нельзя причислить ни к наречиям, ни к категории состояния, так как они не являются выразителями обычных предикативно-атрибутивных отношений [Мещанинов 1978: 226].

Определяя вводные компоненты как обособленно стоящие слова и группы слов с особым «смысловым выражением», И.И. Мещанинов указывает: «такие обособленные вводные члены предложения не изменяют основных отношений между другими членами предложения. Вводными (обособленными) частями передается субъективное отношение говорящего ко всему содержанию его высказывания или его эмоционально-волевое выражение. Первым из них может быть присвоено наименование вводного (обособленного) члена субъективного отношения, а вторым – вводного (обособленного) члена эмоционально-волевого высказывания» [Мещанинов 1978: 227].

Для обозначения категории вводности В.В. Виноградов, как и И.И. Мещанинов, пользуется термином «модальные/ вводно-модальные слова». Традиционно все модальные средства называют вводными или модальными словами (работы Е.М. Галкиной - Федорук, Р.Н. Попова, Г.Я. Солганика, Е.С. Скобликовой, А.Н. Тихонова, Н.Н. Холодова) [цит. по Пантелеева 2005]. Лингвистический статус модальности определяется также средствами, которые обеспечивают функциональную сущность этой категории в языке. Стоит отметить, что в лингвистических исследованиях понятия вводности и модальности в большинстве случаев отождествляются.

Центральное место в определении вводно-модальных слов у

Виноградова занимает говорящий: «Модальные слова и частицы определяют точку зрения говорящего субъекта на отношение речи к действительности или на выбор и функции отдельных выражений в составе речи» [Виноградов 1975: 85]. Вводные синтагмы, по мнению В.В. Виноградова, используются для «выражения разных логических и эмоционально-оценочных значений и разных стилистических квалификаций речи и отражают оценку высказываемой мысли или способа её выражения» [Виноградов 1975: 88]. В.В. Виноградов указывает на коммуникативную значимость категории вводности, подчеркивая, что вводные компоненты объединяет общая коммуникативная установка воздействия на собеседника, адресата речи. Он отмечает, что «они (вводные компоненты) вовлекают то лицо, к которому обращена речь, в круг желательных или нужных говорящему модальных оценок и квалификаций высказывания» [Виноградов 1975: 71]. Также он полагает, что «модальные краски и оттенки введением вводных синтагм образуют как бы второй слой модальных значений в смысловой структуре высказывания, так как они накладываются на грамматический грунт предложения, уже имеющего модальное значение» [Виноградов 1975: 75], то есть впервые указывает на важную роль вводных компонентов в создании двуплановости текста.

Таким образом, основными особенностями вводно-модальных слов (согласно В.В. Виноградову и И.И. Мещанинову) можно считать следующие:

- они лишены «номинативной функции» и этим отличаются от знаменательных слов, именуемых частями речи;
- они выражают модальность высказывания, определяют точку зрения говорящего на отношение речи и деятельности;
- они выполняют синтаксическую функцию вводных членов предложения [Виноградов 1975: 81].

Рассматривая вопрос вводных компонентов, в исследованиях учёных конца прошлого века для обозначения вводных компонентов можно

обнаружить различные термины – *парантетические слова* [Арутюнова 1988], *эгоцентрические элементы языка* [Падучева 1990], *метатекстовые элементы языка* [Вежбицкая 1978]. В словосочетании «парантетические слова» содержится указание на внешнесинтаксическую позицию данных лексем. В словарной дефиниции *парантеза* (с греческого языка термин *παρένθεσις* переводится буквально как «вставка») трактуется как фигура порядка слов, вставка одной фразы внутрь другой без грамматической связи. Таким образом, парантезу более правильно считать синонимом термина «вставка».

Эгоцентрические элементы (термин является переводом-калькой с английского языка) – обширная группа слов, содержащих отсылку к говорящему. Термин *egocentric particulars* был введен Бертраном Расселом [Russel 1940: 134]. Е.В. Падучева в своей работе «Семантические исследования» [Падучева 1996] полагает, что целесообразным является использование этого термина в более широком значении, то есть следует относить к эгоцентрическим не только действительные слова, но и показатели субъективной модальности – вводные слова, модальные слова и частицы. Е.В. Падучева выделяет два основных класса эгоцентрических элементов языка:

- метатекстовые элементы. Эти обороты предполагают говорящий субъект, поскольку их толкование включает в себя глагол *говорить*. Так, оборот *прежде всего* можно расшифровать как *прежде всего скажу*. Ниже приведён перечень метатекстовых оборотов на русском языке, составленный Е.В.Падучевой: *а именно; например; без преувеличения; более того; в довершение всего; в каком-то смысле; в конце концов; в общем; в частности; напротив; начать с того; нечего сказать; однако; одним словом; откровенно говоря; по крайней мере*.
- предикаты внутреннего (ментального) состояния. У слов, обозначающих эмоциональное, ментальное состояние или восприятие при безличном употреблении обычно подразумеваемым субъектом

является персонаж: *Муся видела, как Разудалов подхватил записку на лету. Движение напоминало жест официанта, прячущего чаевые. **Жаль только**, лица Марусиного он не разглядел (С. Довлатов. Операция «Песня»).*

Если же внутреннее состояние выражено с помощью вводного компонента, то его подразумеваемым субъектом должен быть повествователь. Это в особенности очевидно для предикатов ментального состояния. Ниже приводится их список на русском языке: *без сомнения; безусловно; бесспорно; в самом деле; вероятно; видимо; видно; возможно; всё равно; действительно; должно быть; думается; итак; к несчастью; к сожалению; к счастью; кажется; конечно; может быть; (как) на беду; на самом деле; на счастье; наверное; некоторым образом; по всей вероятности; по-видимому; пожалуй; разумеется; скорее всего; слава Богу; странное дело; увы; удивительное дело; чего доброго; что обидно; что приятно [Падучева 1996: 279].*

Е.В. Падучева отмечает, что многие вводные компоненты являются диалогичными – например, вводное *кажется*, особенно в сочетании *уже, кажется* несёт в себе элемент диалогичности: в речевом режиме оно означает, что говорящий не просто выражает своё мнение, а приглашает слушателя разделить с ним это мнение. В художественном тексте повествователь может как бы присоединяться в своих эмоциональных реакциях к персонажам: *Боялись, чтобы горячка её не возвратилась. Однако, **слава Богу**, обморок не имел последствий (А.С. Пушкин. Метель).*

Упомянутые Е.В. Падучевой метатекстовые элементы языка, равно как и сам термин *метатекст* – понятия, введённые Анной Вежбицкой. А.Вежбицкая рассматривает содержащий метакоммуникативные элементы текст как «двухголосный текст» или «двутекст» [Вежбицкая 1978: 403], включающий в себя две составляющие: текст о референте и метатекст,

организуемый текст о референте и проясняющий его «семантический узор» [Вежбицкая 1978: 421].

А.Вежбицкая подчеркивает разграничение между естественным языком и метаязыком как его особым уровнем, что позволило ей выделить условную метатекстовую единицу, для обозначения которой был введен термин «метатекстовый оператор» [Вежбицкая 1978: 419]. По словам исследовательницы, им может стать любой компонент текста, выполняющий метакоммуникативную (метатекстовую) функцию, которая соотносится с различными элементами прагматического содержания (адресат, адресант, смысловое содержание и структурная организация сообщения). Таким образом, под «метатекстом в тексте» А. Вежбицкая понимает метатекстовые элементы, погруженные в основной текст и призванные в первую очередь осуществлять его организацию. Одним из признаков метатекста можно считать его прагматическую ориентацию. Метатекстовые элементы текста «вербализуют такие прагматические компоненты, как интенция адресанта текста (автора); название текста или его элемента как объекта созидания, интерпретации, восприятия; сам факт развёртывания текста и номинация реализуемых в этом направлении речевых шагов; адресат текста и т.д.» [Шаймиев 1999: 34]. В дальнейшем термин «метатекстовые элементы» неоднократно применялся в ряде лингвистических исследований по отношению к вводным словам.

Исследования П.А. Леканта [Лекант 2002] и вслед за ним Е.А. Пантелеевой [Пантелеева 2005], определивших вводность как коммуникативно-прагматическую категорию, позволили определить глубинную сущность вводных компонентов, служащих в первую очередь для установления собственно коммуникативных отношений, межличностных контактов, создания коммуникативной оси *я – ты, говорящий – слушающий* [Пантелеева 2005]. Рассмотрение вводности в коммуникативно-прагматическом ключе дает возможность, сосредоточив внимание на связи

вводных компонентов с адресатом и адресантом, с речевой ситуацией, выбором и контекстом употребления, раскрыть действенное практическое назначение вводных компонентов, их интенциональную обусловленность и роль в оптимизации речевого общения [Алёшина 2008].

1.2. Модальность и вводность – соотношение категорий. Подходы к пониманию модальности

В процессе лингвистических исследований границы употребления термина «модальность» утратили свою определённую, вследствие чего круг значений, обозначаемых как модальные, значительно расширился. В концепциях разных исследователей объём данного понятия и охват им языковых явлений часто не совпадает. В своей работе мы рассматриваем структуралистский, герменевтический и антропоцентрический подходы к модальности.

В рамках структуралистского подхода к пониманию модальности большой интерес представляют труды В.В. Виноградова – в частности, его работа «О категории модальности и модальных словах в русском языке» [Виноградов 1950]. Согласно В.В. Виноградову, модальность – это синтаксическая категория, присущая каждому предложению как существенный конструктивный признак, независимо от его структуры, и выражающая установленное говорящим отношение содержания предложения к действительности: желательное, предположительное, возможное, реальное, нереальное [Виноградов 1950: 24]. В.В. Виноградов впервые в отечественном языкознании рассматривает понятие модальности как многообразное языковое проявление оценочной, интеллектуальной и эмоциональной деятельности человека, вследствие чего интерес к проблеме вводных и вставных компонентов, являющихся средствами реализации

модальности, значительно возрастает. Основные положения модальной концепции В.В. Виноградова можно свести к следующему:

- модальными различиями определяются типы предложения, категория модальности «ярче всего и многообразнее выражается фонетически – интонационным способом» [Виноградов 1975: 58];
- грамматически модальность передается «синтетическими и аналитическими формами наклонений глагола»;
- значения «модально-вводных членов предложения» считаются модальными и обозначают степень достоверности, стиль речи, переживание, экспрессию речи и т.д. [Виноградов 1975: 70];
- широкий спектр значений имеют модальные слова и модальные частицы, союзы и союзная связь предложений [Виноградов 1975: 72 – 77].

Интересным представляется дефиниция модальности, предложенная В.Н. Бондаренко. Ученый трактует модальность как языковую категорию, указывающую на характер отражаемых в предложении объективных связей и на степень достоверности того же предложения с точки зрения говорящего [Бондаренко 1978: 20]. Данное определение совмещает в себе характеристику как объективной, так и субъективной модальности.

Объективная модальность отражает объективные связи и отношения между элементами денотативной ситуации и является обязательным признаком любого высказывания [Виноградов 1950: 31]. Она выражает отношение сообщаемого к действительности в плане реальности и ирреальности. Такая модальность получает свое выражение на уровне синтаксического членения предложения и выражается такими грамматическими и лексическими средствами, как формы глагольных наклонений, модальные слова и частицы, интонация. В «Русской грамматике» указывается, что категория объективной модальности соотносится с категорией предикативности. Предикативность формируется

значениями объективной модальности и представляет их как сложную языковую целостность [Шведова 1980: 216].

Что касается субъективной модальности, она не является обязательным признаком высказывания, а выступает как формально-грамматическое значение. Смысловой основой субъективной модальности является оценочный компонент, то есть оценка говорящим описываемых фактов (с позиций уверенности или неуверенности, согласия или несогласия, положительная или отрицательная оценка сообщаемого):

Иное, конечно, дело люди двуязычные; в совершенстве владея вторым языком, они, вероятно, могут думать и на каждом из двух, по желанию (Л. Успенский. Слово о словах) [цит. по: Пантелеева 2005].

Насчет семантического объема субъективной модальности у лингвистов нет единой точки зрения. Характеризуя сущность субъективной модальности, В.В. Виноградов писал, что «необходимо проводить грань между эмоциональными формами выражения реакции на действительность и модальной оценкой» [Виноградов 1950: 49]. С другой стороны, он отмечал, что «с категорией модальности частично переплетаются разные виды эмоциональной экспрессии» [Там же: 49]. Последнее замечание позволяет сделать вывод о том, что учёный не исключает эмоциональную оценочность из субъективной модальности.

Круг средств актуализации субъективной модальности весьма широк. Сравнивая семантический объём объективной и субъективной модальности, следует отметить, что объём последней значительно шире. Как справедливо замечает Л.Г. Паранук, субъективная модальность охватывает «всю гамму реально существующих в естественном языке разноаспектных и разнохарактерных способов классификации сообщаемого» [Паранук 2001: 206] и может быть реализована различными средствами:

- оценочной лексикой;
- модальными словами и частицами;

- специальным лексико-грамматическим классом слов, а также функционально близкими к ним словосочетаниями и предложениями (в составе предложения эти средства обычно функционируют в качестве вводных компонентов);
- при помощи порядка слов;
- при помощи междометий;
- специальными интонационными средствами для акцентирования удивления, сомнения, уверенности, недоверия, протеста, иронии и других эмоционально-экспрессивных оттенков субъективного отношения к сообщаемому;
- композиционными приёмами [Паранук 2001: 207].

Следует отметить, что между значениями субъективной и объективной модальности и способами их языкового выражения не существует резкой грани. Для выражения того и другого вида модальности нередко могут использоваться одни и те же языковые средства. Например, лексема «может» в зависимости от контекста выражает либо объективную модальность (*может* = в состоянии, имеет возможность: *Он может говорить по-французски*), либо субъективную модальность проблематичности, функционируя как вводный компонент (*может* = может быть: *Может, они и придут сегодня*) [Киселева 2005].

Проанализировав работы отечественных лингвистов, посвящённые исследованию субъективной модальности, можно выделить два подхода к её пониманию. Логико-понятийный подход представляет собой узкое понимание явления: в его рамках субъективная модальность понимается как логическая квалификация сообщаемого. Главный способ экспликации этого вида модальности – это вводно-модальные (или просто вводные) слова. Такую трактовку субъективной модальности мы находим в работах таких учёных, как Г.А. Золотова [Золотова 1973], В.З. Панфилов [Панфилов 1977], Т.П. Ломтев [Ломтев 2007 и др.].

Коммуникативный подход включает в себе более широкое понимание субъективной модальности, так как рассматривает её применительно к ситуации общения. В акте коммуникации можно условно выделить два компонента – то, что сообщается, и то, как это сообщается. Второй компонент и представляет собой субъективную модальность в широком понимании, включающую в себя не только логическую квалификацию сообщаемого, но и разные лексико-грамматические способы выражения эмоциональной реакции. Такой подход мы находим в работах Ш.Балли [Балли 1955]; Н.Ю. Шведовой [Шведова 1980]; Н.Д. Арутюновой [Арутюнова 1993]; В.Г. Гака [Гак 2000] и др. Так, В.Г. Гак пишет, что ситуация, обозначаемая в предложении, включает два компонента: предметный (факты – то есть объективно-модальная информация) и модально-коммуникативный (цель общения, отношение участников общения к событию, информированность об обстоятельствах события, социальный аспект и т.д.). Модально-коммуникативный аспект, по его словам, является «душой предложения и позволяет ему стать коммуникативной единицей» [Гак 2000: 468].

Теперь обратимся к изучению модальности в аспекте трансляции смыслов (то есть в герменевтическом аспекте). Оно представляется весьма перспективным, поскольку именно закрепление наиболее частотно используемых модальных смыслов в модальных значениях делает возможным отнесение к набору средств языкового выражения модальности множества разнообразных конструкций и единиц – от определения коммуникативного статуса предложения и выбора соответствующего интонационного оформления до выделения отдельных блоков модальных лексических единиц – глаголов, вводных слов, частиц с модальным компонентом в их семантике [Ильина 2014: 39].

Говоря о единицах языковой системы, используемых для выражения модальности, представляется возможным использовать понятие модального

значения. Можно согласиться с тем, что без формального показателя, регулярно сопрягаемого с некоторым набором максимально абстрактных категоризированных значений (таких, как долженствование, умение, необходимость, возможность и т.п.) нельзя говорить о модальности как об обособленной языковой категории. Однако в тексте подобные отношения могут выражаться и без использования формального языкового инструментария. Так, И.Р. Гальперин относил модальность к группе категорий речи, актуализирующей языковые механизмы [Гальперин 2004: 113]. Вследствие этого представляется необходимым при описании функционирования модальности на уровне текста использовать понятие модального смысла. Последнее, однако, не отменяет силы понятия модального значения, поскольку рефлексия должна быть направлена не только на синтагматику, но и на парадигматику текста [Щедровицкий 2005: 51].

Синтаксические средства часто рассматриваются в качестве ведущей формы языкового выражения модальности – особенно в рамках структуралистского подхода. Так, Н.Ю. Шведова в качестве необходимой характеристики модальных значений отмечала их связанность с целостной синтаксической конструкцией [Шведова 1958: 17]. Лингвопрагматическая концепция модальности подчеркивает невозможность рассмотрения модальности вне коммуникативного акта, конкретной ситуации общения. При этом модальность трактуется как коммуникативно-прагматическая категория синтаксиса, в основе которой лежит некий базовый структурный компонент – минимальное сочетание синтаксических форм, формирующих высказывание с некоторым типовым значением [Федосеева 2005: 7]. Такое понимание модальности не может объяснить всего богатства смысловых отношений, объединяемых термином «модальность», не только в языке, но и в речи [Ильина 2014: 41]. Модальность пронизывает все уровни языка. Помимо морфологического и синтаксического аспектов существует

множество вариантов выражения модальности только лексическими средствами, когда модальные оттенки значения оказываются включёнными в семантику отдельных лексических единиц. Например, в рамках дискурса опровержения глаголы с противительным значением могут быть разделены на две группы: глаголы с алетической модальностью (алетическая модальность – это выражаемая в терминах необходимости или возможности информация о логической зависимости между субъектом и предикатом суждения, либо о фактической зависимости между отражаемыми в них явлениями): *осуждать, возражать, обвинять, противоречить* (рус.), *to refute, to disprove, to rebut, to disapprove, to contradict, to convict* (англ.), *verneinen, bestreiten, widersprechen, beschuldigen, anklagen* (нем.) и др.; ориентированные на оспаривание истинности высказанного мнения, и глаголы с акциональной модальностью: *отвергать, отказываться* (рус.), *to refuse, to reject, to decline, to repel* (англ.), *abschlagen, widerlegen* (нем.), обозначающие необходимость выполнения схемы действий, которая противоречит ранее выдвинутому положению [Пучкова 2006: цит. по: Ильина 2014: 43].

Как видно из приведённого примера, такие единицы не специфичны для системы конкретного языка. Манифестация модальности на лексическом уровне подкрепляется наличием в некоторых языках зависимости между используемыми в предложении лексическими единицами с модальной семантикой и избираемой грамматической формой. Вопрос о мере связи понятийного содержания модальности в соотношении с регулярными средствами её языкового выражения представляется нерешённым даже в отношении наиболее распространённых экспонентных форм.

Таким образом, например, модальность оказывается отделённой от основного средства своего языкового выражения – глагольного наклонения [Ильина 2014: 43]. Отмечая, что наклонение является не понятийной (notional), а синтаксической категорией, О. Есперсен выделяет два набора её

реализаций (подкатегорий), организованных по принципу наличия/отсутствия компонента волеизъявления [Jespersen 1924: 313, 320]. Данное деление соотносится с разделением модальности у Дж. Лайонса на эпистемическую, связанную с выражением только мнения, отношения говорящего (в терминах веры и знания), и деонтическую модальность, определяющую необходимость/ возможность действий субъекта как следствие выполнения его моральных обязанностей [Lyons 1977: 823]. Проблемы такого разделения связаны с тем, что в большинстве языков и та, и другая модальность выражается одними формами: *He may come tomorrow = Perhaps he will come/He is permitted to come*. Имеющиеся различия форм носят частный характер, например, отсутствие эпистемического *must* в английском языке [Palmer 1986: 19]. Строго говоря, на поверку оказывается, что любое средство модальной языковой системы в определённом контексте употребления может терять свою модальную окрашенность. Таким образом, модальность является контекстуально обусловленной категорией.

Научные исследования середины XX – начала XXI в. характеризуются своей антропоцентрической направленностью [Селезнева 2013: 233]. В настоящее время лингвистика изучает язык не только ради него самого, но язык в неразрывной связи с человеком, с его сознанием и мышлением, духовной жизнью и культурой, то есть не просто как орудие межличностной коммуникации, но и как способ отражения окружающего мира и себя в этом мире [Силантьева 2012: 203]. Именно в языке и благодаря языку человек конституируется как субъект, так как «только язык придаёт свою реальность, которая есть свойство быть, понятию «Ego» – «моё я» [Бенвенист 2010: 293]. В рамках антропоцентрического подхода модальность рассматривается как одна из эгоцентричных категорий, с помощью которых человек не просто передает суждение об окружающей действительности, но делает это, пропуская всё через себя и собственный жизненный опыт. Семантическим ядром категории модальности является, кроме понятий объективности и

субъективности, и явление межсубъективности, потому что модальность присуща «языку в действии» [Гальперин 2004: 113].

В лингвистике одним из первых о соотношении объективного и субъективного заговорил В. фон Гумбольдт. Он заявил, что язык «есть средство преобразования субъективного в объективное», при этом «речевая деятельность даже в самых своих простейших проявлениях есть соединение индивидуальных восприятий с общей природой человека» [цит. по: Краснова 2002: 23].

Что касается субъективной природы языка, об этом упоминал в 1897 г. М. Бреаль, стоящий у истоков французской семантики. Он утверждал, что «всё в языке идёт от человека и адресуется человеку» [цит. по: Balatchi 2013]. Наиболее полно проблему субъективного в языке рассматривал Э. Бенвенист [Бенвенист 2010: 293]; он отмечал, что язык и речь, понимаемая как актуализация языка, по своей природе являются субъективными. Под субъективностью как таковой Э. Бенвенист понимает «способность говорящего представлять себя в качестве субъекта», которая проявляется не в ощущении себя как такового, а в языке: «Тот есть *Ego*, кто говорит *Ego*» [Бенвенист 2010: 294]. Э.Бенвенист также упоминает о полярности процесса коммуникации, в котором происходит взаимоотражение собеседников по отношению друг к другу. Это явление он называет межсубъективностью или двусторонней субъективностью в рамках коммуникации.

В отечественном языкознании к позиции Э. Бенвениста близок Г.Я. Солганик, который также подчёркивает важность субъективного критерия: «Язык как система знаков обозначает предметы, понятия, явления независимо от воли и желания человека. Однако языковые процессы (номинация, предикация и т.д.) осуществляются с точки зрения коллективного языкового сознания, в конечном счёте – с точки зрения говорящего» [Солганик 2010: 4]. Из приведённого определения можно

сделать вывод о том, что субъективизм в той или иной степени присущ и объективной модальности.

В связи с этим стоит отметить позицию Ю.С. Степанова, согласно которой модальность «не является ни субъективной, ни объективной категорией, она является категорией объективно-относительной. Модальность есть представление действительности с точки зрения субъекта речи – «Я» говорящего, но с точки зрения типизированной, объективизированной «раз и навсегда» – для данного состояния языка – средствами самого языка» [Степанов 1981: 257]. Соглашаясь с тем, что язык по своей природе является субъективным в том смысле, что порождён и является орудием, присущим человеку в целом, мы также признаем и тот факт, что язык располагает средствами для выражения и субъективности, и объективности.

В нашей работе мы рассматриваем специфику вводных компонентов и вставок, которые можно считать средствами реализации категории модальности. При их анализе мы будем руководствоваться традиционным в лингвистике пониманием субъективности и объективности, согласно которому к объективной модальности относятся те средства языка, которые можно рассмотреть с позиции реальности/ нереальности, что тесно связано с понятиями синтаксиса, наклонения и времени [Селезнева 2013], тогда как к субъективной модальности относится всё, что соотносится с личной позицией говорящего (то есть модальные глаголы, частицы, вводные компоненты и т.п.). Квалифицируя тот или иной компонент как субъективно- или объективно-модальный, необходимо принимать во внимание контекст, в котором он употребляется.

1.3. Синтаксическая специфика вводных компонентов и вставок

Вводные компоненты тесно связаны с актуальным членением предложения. Синтаксически вводный компонент, как правило, занимает контактную позицию по отношению к актуализируемому члену предложения. Позиция вводного слова – это позиция подчинённости реме; не являясь при этом её частью, оно выполняет роль актуализатора ремы, например:

Почта запоздала, видишь ли, на неделю.

Если перевести это высказывание на английский язык, оно будет звучать следующим образом:

The mail, you see, was a week late.

Как и в русском, так и в английском предложении место вводных компонентов свободное; они легко занимают позиции в начале, в конце или в середине предложения, свободно вводятся в него и свободно из него изымаются, будучи соотнесёнными со всем содержанием предложения. Интересной представляется позиция Г.Свита, который, рассматривая синтаксическую специфику вводных предложений, выделяет следующие группы вводных предложений: 1) inserted (вставные); 2) parenthetic (вводные); 3) appended (привески).

Он определяет их следующим образом. *Inserted clauses* рассматриваются как придаточные предложения, которые находятся только в интерпозиции.

If all goes well, I'll finish it tomorrow.

Parenthetic clauses представляют собой независимые предложения, которые вклиниваются в другое предложение и являются логически главными во всей конструкции.

I shall finish, I hope, by the end of the week.

Appended clauses, согласно Г.Свиту – это самостоятельные предложения, которые занимают постпозицию [Sweet 1990].

I am a doctor, you know.

Мнение о том, что вводные компоненты формально не связаны с предложением, то есть являются синтаксически независимыми, прочно держится в нашей науке, в частности, в работах А.Н. Гвоздева, А.Б. Шапиро, Д.Э. Розенталя, В.А. Белошапковой и др. [цит. по: Пантелеева 2005]. Тем не менее, многие учёные отмечают особый характер связи вводных компонентов и предложения. А.Г. Руднев называет связь между вводным компонентом и предложением соотносительной: «Между вводными словами и остальной частью предложения мы имеем специфический характер связи (отношения), который по-своему специфически выражает взаимосвязь элементов в составе предложения и который мы предлагаем называть соотношением и соотносительной связью» [Руднев 1959: 123].

Е.В. Кротевич, называя «включением» отношение между «сопутствующими членами» и основным составом предложения, замечает: «Включение – это способ синтаксической связи между сопутствующим или обособленным членом предложения и тем высказыванием, в которое он вводится. Средством выражения являются порядок слов и интонация, с помощью которых создаётся разноплановость в ритмо-мелодическом оформлении предложений» [Кротевич 1958: 31].

Ученые предпринимали попытки обнаружить также и синтаксическую связь вводных компонентов с отдельными словами предложения, с его частями или со всем предложением в целом. А.И. Аникин, например, сближает эту связь с примыканием [Аникин 1960: 22 – 27]. Д.И. Ганич отмечает, что грамматическая связь вводных компонентов с предложением существует (при этом он исходит из того, что, где есть смысловые связи, там есть и грамматические связи), что она выражается в интонации и в порядке слов, но дать свое определение этой связи он не решается [Ганич 1957: 12].

А.Г. Руднев отмечает, что «собственно вводные слова или группы слов выделяются в составе предложения как особый член предложения с особым назначением, отличным от других членов предложения» [Руднев 1959: 146]. Как было упомянуто ранее, о «вводном члене предложения» писал и И.И. Мещанинов [Мещанинов 1978]. По словам А.Г. Руднева, вводное слово становится особым членом предложения на основе существования между вводным словом и определяемым членом предложения особой соотносительной связи, которая есть не что иное, как смысловая связь, грамматически выраженная фактом включения в состав предложения и соседством определяющих и определяемых слов. Вводные слова, выполняя определённые смысловые функции в предложении и имея своё специфическое грамматическое оформление, стоят не вне его, не при нём, а в нём, выступая в роли особого вводного члена предложения или вводного предложения [Руднев 1959: 125].

«Ну, что же, теперь, я надеюсь, вы вспомнили мою фамилию?» Но Стёпа только стыдливо улыбнулся и развёл руками (М. Булгаков. Мастер и Маргарита»).

Таким образом, отрицается «членство» вводных слов в предложении с точки зрения традиционных представлений о членах предложения, но признаётся в качестве факта особого рода. В соответствии с этим и связь вводных слов в предложении трактуется как особая, отличная от всех видов подчинения и сочинения, но которая может быть охарактеризована, однако, как зависимая [Пантелеева 2005]. Существует альтернативная точка зрения, сформулированная Е.П. Седуном. Вводными он называет «побочные образования в составе предложения, связанные с ними формами прерывистых связей и включаемые в него с сохранением формальной независимости» [Седун 1955: 5]. В данном определении утверждается наличие связи, но при этом она характеризуется как независимая.

1.4. Компоненты категории вводности: к вопросу разграничения вводных компонентов и вставок

Хотя категория вводности уже достаточно давно является объектом пристального внимания лингвистов, до сих пор признаётся, что «лингвистическая сущность, природа вводности еще не определена с должной глубиной и всесторонностью» [Лекант 2002], по-разному трактуется и сам термин вводности.

Категория вводности – широкое лингвистическое явление. Традиционно в рамках категории вводности принято рассматривать вставки и собственно вводные компоненты; в отечественном языкознании эти синтаксические явления зачастую объединяются под общим термином «*парентезы*» [Мецлер 1987], «*парентезных внесений*» [Долгова 1980]; стоит также отметить, что в лингвистическом наследии XX столетия дискуссионной остается оправданность подобного объединения.

Для начала обратимся к словарным дефинициям синтаксических категорий вставок и вводных компонентов. Так, О.С. Ахманова в «Словаре лингвистических терминов» определяет категорию *вводных слов* (англ. *introductory/ parenthetical words*) как «слова, формально-грамматически не связанные с другими словами в предложении, не являющиеся членами предложения и выражающие отношение говорящего к высказываемому (значение субъективной модальности), отношение данной мысли к предыдущей или последующей речи или указывающие на то, что говорящий считает высказываемую мысль чужой» [Ахманова 1966: 76].

В определении, приведённом Н.Ю. Шведовой в Русской Грамматике-80, которое совмещает в себе семантическую и морфологическую характеристику вводных компонентов, вводные слова трактуются как «довольно обширная и легко пополняющаяся группировка лексико-синтаксических единиц – словоформ и в разной степени устойчивых

сочетаний, выражающих отношение к сообщаемому или его характеристику: экспрессивную реакцию на сообщение; подчёркивание, выделение какой-то его части; характеристику сообщаемого с точки зрения его связей и отношений, достоверности или недостоверности; по характеру протекания во времени; отнесение сообщения к его источнику [Шведова 1980: 150]. Вводно-модальные компоненты не изменяют общей структурно-семантической схемы предложения, они обогащают её разнообразными субъективно-модальными смыслами, в логико-семантической структуре высказывания выполняют роль предиката пропозиционального отношения, аргументом которого служит некоторая пропозиция событийного или оценочного характера [Шведова 1980: 155].

Вводные слова характеризуются следующими общими признаками:

- ✓ В их состав не входят слова с конкретно-предметными значениями: со стороны лексико-семантической организации эта группа ограничена глаголами, именами, наречиями и фразеологизмами со значением мысли, речи, восприятия, оценки, эмоциональных, интеллектуальных, волевых состояний, разнообразных отношений, связей и зависимостей, меры, степени, качественности или количественности.
- ✓ Со стороны грамматической организации эта группа достаточно пёстрая. В ней представлены спрягаемые формы глагола, инфинитивы, деепричастия, существительные в разных падежных формах, без предлогов и с предлогами, наречия и предикативы, а также глагольные и именные фразеологизмы. В большинстве случаев вводные компоненты сохраняют лексические и грамматические связи с соответствующим знаменательным словом, с его парадигмой; такие связи утрачены или ослаблены лишь у фразеологизмов (например, *само собой, собственно говоря, чего доброго, на ту беду, не ровен час, в конце концов, тем более, по меньшей мере, по крайней мере*), а также у незначительного количества вводных слов, таких, как *конечно, во-*

первых, во-вторых. Однако и в том случае, когда живые грамматические и лексические связи у вводного слова или сочетания сохраняются, оно оказывается обособленным от системы форм соответствующего слова, формально и функционально изолированным от членов его парадигмы; особенно очевидно это у вводных слов и сочетаний – падежных форм с предлогами: *к сожалению, по существу, без сомнения, без преувеличения, в каком-то смысле, к тому же, по слухам, сверх того,* а также у сочетаний с деепричастием и инфинитивом: *говоря по совести, собственно говоря, честно говоря, лучше сказать, вернее сказать, сказать по совести, нечего сказать.*

- ✓ Вводные слова, вводные словосочетания и предложения объединяются специфической функцией, противопоставляющей их всем другим классам слов и сближающей их с модальными частицами: они всегда так или иначе характеризуют сообщаемое с позиций говорящего, выражают отношение говорящего к сообщаемому [Шведова 1980: 207-208].

Все эти признаки характеризуют вводные слова как особую лексико-синтаксическую группировку, дающую общую оценку сообщения, указывающую на источник и способ сообщения, связь с контекстом, порядок следования компонентов высказывания.

Что касается вставок (англ. *insets, asides*), О. С. Ахманова определяет их как «слово или словосочетание, не соединённое грамматически с другими элементами предложения», указывая при этом, что «в отличие от вводных слов и словосочетаний, вставка вносит в предложение дополнительную информацию» [Ахманова 1966: 89]. Н.С. Валгина также делает акцент на «дополнительном» характере вставок, отмечая, что вставки содержат дополнительные сведения, попутные замечания, различные уточнения, пояснения, поправки [Валгина 2001: 155].

Категорию же парентезы (внесения, англ. *parenthesis*), в рамках которой в отечественной лингвистике зачастую объединяются вставки и вводные компоненты, О.С. Ахманова определяет как «вводный элемент в составе предложения», то есть отождествляет данный термин с термином *вводное слово* [Ахманова 1966: 79], что представляется не вполне оправданным.

Объединяя вводные компоненты и вставки в одну категорию – категорию вводности, отечественные учёные, проводившие свои исследования на материале русского и других европейских языков, принимают во внимание:

- во-первых, отсутствие грамматической связанности вводных компонентов с основным высказыванием (или, по крайней мере, особый характер этой связи) [Ахманова 1966; Глухова 1985; Мецлер 1987], и, в силу этого, относительную синтаксическую обособленность их формы и особую интонацию, передаваемую на письме запятыми, тире и скобками [Долгова 1978; Мецлер 1987];
- во-вторых, добавочный, сопутствующий характер содержания вводных компонентов и вставок по отношению к содержанию основного высказывания [Мецлер 1987 и др.].

Рассмотрим, как вопрос объединения и разграничения вводных компонентов и вставок решался в трудах некоторых отечественных авторов. В работе С.И. Абакумова «Методика пунктуации» [Абакумов 1954] указывается на многообразие языковых явлений, объединённых термином «вводные»; общим для всех этих явлений с формальной стороны становится их синтаксическая изолированность, а распознавать их можно только со стороны значения. В 1948 году А.Б. Шапиро в своей рецензии на работу С.И. Абакумова «Методика пунктуации» впервые указывает на необходимость разграничения вводных компонентов и вставок. В частности, он отмечает, что С.И. Абакумов слишком широко использовал термин «вводные слова и

предложения», говоря о том, что вводные предложения, более обширные по объёму, пишутся в скобках [цит. по: Пантелева 2005: 26]. По мнению А.Б. Шапира, вставными являются «слова, группы слов, предложения, группы предложений, имеющие особую функцию добавочного, ранее не предполагавшегося к включению в основную ткань предложения, замечания» [Шапиро 1948: 63]. Важным в работе является и то, что А.Б. Шапиро указывает на возможность грамматической связи вставок с членами основного предложения или со всем основным предложением, в то время как вводные слова и предложения такой связи не имеют. В более поздней работе «Современный русский язык. Пунктуация» 1966 года А.Б. Шапиро утверждает, что «вставочный характер может иметь почти любой член предложения, многие типы придаточных предложений в составе сложного, но, наряду с этим, существуют такие слова, предложения, которые ни в каких синтаксических отношениях с основной частью предложения не находятся» [Шапиро 1966: 192]. Таким образом, учёный одним из первых выделяет две группы вставок: связанные с основным предложением и не связанные с ним.

Большинство исследователей обосновывают необходимость строгого разграничения вводных конструкций и вставок, руководствуясь различиями этих категорий по смысловому содержанию, функциям в речи, лексико-грамматическими свойствами и особенностями в синтаксическом оформлении вводных и вставных компонентов (порядок слов, характер внутренней структуры и т.д.) [Щеболева 1955: 87–109, Тихомиров 1963: 100 – 102]. А.А. Мецлер пишет о том, что «деление вводных единиц на вставки и собственно вводные <...> вызвано разграничением двух основных значений вводных единиц: значения пояснения и субъективно-модального значения» [Мецлер 1987: 87]. В отличие от вводных компонентов, вставки никогда не выражают модальных, эмоциональных или экспрессивных значений. А.А. Мецлер не исключает вставки из категории вводности, выделяя семантические различия между ними – для вставок характерным является

значение пояснения, добавления попутных сведений либо поправок, для вводных компонентов – значение субъективной модальности.

Что касается отличий на лексико-синтаксическом уровне, то, как отмечает М.А. Гавриленко, вводные компоненты в значительной степени стандартизированы и фразеологически связаны, они лишены самостоятельности и поэтому возможны только как осложняющие компоненты в основном высказывании и вне его не функционируют, тогда как вставки более самостоятельны, многообразны по значению, могут представлять собой самые разнообразные синтаксические конструкции, то есть не имеют лексических и структурных ограничений [Гавриленко 1986: 70].

Весьма интересна полемика, возникшая между учёными по вопросу необходимости разграничения вводных компонентов и вставок, а также отнесения вставок к категории вводности. Так, А.Г. Руднев в работе «Синтаксис осложнённого предложения», критикуя выдвинутый А.Б. Шапиро принцип разграничения синтаксических явлений вводности и вставочности, считает доводы автора недостаточными для признания вставочности в качестве самостоятельной синтаксической категории, поскольку вставки, по его мнению, не имеют отличных от вводных слов смысловых функций и особого оформления, составляющих единство формы и содержания как необходимых элементов для признания каждой отдельной синтаксической категории. Однако, рассматривая смысловые функции вводных членов предложения, сам А.Г. Руднев к некоторым функциям (степень достоверности сообщаемого, указание на источник высказывания, указание на переход к выводу) подбирает в качестве примеров только вводные компоненты, а к некоторым функциям (всякого рода замечания, делаемые попутно, мимоходом, вскользь, справки для пояснения того, о чём идёт речь) только вставки, тем самым фактически разграничивая вводные компоненты и вставки по смысловым функциям [Руднев 1959].

Е.П. Седун в статье «О так называемых «вводных» и «вставных» конструкциях» справедливо, на наш взгляд, считает эти компоненты разновидностями одной синтаксической категории – вводности. Он предлагает назвать родовую категорию термином «вводность», а вместо терминов «вставные конструкции» и «вводные конструкции» употреблять соответственно названия «объективно-модальная вводность» и «субъективно-модальная вводность» [Седун 1959: 194]. Подобная идея дифференцировки вводных и вставных компонентов на основе дихотомии субъективной и объективной модальности встречается и у А.И. Студневой. Она считает, что основным признаком вставок является их констатирующий, сообщающий характер, таким образом, их содержание «отличается объективной модальностью, выражением отношения содержания высказывания к объективной действительности» [Студнева 1967: 261], а основным признаком вводных конструкций «является их субъективизм, выраженное в них субъективно-модальное отношение говорящего к тому «кусочку» действительности, который изображён в основном предложении» [Студнева 1967: 262].

В работе «Общая характеристика вставочных конструкций в современном русском литературном языке» И.И. Щеболева детально обосновывает необходимость чёткого разграничения вводных и вставных компонентов: «Всестороннее исследование вставочных конструкций в современном русском языке связано с отграничением их от смежных с ними других синтаксических явлений» [Щеболева 1955: 90]. Вставки, будучи носителями дополнительных, побочных замечаний, вступают в особую смысловую связь с тем предложением, в состав которого они входят. Она отмечает, что вводные и вставные компоненты относятся к числу синтаксических явлений, осложняющих простое предложение, но между ними много различий, которые позволяют выделить вставочность в самостоятельную синтаксическую категорию.

Итак, различия между вводными и вставными компонентами можно свести к следующему:

- 1) вводные компоненты являются лексико-грамматическим средством выражения субъективной модальности; вставки же в большинстве своём выражают объективно-модальные значения и употребляются для сообщения различного рода оговорок, ссылок, дополнительных замечаний и пояснений; таким образом, вводные компоненты и вставки отличаются друг от друга своей основной функцией в высказывании;
- 2) различен характер их смыслового содержания: в отличие от вводных компонентов, характеризующихся ослаблением своего лексического значения, вставки полностью сохраняют свое лексическое значение;
- 3) вводные компоненты включают относительно устойчивый, ограниченный по смыслу круг слов или словосочетаний; вставки же не связаны с определенными лексико-грамматическими средствами выражения и характеризуются чрезвычайным разнообразием структурных типов – от предложения до вопросительного или восклицательного знака.

В рамках структурно-семантического подхода А.И. Студнева, стремясь конкретизировать функционально-семантическое соотношение вводных компонентов и вставок, приходит к выводу о том, что вводные предложения, не являясь коммуникативными единицами языка, содержат субъективное отношение говорящих к содержанию высказывания и выполняют модальную функцию, функцию обращения и модально-эмоциональной оценки того, о чем говорится в основном предложении [Студнева 1969] – то есть являются единицами предложения. Что касается вставок, то, имея дополнительный, оговорочный характер и объективно-модальное содержание, они выполняют функцию уточнения, пояснения и эмоционального сопровождения высказывания и являются средством речевой коммуникации с назначением сообщения о фактах действительности.

Необходимость разграничения вводных конструкций и вставок

привела к возможности выделения основных характерных признаков вставок как самостоятельного синтаксического явления:

- смысловая связь с отдельными членами предложения или со всем основным предложением;
- выражение различных попутных, добавочных замечаний, поясняющих, уточняющих и развивающих содержание основного высказывания, что можно расширить и за счёт эмотивно-оценочной коннотации;
- специфическая интонация. Сопоставительный анализ просодических особенностей этих синтаксических явлений, проведенный Р.М. Романовой [Романова 1971] и Ю.М. Златопольским [Златопольский 1980] показал: во-первых, вставные конструкции, в отличие от вводных компонентов, образуют самостоятельную синтагму восходяще-нисходящего мелодического рисунка, отделенную от основного высказывания с двух сторон значительными паузами; во-вторых, как и вводные компоненты, вставки произносятся на более низком мелодическом уровне по отношению к основному высказыванию, но, в отличие от вводных, они, как пишет Р.М. Романова, никогда не выпадают полностью из общего мелодического уровня основного высказывания [Романова 1971: 16]; в-третьих, характер мелодики основного высказывания, особенно первой его части (если вставка интерпозитивна), полностью зависит от акцентной структуры этой части высказывания, а не от наличия в нём вставной конструкции. Ю.М. Златопольский отмечает, что интонация вставочности не зависит ни от структурного типа вставки, ни от её позиции в пределах основного высказывания, ни от способа её включения в контекст [Златопольский 1980: 58].

- выделение скобками или тире на письме (в отличие от вводных компонентов, которые выделяются запятыми).

Ряд учёных рассматривают вставку как самостоятельное

синтаксическое явление, исключая её из категории вводности. Сторонники такого подхода (например, И.А. Аникин, Э.Г. Ризель, Е.В. Кривошеева, А.Ф. Прияткина) упоминают, например, о том, что информация, включаемая в состав предложения с помощью вставок, не всегда является второстепенной, передающей лишь попутные замечания. Довольно часто вставки несут важную информацию, без которой основное предложение не получило бы необходимой коммуникативной направленности. Например:

Тут он вспомнил, что сам Кончеев в своих критических обзорах не раз, — свысока и, в сущности, столь же недобросовестно, — задевал Мортуса (который, кстати сказать, был в частной жизни женщиной средних лет, матерью семейства, в молодости печатавшей в «Аполлоне» отличные стихи, а теперь скромно жившей в двух шагах от могилы Баширицевой и страдавшей неизлечимой болезнью глаз, что придавало каждой строке Мортуса какую-то трагическую ценность) (В. Набоков. Дар).

В приведённом примере в роли вставки выступает придаточное определительное распространённое предложение.

В предложении, содержащем вставку, в современных лингвистических исследованиях принято выделять два плана высказывания. По мнению Н.А. Кобриной, предложения со вставками отражают в речи «не абсолютную линейность речи, а её возможную ярусность» [Кобрина 1974: 26]. На это же указывает С.Г. Онишко, называя структуру со вставкой «двутекстом» [Онишко 1997: 4]. В работе Я.Г. Биренбаума «Пространство вводности и придаточные предложения» отмечается, что вставка создает «структуру двуслойности за счет объединения в одном предложении частей, достаточно резко различающихся между собой семантически, а часто и ритмико-мелодически, грамматически, стилистически» [Биренбаум 1981: 46].

Лингвисты по-разному рассматривают проблему синтаксического статуса вставок. Согласно традиционной точке зрения, вставки являются

единицами осложнения (подобная позиция прослеживается в трудах А.И. Аникина [Аникин 1967], Н.С. Валгиной [Валгина 2001], Ю.М. Златопольского [Златопольский 1980], Н.М. Шанского [Шанский и др. 1981]. Другие учёные определяют такие предложения как бипредикативные предложения со вставной предикативной единицей, то есть рассматривают вставки, выраженные предикативной единицей, как часть сложного предложения [Черемисина, Колосова 1987]; как сложные парантетические предложения [Ризель 1967]; или как особую структуру, включающую предложение (вставную предикативную единицу) [Кобрина 1974]. Иная точка зрения принадлежит А.Ф. Прияткиной: «Синтаксическое явление, которое называют вставкой, выходит далеко за рамки осложнённого предложения, оно связано и со структурой сложного предложения, и со структурой текста» [Прияткина 1990: 125]. В данном определении содержится указание на метатекстовую функцию вставок.

А.И. Аникин [Аникин 1967] в своих работах подробно описывает грамматические и лексико-семантические средства связи вставок с основным предложением. Textoобразующая функция вставок изучается, как правило, на материале художественных произведений. Пристальное внимание учёные уделяют функции актуализации определённой информации основного предложения с помощью вставки (Л.А. Аверкин, Н.А. Кобрина, Е.В. Кривошеева, Э.Г. Ризель). Определяя эту функцию как особый стилистический прием – парантезацию (Э.Г. Ризель), или стилистический прием, направленный на создание эмоционально-эстетического эффекта (М.Т. Онишук), учёные признают особую экспрессивность вставок (Т.Н. Акимов, Е.И. Иванов, Л.Г. Кайда, Л.С. Пастухова). Благодаря функции «экспрессивного разрыхления речи» (Э.Г. Ризель), вставка в составе основного предложения рассматривается в качестве «экономного средства выражения информативного объёма» (С.О. Глушакова, М.М. Тягунова, Л.С. Пастухова) [цит. по Пантелеева: 2005: 29].

1.5. Компоненты категории вводности в рамках англоязычной лингвистической традиции

Обращаясь к вопросу разграничения вводных компонентов и вставок в англоязычной лингвистической среде, следует отметить, что зарубежные грамматики английского языка не акцентируют внимания на различиях между вставными и вводными компонентами, объединяя их в группу, именуемую “*parenthesis/ parenthetical elements*”.

Согласно *Collins English Dictionary*, «parenthesis is a phrase, often explanatory or qualifying, inserted into a passage with which it is not grammatically connected, and marked off by brackets, dashes, etc» [URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/parenthesis>].

Если перевести это определение на русский язык, то речь будет идти скорее о вставках, чем о вводных компонентах; в нём имеется отсылка на независимую синтаксическую позицию и добавочный характер компонентов. В функциональном плане вводных компонентов англоязычные лингвисты отмечают следующие аспекты: parenthetical elements 1) give more explanation and add emphasis; 2) offer readers an insight into true feelings and opinions of characters and narrators. Данное определение применимо к художественной литературе; оно показывает, что парантетические конструкции функционируют как важные средства актуализации художественного дискурса.

Брайан Гарнер, автор американского словаря *Garner's Modern English Usage*, выделяет следующие типы парантетических компонентов (types of parenthesis), причём к ним отнесены как вставки и вводные компоненты, так и абсолютные конструкции, а также деепричастные обороты:

1. Absolute phrase (абсолютная конструкция): An absolute phrase, which contains at least a noun or a pronoun and a participle but not a true verb, modifies the entire sentence: *Jane stayed up late, **writing her report.***

2. Appositive (приложение): In this case, the parenthetical is an appositive, a noun or noun phrase placed in opposition to another such construction that defines or modifies the first: *If you, **an experienced hiker**, had trouble, how hard will it be for me?*
3. Aside (ремарка, отступление): An aside is a statement that is subordinated to the sentence, often denoting an ingratiating or apologetic attitude. It might also be placed within parentheses to more clearly identify it as a trivial comment or between dashes to signal its sudden and/or unexpected impact: *Her friend, **I hesitate to say**, has betrayed her.* Данное определение больше всего подходит для категории вводности, так как здесь речь идет о вводном предложении.
4. Free modifier (свободное обстоятельство): A free modifier is an unspecialized interruption of additional information: *I stood up and, **brushing off my pants**, continued along my way.*
5. Interjection (междометие): An interjection imparts information about the writer's (or speaker's) state of mind, as in this sentence in which the interjection implies impatience or indignation: ***Well**, what do you have to say for yourself?*
6. Introductory phrase (вводное словосочетание). This element preceding the main statement provides context for the sentence: ***While I was on vacation**, I had an epiphany.*
7. Resumptive modifier (ограничительный модификатор): A resumptive modifier includes within its additional detail repetition of an adjective from the sentence: *She was exhausted, **more exhausted than she had ever been before**.*
8. Summative modifier (суммирующий модификатор): A summative modifier is one that summarizes an idea expressed in the sentence and then adds information about it: *We headed toward the summit, **a goal we had anticipated accomplishing all week*** [Garner 2016].

Можно заметить, что при отнесении тех или иных единиц к парентетическим компонентам автор, по-видимому, руководствовался их обособленной синтаксической позицией, причем вставки не упоминаются

вообще, как и в других вариантах классификаций. Так, Отто Есперсен, описывая категорию вводности, подразделяет её на следующие компоненты:

- parenthetical clauses;
- speaker's parentheses.

К первой группе он относит такие языковые элементы, как *ordinary remarks* (*This, **I think**, is madness*) и *mental parentheses* (*I have come today, **which you will excuse***). Последние представляют собой особый вид предложений, в которых говорящий прерывает предложение внесением своих собственных замечаний по поводу какой-либо мысли или выражения. О.Есперсен доказывает, что данный вид вводного компонента имеет свободную позицию, то есть обращает внимание на один из самых «узнаваемых» признаков вводных компонентов – их синтаксическую подвижность. Вторая группа элементов включает в себя инфинитивные сочетания, посредством которых, по словам О. Есперсена, автор объясняет мотив выбора того или иного выражения, то есть отношение к средствам выражения (*to cut a long story short, to say/tell the truth*) [Jespersen 1924].

О.В. Александрова на основе исследования текстов английской литературы делает вывод, что чётких критериев различия вводных и вставных компонентов в английском языке нет до сих пор, в связи с чем возникают вопросы не только их грамотного перевода, оформления в устной речи и на письме, но также и передачи особого смысла, вкладываемого носителями русского языка в подобные конструкции [Александрова 2009: 115]. Отечественные лингвисты, описывая вводность в английском языке, часто прибегают к термину *introductory elements (words)* для обозначения вводных слов [Ахманова 1966; Блох 1983]; говоря о вставках, учёные (в частности, О.С. Ахманова) применяют термин *insets* [Ахманова 1966].

1.6. Вводные компоненты как особый тип синтаксической конструкции

Согласно А.Н. Степановой, синтаксис «представляет собой ту область, где язык с наибольшей полнотой функционирует как динамическое единство формы и содержания и где непосредственно можно наблюдать те синтаксические процессы, которые определяют развитие языка в целом» [Степанова 1976: 30]. Языковая синтаксическая система позволяет исследовать речевые факты в прагматическом плане, так как «она представляет собой две основные разновидности существования – это абстрактная организация синтаксических единиц и конкретная их реализация в области речи» [Минкин 1980: 15]. Участники коммуникативной деятельности не только передают друг другу определённую информацию, но и выражают свое отношение к ней через некоторый набор языковых и речевых средств. Все это многообразие речевых потребностей и проявлений реализуется через синтаксис, с помощью синтаксических ресурсов языка» [Золотова 2004: 36]. Одним из таких языковых ресурсов являются системы вводных и вставных компонентов.

Нередко в рамках структурно-семантического подхода компоненты поля вводности обозначают с помощью термина конструкции – вводные и вставные конструкции. В Словаре лингвистических терминов [Розенталь, Теленкова 1976] конструкция определяется как синтаксическое целое (словосочетание, оборот), в состав которого входят объединённые в речи языковые единицы, сочетающиеся друг с другом благодаря присущим им грамматическим свойствам. Синтаксическая конструкция – это любое сочетание слов или группы слов, обладающих непосредственной связью [Касевич 1977]. Например, в предложении *Мои друзья поздравили меня с победой* сочетания: *мои друзья*, *друзья поздравили*, *поздравили меня*, *поздравили с победой* являются конструкциями. Конструкцией является и всё предложение в целом – как обладающее семантической и грамматической

логикой. Такие сочетания словоформ, как: *меня с победой, друзья с победой* не являются конструкциями, так как связь между словами здесь не непосредственная, а опосредованная, например: *поздравили меня с победой* (связь словоформ *меня с победой* осуществляется через слово *поздравили*).

Американский учёный Чарльз Филлмор предложил качественно новую интерпретацию конструкций (англ. *constructions*). Под конструкциями Филлмор понимает языковые выражения, у которых есть аспект плана выражения или плана содержания, не выводимый из значения или формы их составных частей [Fillmore 1988]. Примерами конструкций, согласно Филлмору, могут служить такие языковые выражения, как оборот *не говоря уже о* (англ. *let alone*). К конструкциям Ч. Филлмор относит сравнительные, условные и вводные конструкции. Идея конструкций Филлмора отрицает принцип композиционности и аддитивности, согласно которому значение всякого языкового выражения сводится к сумме значений составляющих его лексических единиц и синтаксических правил, их соединяющих. Конструкции, по мысли Чарльза Филлмора, не сводятся к составляющим (словоформам) и отношениям между ними; в них есть еще значение самой конструкции, которое может накладывать те или иные ограничения на состав конструкции. Например, конструкция *Vom – Vf – NI* возможна с предикатом «идёт»: *Vom идет Иван*, но вряд ли будет уместной с предикатом «читать»: *Vom читает Иван*. В английском языке в конструкции *Here is John* в качестве предикатов возможны не любые глаголы, а лишь некоторые, например: *be* «быть», *sit* «сидеть», *stand* «стоять», *lie* «лежать» и некоторые другие [Иванова 2001: 10].

Вводные конструкции, как и любая синтаксическая конструкция, представляют собой диалектическое соотношение, в котором целое – это нечто неделимое, но одновременно и собранное из отдельных фрагментов. Для вводных конструкций характерным является явление синтаксической неподчинимости (англ. *main clause phenomenon*; его можно перевести как

«явление главного предложения») [Падучева 1990: 303]. В 70-е годы в трансформационной грамматике появилась серия работ [Hooper 1973; Green 1976; Bolinger 1977], посвященных синтаксической неподчинимости. Речь в них идет о том, что целый ряд языковых единиц (это может быть слово в одном из своих значений, фразеологизм, синтаксический оборот) допустимы только в синтаксически независимой позиции, то есть в составе главного предложения; постанова же предложения с таким словом или конструкцией в позицию придаточного приводит к аномалии. Простой пример синтаксической неподчинимости даёт предложение с вводным словом *кажется*:

(1) *Иван, **кажется**, в отпуске.*

(2) *То, что Иван, **кажется**, в отпуске, путает все мои планы.*

В принципе, отсутствие точной информации может спутать планы, однако эту мысль нельзя выразить с помощью предложения (2), поскольку оно аномально. Е.В. Падучева также упоминает о близком к явлению неподчинимости феномене нецитируемости, который тоже характерен для вводных компонентов. Если предположить, что мнение (1) принадлежит некоей Марии и мы хотим кому-то о нём сообщить, то точно процитировать предложение в косвенной речи оказывается невозможным:

*Мария считает, что Иван, **кажется**, в отпуске.*

Это предложение также аномально. Таким образом, нецитируемость является частным случаем синтаксической неподчинимости, свойственной вводным компонентам – это неподчинимость глаголу мнения. Е.В.Падучева считает, что причиной синтаксической неподчинимости является субъективная модальность, эгоцентричность вводных компонентов [Падучева 1996]. Чаще всего невозможность употребления вводного компонента в придаточном предложении может быть связана с тем, что предикат и вводное слово семантически не согласованы. Тем не менее, тексты

художественной литературы зачастую изобилуют такими построениями. Например, в романе «Идиот» Ф.М. Достоевского можно найти следующие примеры:

1. *Я только насчёт того хотел, что они испортят ковры и, пожалуй, разобьют что – нибудь (Ф.М. Достоевский. Идиот).*

2. *Я давеча уже подумал, что, может быть, я и впрямь из счастливых (Ф.М. Достоевский. Идиот).*

В разговорной речи вводные компоненты относительно свободно перемещаются по фразе и могут попадать в придаточное, оставаясь по смыслу в главном:

И соблазнить её пытался, чтоб ей, конечно, угодить (Б.Окуджава. Песенка о Ваньке Морозове).

Итак, неподчинимость может быть вызвана обычным нарушением правил семантического согласования (то есть семантической несогласованностью с подчиняющим предикатом). Следует, однако, отметить, что далеко не все вводные компоненты являются неподчинимыми. Например:

Коля считает, что защита состоится, скорее всего, в октябре.

Вводный оборот *скорее всего* подчиним, он возможен в подчинённой позиции и цитируем. Следовательно, есть такие вводные компоненты, для которых возможна, помимо акторечевой интерпретации, ориентированной на говорящего, и синтаксическая, ориентированная на субъект подчиняющего предложения, интерпретация. Таким образом, вводные слова, подобно другим эгоцентрическим элементам, делятся на две группы: одни являются первичными и обязательно требуют контекста речевого акта, а другие – вторичными и допускают контекстуализацию и относительно текстового субъекта [Падучева 1996: 310].

1.7. Вводные компоненты в рамках теории речевых актов

В настоящее время в рамках коммуникативно-прагматической лингвистики довольно распространённой является теория речевых актов. Поиски методики приложения теории речевых актов осуществляются в двух направлениях, учитывающих:

- 1) с помощью каких средств и какими способами реализуется речевой акт определённого иллокутивного класса;
- 2) какие иллокутивные функции выполняют речевые произведения [Пантелеева 2005].

Исследования коммуникативно-прагматических свойств вводных компонентов возможно в русле второго из названных подходов к анализу речевых актов. Представляется возможным исследовать, что «делает» субъект речи в акте речевого общения, если в состав высказывания он включает вводный компонент определённой функционально-семантической группы, в зависимости от характера реализуемых коммуникативно-прагматических установок субъекта речи в типичных ситуациях общения.

Современная лингвистическая прагматика по-разному трактует единицы речевого общения:

- ✓ как речевые акты, каждый из которых обладает определённым целевым потенциалом;
- ✓ как системы взаимодействия коммуникативных ролей, гарантирующие непрерывное протекание разговора и вклады каждого из коммуникантов в развитие дискурса в рамках речевых взаимодействий [Пантелеева 2005: 121].

В качестве центральной единицы в структуре речевого акта современные лингвисты выделяют высказывание, определяя его как минимальный смысловесущий коммуникативный знак, обладающий определённой иллокутивной силой, обусловленной составом элементов и

смысловым содержанием этого высказывания. Вслед за Е.В. Падучевой мы полагаем, что термин «высказывание» может употребляться в следующих взаимоопределяющих значениях:

- ✓ как речевое произведение, созданное в ходе речевого акта;
- ✓ как синоним речевого акта [Падучева 1985].

В научной концепции Джона Остина (John Austin), автора теории речевых актов, речевой акт включает в себя локутивный, иллокутивный, перлокутивный уровни. Локутивный уровень (лат. *locutio* — «говорение») – произнесение фразы, которая включает в себя издание звуков, использование слов и установление связи между ними согласно правилам грамматики, а также наличие смысла. Иллокутивный уровень (лат. *illocutio*) обозначает коммуникативную цель высказывания, то, ради чего оно произносится [Austin 1975: 29].

Джон Остин разработал классы иллокутивных актов (англ. *classes of illocutionary speech acts*) в соответствии с их иллокутивной силой:

1. вердиктивы – суждения, решения (*verdictives*). Сюда Джон Остин относит такие глаголы, как: *acquit, convict, find, hold (as a matter of law), interpret as, understand, rule, calculate, reckon, estimate, locate, date, measure, grade, rank, rate, assess, value, describe, characterize, diagnose, analyse*.
2. экзерситивы – выражение влияния, проявление власти (*exercitives*): *dismiss, degrade, demote, order, sentence, levy, choose, bequeath, warn, command, direct, vote for, nominate, claim, give pardon, resign, advise, pray, entreat, urge, press, proclaim, announce, countermand, annul, enact, reprieve, dedicate, declare, plead, recommend, quash, repeal, veto, declare, open*.
3. комиссивы – обещания, обязательства и намерения (*comissives*): *promise, covenant, undertake, bind oneself, intend, mean to, contract, give word, declare, intention, plan, purpose, propose to, envisage, engage*,

contemplate, swear, guarantee, pledge oneself, bet, vow, agree, consent, dedicate oneself, side with, adopt, champion, embrace, espouse, oppose, favour.

4. **бехабитивы, установки социального поведения (behabitives).** Здесь Джон Остин выделяет следующие смысловые группы:

- ✓ извинение: *apologize*;
- ✓ благодарность: *thank*;
- ✓ сочувствие: *deplore, commiserate, compliment, condole, congratulate, felicitate, sympathize*;
- ✓ отношение: *resent, don't mind, pay tribute, criticize, grumble about, complain of, applaud, overlook, commend, deprecate*;
- ✓ приветствия: *welcome, bid farewell*;
- ✓ пожелания: *bless, curse, toast, drink to, wish*;
- ✓ возражение, вызов: *dare, defy, protest, challenge*.

5. **экспозитивы – результаты обсуждений, доказательств, прояснение причин (expositives).** Джон Остин выделяет 7 групп глаголов:

I. *affirm, deny, state, describe, class, identify*;

II. *remark, mention, interpose*;

III. *inform, apprise, tell, answer, rejoin, ask*;

IV. *testify, report, swear, report, swear, conjecture, doubt, know, believe*;

V. *accept, demur to, object to, adhere to, recognize, repudiate, correct, revise*;

VI. *postulate, deduce, argue, neglect, emphasize*;

VII. *begin by, turn to, conclude by, interpret, distinguish, analyse, define, illustrate, explain, formulate, mean, refer, call, understand, regard as*
[Austin 1975: 161].

Следующий уровень коммуникативного акта – перлокутивный (лат. *perlocutio*). Это комбинация дополнительных средств высказывания, которые оказывают сознательное влияние на адресата ради достижения желаемого

результата. С помощью говорения люди могут достигать определённых целей, осуществлять изменения в окружающем их мире и в сознании своего собеседника, при этом полученный исход может как соответствовать изначальной интенции говорящего, так и не соответствовать. Речевой акт выступает как перлокутивный, если рассматривается в аспекте его реальных последствий [Austin 1975: 138].

Важно, что все три уровня могут фигурировать одновременно в одном предложении; когда осуществляется локутивный акт, говорящий в это же время осуществляет и иллокутивный акт, когда задаёт вопрос, отвечает на него, высказывает свое мнение или информирует о чём-либо. Е.В. Падучева также отмечает, что в предложении неэксплицитное выражение той или иной установки говорящего обычно бывает экспрессивным, например: *Стану я его слушать!* а экспрессия – это всегда особый аспект коммуникативного намерения говорящего [Падучева 1996].

Согласно Джону Остину, отличительная особенность иллокутивных актов от перлокутивных заключается в степени воздействия на слушающего. Если иллокутивный акт ограничивается предупреждением или приказом, то перлокутивный акт может включать угрозы, уговоры, убеждения, принуждения и т.д. [Austin 1975: 32].

Джон Сёрль, развивая идеи теории Джона Остина, отмечает пропозициональное содержание произносимого высказывания и его иллокутивную функцию, вследствие чего речевой акт определяется им как собственно иллокутивный акт. Все многочисленные исследователи теории речевых актов (в частности, Ю.Д. Апресян, В.В. Богданов, А. Вежбицкая, В.В. Лазарев, Г.Г. Почепцов, И.П. Сусов), признают речевой акт минимальной единицей речевого общения [Сусов 2006], отдельным фрагментом, «квантом» речевого общения и характеризуют его как акт произнесения говорящим высказывания, обладающего некоторой целевой,

или иллокутивной заданностью, ориентированной на адресата [цит. по: Пантелеева 2005: 122].

В рамках исследования коммуникативно-прагматических свойств вводных компонентов наиболее важным является то, что в процессе речевого общения у говорящего возникает потребность включить в речевой акт тот или иной вводный компонент для обозначения своего субъективного мнения по отношению к явлениям внеязыковой деятельности или обозначить своё эмоционально-оценочное состояние с целью достижения определённого перлокутивного эффекта. Слушающий (реципиент) перлокутивным актом призван определённым образом реагировать на речевые действия говорящего и на содержание его высказывания. При этом, реакция адресата может быть в разной степени адекватной намерениям говорящего, что проявляется в ответном речевом ходе микродиалога как более сложного отрезка речевого общения [Там же: 122].

Методика приложения теории речевых актов в коммуникативно-прагматическом аспекте исследования вводных компонентов осуществляется в направлении поиска ответа на вопрос: что «делает» говорящий субъект в акте речевого общения, если в состав номинативных элементов высказывания он включает вводные компоненты определённого типа; какие коммуникативные установки реализует? Речевой акт, включающий в состав высказывания вводные элементы, представляет собой отдельный фрагмент коммуникативно-прагматической деятельности, в котором перед говорящим стоят три коммуникативные задачи:

- Назвать предмет сообщения с целью передачи информации по речевому каналу;
- Придать этому речевому сообщению определённую информационную силу;
- Воздействовать этой информационной силой на адресата [Пантелеева 2016: 5].

Вводные компоненты выражают субъективную оценку говорящего, что отражается, с одной стороны, в логико-семантическом аспекте данного высказывания как денотативная ситуация, с другой – в модально-оценочном плане, который отображает сложную систему отношений говорящего к действительности, в частности, отношение говорящего к денотативной ситуации, обозначенной в высказывании, к содержанию высказывания, к адресату, ко всей коммуникативно-прагматической речевой ситуации, в которой это высказывание осуществляется. Эта совокупность отношений, обозначенных вводными компонентами наряду с другими языковыми средствами, формирует прагматическую направленность высказывания. Включение вводных компонентов в высказывание всегда обусловлено совокупностью коммуникативных установок говорящего субъекта: охарактеризовать в целом ситуацию, обозначенную в высказывании, охарактеризовать субъекта референции и его действие (состояние), а также выразить по этому поводу определенные квалификации – оценки [Пантелеева 2016: 6].

1.8. Семантический аспект изучения вводных компонентов и вставок. Модус и диктум и их соотношение с категорией вводности

Как известно, содержание предложения состоит из двух принципиально различных значений: объективного, отражающего действительность, и субъективного, отражающего отношение говорящего к этой действительности. Разрабатывая теорию высказывания, Шарль Балли ввёл в лингвистику термины *диктум* и *модус*, позаимствовав их из схоластики [Балли 1955]. «Диктум» происходит от латинского *dictum* – слово, выражение, а термин «модус» – от латинского слова *modus* – способ. Основная, содержательная информация передается диктумом; дополнительная, оценочная, интерпретирующая – модусом. Например, в

предложении-высказывании *Слава Богу, наконец-то дождь закончился* основная информация заключена в компоненте *дождь закончился* – таким образом, это диктум; другие же компоненты составляют модус: они сопровождают основную информацию, субъективно оценивают её, комментируют.

Будучи противопоставленными, диктум и модус не являются чуждыми друг другу в едином семантическом пространстве предложения – они дополняют друг друга. Диктумная часть содержания предложения отражает какой-либо фрагмент объективной действительности, дает информацию о мире и его осмысление, то есть это денотативное содержание. Модусная же часть содержит некие субъективные значения, исходящие, как пишет В.А. Белошапкина, «от говорящего (именно от него как от автора речи, а не просто любого мыслящего субъекта)», и передающие «его отношения к отображаемому в предложении фрагменту действительности» [Белошапкина 1997: 771].

К актуализационным категориям модуса относится субъективная модальность — с точки зрения выражения реальности или нереальности. Модальность действительности означает, что содержание высказывания, с точки зрения говорящего лица, соответствует объективной реальности: сообщаемое излагается как реальный и достоверный факт. Модальность недействительности, напротив, подразумевает, что говорящий воспринимает сообщаемое как возможное, желаемое, предположительное, сомнительное и т.д., то есть как нереальное. Модальность недействительности подразделяется на следующие семантические виды:

- модальность необходимости и долженствования (дебитивная модальность);
- модальность возможности и невозможности (потенциальная модальность);

- предположительная (гипотетическая) модальность;
- побудительная (императивная) модальность;
- модальность намерения (интенциональная модальность);
- желательная (оптативная) модальность.

Кваликативные категории модуса выражают отношение говорящего к событиям и информации о них. К кваликативным категориям относятся:

- авторизация – это квалификация информации с точки зрения источников её сообщения. Она проявляется в оппозиции «своё/чужое».
- оценочность – выражение положительного или отрицательного отношения говорящего к пропозитивному содержанию; общая оценка ситуации, лица, предмета по параметрам «хорошо/ плохо» (качественная оценка), «много/ мало» (количественная оценка), квалификация сообщаемой информации с точки зрения степени её достоверности/ недостоверности (верификация) [Зайнуллин 1986: 37].

Высказывания могут состоять только из диктума, но не могут содержать в себе только модус (так как нет материала для интерпретаций), хотя в контексте при расчленённой подаче речи они могут занять самостоятельную позицию, но только при наличии базовой структуры. Например: *Дождь закончился. Слава Богу, наконец-то* [Гаврилова 2002: 127].

Исследователями отмечается, что вставки отражают диктум, а вводные компоненты – модус [Черемисина, Колосова 1987: 93; Перфильева 1994: 39]. Важно отметить, что основной массив вставок составляют конструкции диктумного характера, что связано с их основным назначением – «увеличение информативного объёма высказывания» [Глушакова 1988: 13]. Передача информации диктумного характера является для вставок основной: они расширяют, укрупняют, дополняют её. Что касается информации модусного характера, она передаётся в основном вводными компонентами.

1.9. Основные семантико-прагматические классификации вводных компонентов

В лингвистической литературе существует большое количество публикаций, посвящённых семантико-прагматической дифференциации вводных компонентов (в русском языке), однако до сих пор среди лингвистов нет единой позиции по этому вопросу. К одной из самых ранних классификаций компонентов категории вводности можно отнести предложенное А.М. Пешковским выделение трёх разрядов вводных слов:

- вводные слова, показывающие отношение говорящего к какой-либо мысли;
- вводные слова, указывающие на источник информации;
- вводные слова, показывающие логику и порядок изложения [Пешковский 1956: 342].

Весьма важным периодом в истории исследования вводных компонентов являются 40-60-е годы XX столетия – в это время появляется работа В.В. Виноградова под названием «О категории модальности и модальных словах в русском языке» [Виноградов 1950], в которой был поставлен целый ряд вопросов, связанных с проблемой модальности, а также предлагалась подробная классификация модальных слов, включающая 12 основных разрядов (её можно считать первой развёрнутой классификацией вводных компонентов). В.В.Виноградов дифференцирует следующие группы вводных компонентов:

1.Разряд модальных слов, обозначающий чужой стиль выражения, субъективную передачу чужой речи, мысли, а также и её оценку со стороны говорящего. Здесь он выделяет две подгруппы:

а) словосочетания, состоящие из дательного падежа имени существительного с предлогом *по*, обычно с присоединением определения в форме согласуемого прилагательного или родительного падежа личного

местоимения или имени существительного: *по свидетельству кого-либо, по мнению, по словам, по рассказу, по описанию, по выражению, по преданию, по слухам;*

А сколько раз лазил я с Баскаковым на чердак, где, по преданиям, будто бы валялась какая-то дедовская или прадедовская сабля? (И.А. Бунин. Жизнь Арсеньева).

б) группа неопределенно-личных или безличных глагольных форм или глагольных синтагм типа: *говорит, говорят, как говорится* и т.п.

Дядя Берлиоза был искренне поражен поведением неизвестного. «Вот, говорят, не бывает в наш век сердечных людей!» – подумал он, чувствуя, что у него самого начинают чесаться глаза (М.А. Булгаков. Мастер и Маргарита).

2. Модальные слова/ вводные синтагмы, содержащие оценку самого стиля, способа выражения. Сюда относятся *буквально, коротко говоря, вообще говоря* и т.п. Например:

Вы извините меня, если в таком, так сказать, дорожном неглиже (И.С. Тургенев. Холостяк).

3. Модальные слова, обозначающие характер речевой экспрессии или эмоциональный тон высказывания; он подчёркивает экспрессивные оттенки выражений. Этот разряд состоит из фразовых клише: *не в обиду будет сказано, признаться сказать* и т.п.

Нынешняя молодежь, не в обиду будет сказано, какая-то, Господь с нею, кислая, переваренная (А.П. Чехов. Иванов).

4. Модальные слова, в которых заключается эмоциональное освещение самой изображаемой действительности. Сюда относятся: *чего доброго, должно, верно, пожалуй.*

Мы по-настоящему тосковали в эти дни. Будь у меня родной брат, я и его, пожалуй, не ждала бы с таким нетерпением, как ждала возвращения Дюйшена (Ч. Айтматов. Первый учитель).

5. Модальные слова, обозначающие не эмоциональную, а рассудочную логическую оценку сообщения: *вероятно, понятно, несомненно, безусловно, очевидно, видимо, по-видимому, разумеется, может быть, действительно, в самом деле*. Этот разряд слов выражает сложную и богатую оттенками гамму модальных оценок от чисто субъективной и несколько колеблющейся оценки сообщаемого факта до объективного, логически обоснованного определения достоверности:

А вы и, в самом деле, подумали, что я такой злой? (Н. Островский. Бедность не порок).

6. Модальные слова и словосочетания, выражающие отношение содержания какого-либо отрезка речи к общей последовательности мысли в ходе высказывания. Сюда относятся: *в частности, например, главное, в конце концов, впрочем*.

А впрочем, не распить ли нам бутылку старенького? У меня есть такое, что пальчики оближешь (М.Е. Салтыков-Щедрин. Губернские очерки).

7. Модальные слова, обозначающие порядок движения мыслей в числовой последовательности: *во-первых, во-вторых* и т.п.

8. Модальные слова для выражения субъективной внезапности припоминания, присоединения по ассоциации: *кстати, одно к другому, к тому же* и т.п.

Таких общих игр теперь больше не было, но идиллическая слава осталась. Классным воспитателем сына был учитель словесности, добрый знакомый писателя Лужина и, кстати сказать, недурной лирический поэт, выпустивший сборник подражаний Анакреону (В. Набоков. Защита Лужина).

9. Сравнительные частицы и частицы наречия: *словно, как будто, как бы*.

10. Модальные слова, свойственные диалогической речи и заключающие в себе призыв к собеседнику, стремление возбудить его внимание к чему-нибудь, подчеркнуть перед ним что-нибудь, какой-нибудь факт или вызвать

в нем то или иное отношение к сообщению. Например, *видишь (ли), видите (ли): Он, видите ли, очень занят, ему, видите ли, душно и скучно* (А.П. Чехов. Иванов).

11. Вводные слова, обозначающие количественную степень. Они становятся выражением субъективной оценки меры, числа или степени чего-нибудь. Например, *самое большее, самое меньшее*.

12. Гибридные или переходные типы слов и выражений, совмещающие модальные оценки со значением других категорий. С ними легко сближаются междометия: *слава Богу, ей-Богу и т.п.* [Виноградов 1950: 68 – 75].

Можно сказать, что приведённая дифференциация послужила основанием для многих других более поздних семантических классификаций вводных компонентов, предложенных отечественными лингвистами. Так, А.И. Аникин, рассматривая вопрос о семантическом разнообразии вводных единиц, предлагает похожую классификацию с выделением десяти групп:

- ✓ достоверность, полное соответствие содержания речи фактам действительности;
- ✓ предположительность;
- ✓ источник сообщаемой мысли;
- ✓ логические и экспрессивные отношения между мыслями;
- ✓ эмоциональные отношения говорящего к описываемому;
- ✓ оценки значимости сообщаемого факта;
- ✓ внезапное припоминание чего-либо;
- ✓ оценки стиля;
- ✓ различные призывы к собеседнику;
- ✓ модальные значения наряду с междометиями [Аникин 1960: 24 – 25].

Похожей является и классификация вводных компонентов в «Русской грамматике» – 1980, где Н.Ю. Шведовой выделено уже 7 групп вводных единиц, реализующих следующие субъективно-модальные значения:

1.Значение акцентирования, подчёркивания, выделения в сочетании с усилением и с обращённостью к адресату с желанием привлечь внимание собеседника выражается вводными словами, сочетаниями и вводными предложениями: *напоминаю, повторяю, подчёркиваю, что еще важнее, что важно, что существенно, представьте, поверишь ли, можете себе представить.*

2.Значения выражения субъективного отношения, эмоциональных реакций, интеллектуальных оценок самого говорящего. Здесь выделяется несколько групп:

- радости, одобрения, положительной оценки: *на счастье, к счастью, к удовольствию, что хорошо, к радости;*
- сожаления, неодобрения, отрицательной оценки: *к несчастью, к стыду кого-либо, к прискорбию, к досаде, на беду, грешным делом и т.д.;*
- удивления, недоумения: *к удивлению кого-нибудь, к изумлению, странно, странное дело, непонятное дело, удивительно;*
- опасения: *не дай Бог, не ровен час;*
- компоненты, выражающие различную степень достоверности сообщения (уверенность, неуверенность, возможность, предположение и т. п.): *без сомненья, верно, видно, знать, в самом деле, право, кажется, казалось.* Эти вводные компоненты – «верификаторы», устанавливающие соответствие сказанного действительному положению дел при отсутствии у субъекта речи полной информации о её предмете, реже – независимо от наличия либо отсутствия у говорящего исчерпывающих сведений о сообщаемом факте. В рамках данного разряда могут быть выделены два микрополя:

- ✓ вероятности (количественная оценка имеющихся у субъекта знаний о ситуации модальными словами *видимо, пожалуй, наверное, допустим, предположим* и т.п.)
- ✓ истинности (выражение субъективного мнения, уверенности по поводу истинности либо проблематичности высказываемой вводными компонентами информации – *кажется, правда, верно, конечно, несомненно*).

3. Отношение к стилю, к манере речи, к характеру и способу изложения: *лучше сказать, иначе говоря, прямо сказать, грубо говоря, если можно так выразиться, вернее сказать, короче говоря, одним словом, другими словами, проще сказать.*

4. Вводные компоненты, используемые для передачи связей, осложнений и зависимостей: *кроме того, к тому же, в довершение всего, вдобавок, сверх того, притом, следовательно, стало быть, тем более, во-первых* и т. д.

– значение соответствия чему-нибудь: *как водится, как повелось, по обычаю, по обыкновению, как всегда;*

– значение независимости от чего-нибудь, противопоставленности: *напротив, наоборот, как ты хочешь, воля твоя, воля ваша.*

5. Для отнесения к источнику информации используются такие компоненты, как: *по слухам, как слышно, с точки зрения кого-нибудь, как полагаю, как говорят, как считают, как пишут, как указывалось, по-моему, по-твоему, как оказалось, как известно.*

6. Характеристика сообщаемого со стороны меры, степени или ограниченности чем-либо выражается компонентами: *по меньшей мере, по крайней мере, в той или иной степени, в значительной степени.*

7. Характеристика по протеканию во времени, по отношению ко времени передаётся вводными компонентами: *случается, как это бывает, как это случается* [Шведова 1980: 229 – 231].

В еще одной семантико-прагматической классификации, предложенной В.В. Бабайцевой и Л.Ю. Максимовым, выделяется восемь групп вводных компонентов:

1. Уверенность: *конечно, разумеется, полагаю, бесспорно, правда, несомненно, в самом деле, без сомнения, безусловно, действительно* и т.д.

2. Неуверенность: *наверное, кажется, вероятно, очевидно, видно, по-видимому, возможно, верно, может быть, должно быть, надо полагать* и т.д.

3. Эмоциональная оценка: *к счастью, к несчастью, к радости, к сожалению, на счастье, странное дело, известное дело.*

4. Источник сообщения: *по преданию, по слухам, по-моему, говорят, помнится, известно, слышно, по мнению, по словам.*

5. Логические связи и отношения между частями высказывания: выделение или противопоставление частей предложения, указание на связь мыслей, последовательность их изложения, выполнение обобщающей, резюмирующей функции, расстановка смысловых акцентов, определение отношения данного предложения к более широкому контексту: *кстати, к примеру, например, наконец, в частности, главное, в общем, между прочим, во-первых, во-вторых, повторяю, значит, выходит, следовательно, таким образом.*

6. Оценка стиля высказывания: *по выражению, короче, другими словами, прямо скажем, говоря образно, честно говоря.*

7. Степень обычности фактов: *по обыкновению, по обычаю, бывает, случается, как водится, как всегда.*

8. Привлечение внимания к сообщению: *видишь (ли), знаешь (ли), помнишь (ли), понимаешь (ли), представь, послушай* и т.д. [Бабайцева, Максимов 1981: 271].

Таким образом, на примере всех приведённых выше дифференциаций можно проследить, какие изменения претерпевала классификация В.В.

Виноградова в её более поздних вариантах, модифицированных и переосмысленных.

В рамках модальности достоверности учёные выделяют два класса предикатов ментального состояния – предикаты, выражающие модус *мнения*, типа *считать*, и модус *знания*, типа *знать* [Зализняк 1989: 96]. В соответствии с этими классами Е.С. Яковлевой введена соответствующая классификация вводных слов, выражающих оценку достоверности информации:

- вводные слова, выражающие модус мнения – *наверное, бесспорно, безусловно, несомненно, думается, очевидно, без сомнения, вероятно, должно быть, надо полагать, возможно, скорее всего, может быть*; они соотносятся семантически с глаголами *считать, думать, допускать*;
- вводные слова, выражающие модус знания, в первую очередь – восприятия: *кажется, ясно, определённо, как будто, вроде*, соотносимые с глаголами *видеть, чувствовать, знать* [Яковлева 1988: 278 – 302].

Одной из современных классификаций в рамках семантико-прагматического подхода является классификация П.А. Леканта. Анализируя семантику вводных элементов, П.А. Лекант одним из первых отечественных лингвистов предлагает рассматривать систему вводных компонентов с точки зрения коммуникативной прагматики. В его классификации «оценивающая, «воздействующая» семантика вводности реализуется набором следующих частных значений:

- вводно-модальные (*конечно, вероятно*);
- вводно-эмоциональные (*к счастью, к сожалению*);
- вводно-авторские (*по-моему, по мнению многих*);
- вводно-обобщительные (*бывает, как обычно, как всегда*);

- вводно-контактные (*видите ли, согласитесь, признаюсь*) [Лекант 1988: 132 – 135].

Изучив имеющиеся классификации, а также основные функции вводных компонентов, в своей работе мы можем предложить собственный вариант дифференцировки вводных компонентов:

I. Оценочные вводные компоненты (в пределах группы можно выделить различные подгруппы);

- Достоверность/недостоверность информации, предположительность/вероятность, истинность (*sure enough, possibly, maybe, presumably, obviously, naturally, really, etc.*);
- Эмоциональные оценки сообщаемого (*luckily, fortunately, unfortunately, to one's joy/ disappointment/ grief*);
- Субъективная оценка способа изложения (*strictly speaking, to put it mildly, to say the least of it*).

II. Коммуникативные вводные компоненты. Также можно выделить подгруппы:

- Фатические вводные компоненты (контактоустанавливающая функция – *I say, I bet, you see, you know*);
- Внезапное припоминание информации, её добавление (*by the way, apropos*).

III. Метатекстовые вводные компоненты – обеспечивают логическую связность текста (его когезию и когерентность). Сюда относятся вводные компоненты, приводящие пример, вывод (*for example, for instance, in general, to sum up, overall, in conclusion*); сравнение (*similarly, likewise*); выражающие альтернативно-противительные коммуникативные отношения (*however, despite/in spite of*); маркирующие развитие мысли, последовательность рассуждений (*firstly, secondly, moreover, however*); указывающие на источник сообщения (*according to smb.*).

1.10. Семантико-прагматические классификации вставок

В рамках категории вводности, помимо собственно вводных компонентов, учёные дифференцируют и различные семантические типы вставок. Так, Е.Г. Поспелова на основе функционально-семантического критерия выделяет следующие типы вставных компонентов:

- «ремарка»
- «уравнивание пресуппозиций»
- «объяснение» [Поспелова 2005: 10].

Согласно Е.Г. Поспеловой, ремарка – это тип вставки, в которой воспроизводится непосредственно наблюдаемое. Ремарка–компонент высказывания, сформированный точкой зрения автора (рассказчика), который обнаруживает себя как субъект наблюдения. Ремарка характерна для диалогических текстов. Она является результатом «переключения» канала перцепции: автор, воспринимающий и осмысливающий речь персонажа, становится зрителем или слушателем, перемещается из сферы сознания персонажа в пространство его действий. В данном случае во вставке представлены конкретные предикаты действия, предикаты качества, эмоционального состояния. Выделяются следующие типы ремарок:

- аудиоремарка;
- видеоремарка;
- психологическая ремарка;
- ремарка характеристики речевого действия;
- ремарка, указывающая на адресата речи;
- ремарка письменного текста.

Ремарка речевого действия включает в себя информацию о том, кому адресовано сообщение, о манере произнесения той или иной реплики, об этапах коммуникации (начало, продолжение, приостановка и окончание). С помощью аудиоремарки автор сообщает о любых звуковых явлениях вне

процесса вербальной коммуникации. Психологическая ремарка— специфическое указание на эмоциональное состояние героя (страх, грусть, радость). Стоит учитывать, что психологический компонент может присутствовать в видеоремарке и ремарке речевого действия, но при определении типа его следует считать сопутствующим, добавочным. Что касается ремарки письменного текста, она представляет собой замечание о письменном тексте, о котором идёт речь в произведении (язык письма, почерк в записке или шрифт, которым набран текст) [Поспелова 2005: 11].

Уравнивание пресуппозиций – это тип вставки, в которой восстанавливаются компоненты общих фоновых знаний в акте коммуникации между автором и адресатом (читателем), что позволяет адресату понять смысл текста в его полном объёме. Уравнивание пресуппозиций осуществляется путем уточнения и пояснения. Уточнение конкретизирует время, пространство, цель, наименование, количество, качество, состояние чего-либо, статус кого-либо, например:

И вот произошел пожар, от которого сгорели дрова, приготовленные на солеваренные заводы Строганова! (Дров сгорело до трех тысяч сажень.) (Д. Мамин-Сибиряк. Бойцы).

Следующий тип вставки – объяснение; оно отражает причинно-следственные отношения между фактами, явлениями, событиями художественного мира. Объясняемый семантический компонент основного высказывания включает в себе следствие, а вставка указывает на его причину, например: *Чарский сел на чемодане (из двух стульев, находившихся в тесной конурке, один был сломан, другой завален бумагами и бельем) (А.С. Пушкин. Египетские ночи) [Поспелова 2005: 15].*

Обратимся к другой классификации вставок. Анализируя функционирование вставных компонентов в русскоязычных научных текстах, С.О. Глушакова выделяет три крупных семантических группы, называя их функционально-семантическими разрядами:

- коммуникативно-логические вставные элементы – актуализируют логическую связь высказываний или их частей;
- коммуникативно-модальные вставные элементы – отражают отношение автора к сообщаемой информации, то есть её оценку;
- коммуникативно-информационные вставные элементы – представляют собой содержательное сообщение, «включённое в основную информативную линию с целью актуализации наиболее полного её содержательного объёма» [Глушакова 1988: 7].

Интересной представляется классификация, предложенная Э.П. Новоселецкой; используя термин Н.А. Кобриной [Кобрина 1974: 7] «коммуникативный сдвиг», в результате которого «возникает коммуникативная расчленённость высказывания на основной и вторичный планы» [Новоселецкая 1993: 4], она рассматривает три его разновидности:

- вставные конструкции информационного сдвига, значение которых «в информативном слое содержательной структуры текста»;
- вставные конструкции служебного сдвига, репрезентирующие «план выражения, или метаплан, включающий в основном ссылки»;
- вставные конструкции эксплицитно-модального сдвига, «эксплицитно выражающие авторский план текста» [Новоселецкая 1993: 25].

Как видно, классификации вставок С.О. Глушаковой и Э.П. Новоселецкой соотносятся с делением семантики высказывания на диктумную (коммуникативно-информационные вставки и вставки информационного сдвига) и модусную информацию (коммуникативно-логические и коммуникативно-модальные вставки, вставки служебного и эксплицитно-модального сдвига). В функциональном плане эти классификации организованы в соответствии с тремя основными функциями вставок – модально-оценочной, коммуникативной и метатекстовой.

1.11. Морфолого-генетические классификации вводных компонентов

Рассмотрим некоторые классификации вводных компонентов на основе морфолого-генетического критерия. С точки зрения Н.В. Патроевой, вводные компоненты с точки зрения их происхождения можно разделить на следующие группы [Патроева 2002: 177 – 180]:

1) вводные слова, представляющие собой различные формы имени существительного с предлогом и без предлога: *без сомнения, право, словом, благо, не правда ли (ли), по крайности, по несчастью, по счастью, к счастью, к несчастью, на беду, по чести, по совести* и т.д.;

2) группа вводных слов наречного происхождения: *лучше, не лучше ли (ль), вправду, известно, вероятно, видно, просто, попросту, напротив, точно, наконец, наоборот, кстати, истинно, подлинно, несомненно*;

3) отглагольные вводные слова:

а) соотносительные с личными формами глагола: *скажу, надеюсь, представьте, заметь, уверяю, подумайте, видите ли, слушай, послушай(те), думаю, не спорю, знаешь, говорят, поверите ли, поверишь ли, поверь(те), помилуй(те)*;

б) инфинитивные по происхождению: *знать, признаться, честно сказать*;

в) соотносительные с глаголами в безличном употреблении: *бывало, кажется/казалось, помнится, случается/случалось*;

4) вводные компоненты, соотносительные с дейктическими словами: *никак, по-нашему, по мне, по тебе, между тем, между, между прочим, напротив того, к тому же*;

5) вводные компоненты, соотносительные с союзами: *однако (ж)*.

По грамматической характеристике «стержневого» слова вводные компоненты могут быть разделены на две группы [Патроева 2002: 180]:

1) именные: *к несчастью, к моей напасти, к моему горю, на беду его, по крайней мере, одним словом, к моим слезам, к моей печали, к её стыду, по мненью моему, по мненью твоему, по твоим словам, на свою беду* и т.д.

2) глагольные: *статься может, быть может, так сказать, попросту сказать, сказать по правде, нечего сказать, поистине сказать, ясней сказать, по совести признаться, извольте знать.*

Приводя расширенную морфологическую классификацию вводных компонентов английского языка, М.Я. Блох выделяет компоненты, которые выражаются следующими грамматическими категориями:

- Наречиями: *anyhow, anyway;*
Anyway, I become a lot more popular after that, and the other guys on the team started being nicer to me (Winston Groom. Forrest Gump).
- Предложно-именными сочетаниями, нередко с распространителями: *in fact, in all probability;*
*The interview, wrote Cincinnatus, signifies, **in all probability**, that my terrible morning is already nearing (Vladimir Nabokov. Invitation to a beheading).*
- Абсолютными инфинитивными обобщенно-личными конструкциями с возможным развертыванием глагольных зависимостей: *to be sure, to cut the long story short;*
***To be sure**, the initial point of departure for Central and Eastern Europeans will be to not want to choose (Sir Timothy Garden, Tom Donnelly et al. In the wake of Iraq. "NATO Review" 2003).*
- Абсолютными причастными обобщенно-личными конструкциями: *strictly speaking, all things considered;*
***Strictly speaking**, it is completely unimportant whether Godunov-Cherdyntsev's effort is creditable or not (Vladimir Nabokov. The Gift).*
- Глаголами в императиве: *pray;*

*I know so little of these things. What, **pray**, was the 'electron'? Well, there is one fragmentary source which alludes to it as a 'Negative Twist of Nothingness (Walter M. Miller, A Canticle for Leibowitz).*

- Придаточными предложениями *as I think*;
*And hence, **as I think**, it came about that Edward Hyde was so much smaller, slighter and younger than Henry Jekyll (Robert Louis Stevenson. The Strange Case of Dr. Jekyll and Mr. Hyde).*
- Именной группой *no doubt*;
*The charming, charmingly vague lady (see note to line 691), who secured it for me, sight unseen, meant well, **no doubt**, especially since it was widely admired in the neighborhood for its "old-world spaciousness and graciousness" (Vladimir Nabokov. Pale Fire).*
- Союзными сочетаниями с именем *as a rule, as a matter of course*;
*The officer knew, **as a rule**, when people were telling the truth (William Golding. Lord of the Flies).*
- Сочетаниями, объединенными сочинительными союзами *still and all*;
***Still and all**, I think it would be easier for him to teach English if that is what he speaks," Fernando said (Ernest Hemingway. For Whom The Bell Tolls).*
- Словами и звукосочетаниями, которые трудно идентифицировать в терминах частей речи, например: *well, please* [Блох 1983].
***Well**, you certainly look remarkably fit, "said Hugh with effusive mendacity after the drinks had been ordered (Vladimir Nabokov. Transparent things).*

Приведённая классификация свидетельствует о сложности определения границ категории вводности. Её уникальный характер обусловлен структурным и семантическим разнообразием грамматической формы.

ВЫВОДЫ К ГЛАВЕ 1

Категория вводности является объектом внимательного изучения отечественных лингвистов уже много лет. С течением времени сменялись научные парадигмы в языкознании, вследствие чего взгляд на сущность категории вводности также претерпевал изменения. В её составе традиционно разграничивают собственно вводные компоненты (под этим термином можно объединить единицы различных уровней – вводные слова, словосочетания и предложения) и вставки, однако вопрос объединения этих явлений в рамках одной категории не раз становился объектом разногласий в среде учёных. В нашей работе мы объединяем вставки и вводные компоненты в рамках категории вводности, основываясь на их синтаксической обособленности и добавочном характере выражаемой ими информации.

В рамках формально-грамматического подхода значительный вклад в изучение явления вводности внёс В.В. Виноградов, подробно охарактеризовав природу вводных компонентов как выразителей субъективной модальности, классифицировав основные типы значений, выражаемых ими. Что касается соотношения понятий модальности и вводности, их можно связать как часть и целое; на основе дихотомии объективной и субъективной модальности учёные разграничивают семантическую природу вставок и вводных компонентов. Вставки с позиции коммуникативно-прагматической лингвистики определяются, с одной стороны, как особое синтаксическое явление, выходящее за рамки и осложнённого, и сложного предложения, так как может быть выражено и той и другой конструкцией. С другой стороны, вставка структурно осложняет включающее предложение, на уровне высказывания создает «двутекст» и выражает метакоммуникативное содержание. Вставки вводят в высказывание дополнительную информацию и реализуют определённые коммуникативно-прагматические установки говорящего.

Предложенная В.В. Виноградовым [Виноградов 1950] система семантической дифференциации послужила основой для большинства последующих классификаций вводных компонентов 70-80-х годов прошлого века. В работах по синтаксису английского языка вводные компоненты и вставки (наряду с абсолютными конструкциями и рядом других единиц) объединяются в рамках термина *parenthesis*; семантико-прагматические классификации вводных компонентов при этом отсутствуют.

В настоящее время вводные компоненты исследуются в рамках коммуникативно-прагматического подхода – например, в теории речевых актов; учёные отмечают их важную роль в процессе коммуникации. Вводные компоненты и вставки (независимо от типов текста, в которых они встречаются) выполняют ряд важных для коммуникации функций, которые можно обобщить под названием метатекстовых (то есть помогающих организовать сам текст) и прагматических (выражающих отношение говорящего к сообщаемой информации, к процессу коммуникации как таковому).

ГЛАВА 2. ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА ВВОДНЫХ И ВСТАВНЫХ КОМПОНЕНТОВ В РАЗЛИЧНЫХ ТИПАХ ДИСКУРСА

2.1. Вводные компоненты в дискурсе. Основные классы дискурсивных слов

В исследованиях Д. Пайара, А. Баранова, К. Киселевой, Е. Рахилиной вводные компоненты и вставки справедливо, на наш взгляд, отнесены к категории дискурса – для их обозначения учёными используется термин *дискурсивные слова* [Киселева, Пайар 2003].

Сначала обратимся к определениям самого термина *дискурс*. Существует множество дефиниций этого термина. В.З. Демьянков определяет дискурс как «произвольный фрагмент текста, состоящий более чем из одного предложения или независимой части предложения. Часто, но не всегда, он концентрируется вокруг некоторого опорного концепта; создаёт общий контекст, описывающий действующие лица, объекты, обстоятельства, времена, поступки и т.п., определяясь не столько последовательностью предложений, сколько тем общим для создающего дискурс и его интерпретатора миром, который «строится» по ходу развёртывания дискурса» [Демьянков 2005: 36].

Ю.С. Степанов отмечает, что дискурс – это «язык в языке», но он представлен в виде особой социальной данности. Дискурс существует прежде всего в тексте, но в таком, за которым встаёт особая грамматика, особый лексикон, особые правила словоупотребления и синтаксиса, особая семантика. Таким образом, можно сказать, что дискурс – это особый мир. В мире всякого дискурса действуют свои правила синонимичных замен, свои правила истинности, свой этикет. Это – «возможный (альтернативный) мир». Само явление дискурса, его возможность и есть доказательство тезиса «язык – дом бытия» [Степанов 1995: 43].

Наиболее полной можно назвать следующую дефиницию дискурса, предложенную Н.Д. Арутюновой: дискурс – это связный текст в

совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными и другими факторами; это текст, взятый в событийном аспекте [Арутюнова 1990]. Термин «дискурс» близок к понятию «текст», но дискурс – это процессуальный вид языкового общения. Можно сказать, что дискурс более схож с понятиями «речь» и «язык», но при этом дискурс «обладает свойством целостности, имеет внутреннюю организацию, форму, к нему применимы понятия вида, жанра и стиля» [Андреев 2010: 145].

В процессе коммуникации её участники должны быстро и точно подбирать нужные языковые средства, формулировать высказывания в зависимости от своих коммуникативных целей и условий протекания коммуникативного акта. При этом одним из таких средств являются дискурсивные слова, которые позволяют «управлять» дискурсом, чтобы особым образом преподнести сообщаемую информацию [Борисова 2009: 23].

Анализ дискурса исследует основные процессы речепроизводства: способы связи говорящего / пишущего и слушающего/ читающего, структурное построение общения коммуникантами и влияние языка на повседневную жизнь человека. Результаты этих исследований составляют методологическую базу изучения дискурсивных маркеров (дискурсивных слов). Существует огромное число терминов, используемых для обозначения этих компонентов в рамках англоязычных лингвистических исследований: в своей работе «*What are discourse markers?*» Б. Фрейзер приводит некоторые из них: cue phrases (Knott and Dale 1994), discourse connectives (Blakemore 1992), discourse operators (Redeker 1990), discourse particles (Schorup 1985), discourse signaling devices (Polyanyi and Scha 1983), phatic connectives (Bazanella 1990), pragmatic connectives (Van Dijk 1979), pragmatic expressions (Erman 1992), pragmatic formatives (Fraser 1987), pragmatic operators (Ariel 1994), pragmatic particles (Ostman 1995), semantic conjuncts (Quirk et al. 1985), sentence connectives (Halliday and Hassan 1976) [цит.по Fraser 1999: 933].

В области анализа дискурса и, в частности, дискурсивных маркеров, можно выделить следующие проблемы: функциональное определение дискурсивных маркеров, выявление их признаков и установление функций, которые эти маркеры выполняют в дискурсе [Мурашковская 2014: 53].

Класс дискурсивных слов не имеет чётких границ и объединяет единицы, которые традиционные классификации относят к различным частям речи [Баранов 1993: 45]. Характерными чертами дискурсивных маркеров, отличающими их от других языковых единиц, обычно считают *факультативность* (то есть необязательное использование), *многокатегориальность* (отсутствие чётко оформленной синтаксической категории) [Zarei 2013], *десемантизацию* (утрата пропозиционального значения) [Wiezbicka 1991] и *рекуррентность* (высокая частотность в речи) [Бабаева 2008].

В связи с тем, что дискурсивные маркеры обладают собственным добавочным значением, связанным непосредственно с функционированием дискурса, возникла потребность их классифицировать, уточнить их функцию и воздействие на слушателя или читателя. Существует несколько определений дискурсивных слов, а также подходов к их изучению. Среди многочисленных работ, посвящённых этим проблемам, наибольший интерес представляют исследования Брюса Фрейзера, Деборы Шиффрин, Хэллидея и Хасана, представляющих разные научные направления в рамках так называемого *coherence-based* подхода, уделяющего большое внимание связям в дискурсе. Другой подход известен как *relevance-based approach* – он представлен работами Блэкмора, Бласса, Уилсона и Шпербера, рассматривающими дискурс с точки зрения пропозиций и вызываемых им мыслей, то есть когнитивного, а не текстуального развития дискурса [Мурашковская 2014: 55].

Так, Брюс Фрейзер отмечает, что дискурсивные маркеры (*discourse markers*), или, как он их называет, «прагматические маркеры» (*pragmatic*

markers) представляют собой функциональный класс лексических выражений, существующий в любом языке; эти выражения появляются в сегменте дискурса, но не являются частью пропозиционального содержания высказывания. Они не приносят никакого значения в пропозициональное содержание высказывания как такового. Однако они сигнализируют, помечают, маркируют аспекты сообщения, которые хочет передать коммуникант [Fraser 1990: 383]. Трактовка дискурсивных единиц Б.Фрейзером отражает прагматический подход к изучению дискурсивных маркеров. А.Кибрик, вслед за Б.Фрейзером, пишет, что дискурсивные маркеры кодируют значения, отличные от пропозиционального содержания (или от истинностной оценки) [Кибрик 2009]. Данные определения указывают на собственное значение дискурсивных маркеров и на то, что это значение отличается от содержания самого высказывания.

Б. Фрейзер в своей книге «Прагматические маркеры» (*Pragmatic Markers*) приводит классификацию маркеров в английском языке. В классификации Б.Фрейзера дискурсивные маркеры – это один вид пояснительных прагматических маркеров, непосредственная задача которых заключается в том, чтобы показать, как одно высказывание связано с другим. Учёный выделяет следующие типы маркеров:

1. *базовые маркеры (basic markers)*, указывающие на характер основного, базового сообщения:

- a) тип речевого акта;
- b) перформативы;
- c) «прагматические идиомы»;

2. *комментирующие маркеры (commentary markers)*, призванные комментировать базовое сообщение:

- a) оценка: *fortunately* (к счастью);
- b) маркеры очевидности / возможности (эвиденциальные маркеры): *possibly* (возможно);

с) источник информации: *they say* (говорят);

d) смягчение: *to put it mildly* (мягко говоря);

3.параллельные маркеры (*parallel markers*). Эти маркеры дополняют базовые сообщения;

a) обращения: *my dear* (дорогой);

b) маркеры солидарности;

с) маркеры недовольства и т.д.;

4.дискурсивные маркеры (*discourse markers*), указывающие на то, как базовое сообщение связано с контекстом:

a) маркеры смены темы: *anyway* (во всяком случае), *by the way* (кстати);

b) маркеры противопоставления – контрастивные маркеры: *but* (но), *however* (однако), *although* (хотя);

с) маркеры детализации, уточнения: *in other words* (иными словами), *more than that* (кроме того), *more than that* (кроме того), *particularly* (в частности), *also* (также), *and* (и), *or* (или);

d) маркеры вывода: *that is why* (поэтому), *so* (таким образом), *accordingly* (соответственно) [Fraser 1996: 167 – 175].

Своеобразие плана содержания дискурсивных маркеров часто интерпретируется как отсутствие у этих единиц собственного лексического значения – то есть десемантизация слова в его дискурсивных употреблениях. У многих слов такого типа существуют, наряду с дискурсивным, и другие, недискурсивные употребления. При этом между дискурсивным и другим употреблением некоторого слова часто не существует непосредственной семантической связи [цит. по: Мурашкова 2014: 54].

Как отмечают исследователи, дискурсивные маркеры обладают транскатегориальным характером, то есть класс дискурсивных маркеров включает в себя единицы, относящиеся к различным частям речи (частицы, наречия, союзы), имеющие разную структуру, начиная от слова, словосочетания и заканчивая целыми предложениями [Schiffrin 1987]. Важно

отметить, что морфосинтаксическая специфика дискурсивных маркеров ещё недостаточно изучена и не может служить однозначным критерием отнесения лексических единиц к классу дискурсивных, поэтому вслед за рядом исследователей [Schiffirin 1987, Киселева 2003] мы полагаем, что единственным критерием, позволяющим объединить дискурсивные маркеры в один класс, является функциональный.

Н.В. Гаврилова для обозначения дискурсивных единиц использует термин *коннектор* [Гаврилова 1987]; под ним она понимает «языковую единицу, функция которой состоит в выражении типа семантических отношений, существующих между двумя соединёнными с её помощью компонентами, имеющими предикативный характер, выраженными имплицитно или эксплицитно». В рамках *coherence-based* подхода Хэллидей и Хасан исследуют проблему связности текста (преимущественно письменного), а также средства, которые делают его единым целым. Не называя эти средства дискурсивными маркерами, они анализируют слова *and, but, by the way, I mean, to sum up* и выявляют их функции, которые фактически совпадают с функциями дискурсивных маркеров. Эти слова, по мнению исследователей, помогают создать текст, указывая на семантические связи в основной понятийной структуре. Хэллидей и Хасан выделили четыре значения таких «соединительных единиц»: добавочное, противительное, причинно-следственное и временное [Halliday, Hassan 1976: 5]. Внутри эти, на первый взгляд, простые значения подразделялись на другие, более конкретные. Так, причинно-следственное значение включало в себя общее причинно-следственное значение (простые и эмфатические единицы) и определённое причинно-следственное значение (единицы, обозначающие причину, результат и намерение) [цит. по: Мурашкова 2014]. Отметим, что сами исследователи признавали, что не только одно значение (или функция) может передаваться различными соединительными единицами, но и эти единицы могут в то же время выполнять разные функции. Например,

значение *and* может быть добавочным или противительным – в зависимости от контекста [цит. по: Мурашкова 2014].

Дебора Шиффрин уделяет большое внимание взаимосвязи дискурса и маркеров. Она рассматривает дискурс не только как единицу языка, но и как процесс общения. Её работы посвящены устному дискурсу. Д. Шиффрин определяет дискурсивные маркеры как единицы, зависящие от последовательности смыслов (тем или происходящего) и разбивающие речь на части [Schiffirin 1987: 57]. Классификация дискурсивных маркеров Деборы Шиффрин также нашла отражение в книге Г.Редекер, которая описывает основные типы маркеров, выделенные Шиффрин:

- 1) соединительные (*and, but, or*); служат для связи, координации элементов дискурса;
- 2) восклицательные (*oh, well*);

Согласно Д.Шиффрин, *oh* можно рассматривать как маркер управления информацией. Он используется в двух основных случаях: когда информация знакома слушателю, или же при восприятии новой информации. Он также отображает статус участия говорящего в качестве активного реципиента (*active recipient*) [Redeker 1991: 1141]. Например:

Henry: Did you go to Olney?

Zelda: Yeah: Oh no! Girl's High! Oh that's right.

Кроме этого, *oh* также может выражать эмоциональное участие говорящего (аффективный ответ – *affective response*); в частности, сюда относятся фразы *oh, yes, oh no, oh really?*

Что касается маркера *well*, он выполняет следующие функции:

- 1) служит маркером ответа;
- 2) маркирует получение новой информации (особенно неожиданной);
- 3) маркирует смену темы говорящим.

And I said em «Would you like to have another baby?» He says, «Now?» I said, «Yeah» And he says, «Well I don't know».

3) наречные (*now, then*);

Эти единицы могут выступать как дискурсивными маркерами, так и входить в состав обстоятельственных конструкций. В качестве дискурсивного маркера *now* обозначает «движение говорящего через время дискурса» [Schiffrin 1987: 230]. *Then* используется для обозначения темпоральной последовательности высказываний. Также маркер *then* может сигнализировать о том, что некое высказывание логически вытекает из предшествующего, обусловлено им, например:

Debby: Oh. Where in South Philadelphia were you born?

Ira: 16th and South.

Debby: Oh! Okay. That's sort of close to center city, then.

4) лексические фразы – вводные предложения (*you know, I mean*).

Дебора Шиффрин пишет, что эти компоненты имеют метакоммуникативное лексическое значение. Главной функцией *you know* является выражение обоюдного знания (*mutual knowledge*). Например:

*Zelda: You know that eh orthopedic doctor? **You know** that took care of Henry when he had his back problems?*

Irene: Who, that Chinese doctor?

Zelda: No the Italian. Bonzi!

Irene: Oh yeh.

Д. Шиффрин также представила дискурсивную модель планов, включающую в себя пять составляющих:

- пропозициональная структура;
- структура действий (речевые акты);
- структура чередования;
- структура участников;
- информационное состояние.

Как утверждает Шиффрин, дискурсивные маркеры могут действовать на разных уровнях дискурса, соединяя высказывания либо на одном плане,

либо на различных планах одновременно. Так, маркер *because* может соединять как действия, так и смыслы:

(a) *Yeh, let's get back, because she'll never get home.*

(b) *And they holler Henry!!! Cause they really don't know!* [Schiffirin 1987: 57].

В примере (a) маркер *because* соединяет просьбу и «оправдание» этой просьбы, в примере (b) он соединяет две идеи [цит. по: Мурашкова 2014: 58].

Дальнейшее исследование дискурсивных маркеров Д. Шиффрин показало, что они действуют на частном (между смежными репликами) уровне дискурса. Д.Шиффрин уделяет внимание степени собственного значения дискурсивного маркера, выявляя, приносит ли маркер своё значение в дискурс или только усиливает уже семантически понятное значение.

Отметим, что именно возможность действия на различных планах одновременно обеспечивает многофункциональность дискурсивных маркеров, которая, в свою очередь, обуславливает связи различных планов и уровней дискурса. Основная функция дискурсивных маркеров, согласно Д. Шиффрин – это обеспечение когезии текста: «дискурсивные маркеры не создают, но показывают отношения между сегментами дискурса» [Schiffirin 1987].

Наиболее ёмким представляется определение, данное в «Путеводителе по дискурсивным словам» 1993 года [Баранов, Плунгян, Рахилина 1993]: дискурсивные слова – это «единицы, которые, с одной стороны, обеспечивают связность текста и, с другой стороны, самым непосредственным образом отражают процесс взаимодействия говорящего и слушающего, позицию говорящего: то, как говорящий интерпретирует факты, о которых он сообщает слушающему, как он оценивает их с точки зрения степени важности, правдоподобности, вероятности и т.п. Именно эти единицы управляют процессом общения: они выражают истинностные и

этические оценки, пресуппозиции, мнения, соотносят, сопоставляют и противопоставляют разные утверждения говорящего или говорящих друг с другом» [Баранов и др. 1993: 7]. Данное определение, на наш взгляд, весьма удачно характеризует природу дискурсивных слов как носителей метатекстовой и прагматической (субъективно-модальной) функций. Дискурсивные слова отражают то, как говорящий работает над текстом, что он думает: трудно ему или легко, как он воспринимает адресата, много или мало, по его мнению, знает адресат, раздражает он говорящего или, наоборот, нравится ему.

Интересными представляются две современных классификации дискурсивных маркеров, первая из которых приведена в Cambridge Dictionary [URL: <https://dictionary.cambridge.org/>], а вторая дана испанским лингвистом Хесусом Ромеро-Трильо [Trillo 2012: 126]. Он изучал английские дискурсивные маркеры на примере London-Lund Corpus of Spoken English. Данные классификации была объединены и модифицированы в нашей работе. Основываясь на них, можно выделить следующие типы дискурсивных маркеров в англоязычном дискурсе:

- ✓ **Markers that organize what we say** (указание на метатекстовую функцию). В рамках этой группы можно выделить несколько подгрупп:
  - start of the turn (индикация начала реплики говорящего) – например, *well*;
  - end of the turn/conversation (завершение реплики/ диалога) – *and everything, and all*;
  - sympathetic circularity function (выражение участия, «сочувствующие» дискурсивные маркеры) – *I see*;
  - changing the topic (в терминах Б.Фрейзера, маркеры смены темы) – *anyway, by the way*.

ordering what we say (с целью нумерации и указания порядка следования частей высказывания – *first, and then, second, for a start, in the end, on top of that*).

- ✓ **Discourse markers that monitor what we say** (указание на коммуникативно-прагматическую функцию):

saying something in another way – *what I mean is, in other words*;

shared knowledge – *you know, the thing is, you see*.

- ✓ **Discourse markers as responses** (response tokens – дискурсивные маркеры ответа):

to show interest and to show that we want the speaker to continue – *yeah, right*;

to show surprise – *oh really*;

to show sympathy – *that's terrible*.

- ✓ **Discourse markers showing attitude** (дискурсивные маркеры отношения, указание на субъективно-модальный характер компонентов).

Сюда относятся следующие маркеры:

<i>actually</i>	<i>frankly</i>	<i>I think</i>	<i>(I'm) sorry</i>
<i>admittedly</i>	<i>hopefully</i>	<i>literally</i>	<i>surprisingly</i>
<i>amazingly</i>	<i>honestly</i>	<i>naturally</i>	<i>thankfully</i>
<i>basically</i>	<i>ideally</i>	<i>no doubt</i>	<i>to be honest</i>
<i>certainly</i>	<i>if you ask me</i>	<i>obviously</i>	<i>to tell you the truth</i>
<i>clearly</i>	<i>I'm afraid</i>	<i>of course</i>	<i>understandably</i>
<i>confidentially</i>	<i>I must admit</i>	<i>predictably</i>	<i>undoubtedly</i>
<i>definitely</i>	<i>I must say</i>	<i>really</i>	<i>unfortunately</i>
<i>essentially</i>	<i>in fact</i>	<i>sadly</i>	<i>seriously</i>

- ✓ **Discourse markers: sounding less direct (hedges)** – маркеры смягчения категоричности высказывания (маркеры уклонения от прямого ответа):

apparently kind of perhaps roughly
arguably like presumably sort of/ kind of
I think maybe probably surely
just

- ✓ **Discourse markers: *um* and *erm*** – дискурсивные маркеры-заполнители пауз, используются в основном в устном дискурсе:

Um, could I ask you a personal question?

Her last book was called... erm what was it? I can't remember the name.

- ✓ **Discourse markers: interjections (маркеры-междометия)**

hooray, oops, ouch showing a positive emotional response;

yuck showing negative emotional response.

Подводя итог, можно привести еще одну классификацию дискурсивных маркеров в английском языке на основе дихотомии устного и письменного дискурса. В Cambridge Dictionary приводится следующий список маркеров, характерных для устного текста (причем акцент на их узкофункциональную специфику отсутствует) [URL: <https://dictionary.cambridge.org/grammar/british-grammar/discourse-markers-so-right-okay>]:

anyway like right you know

fine now so I mean

good oh well as I say

great okay mind you for a start

Что касается письменного текста, там наиболее употребительными являются следующие дискурсивные маркеры:

firstly in addition moreover on the other hand

secondly in conclusion on the one hand to begin with
thirdly in summary

Дихотомические различия дискурсивных маркеров, с одной стороны, свидетельствуют об универсальном характере парентезы как комментария к информации, содержащейся в основной синтаксической конструкции, а с другой стороны, указывают на её функциональность как организующий принцип жанрового текстопостроения.

2.2. Текст и дискурс: структурная и содержательная связность

В среде учёных длительное время ведется дискуссия по поводу понятий *дискурса* и *текста*, а также предпринимаются попытки разграничения этих явлений.

Обратимся к диахроническому аспекту исследования текста и дискурса. Если на первоначальной стадии вхождения термина «дискурс» его часто идентифицировали с текстом (Р. Барт, И. Беллерт, А. Ж. Греймас, Ж. Курте), то в конце 70-начале 80 гг. XX века наметилась тенденция к постепенной дифференциации этих понятий. Дискурс стали воспринимать как процесс текстопостроения, а текст – как часть дискурса (В. А. Андреева, В. З. Демьянков, Е. В. Ерофеева, А. Н. Кудлаева, Е. С. Кубрякова, В. А. Миловидов, В. Е. Чернявская) [цит. по: Селезнева 2014: 67]. Говоря о соотношении понятий «текст» и «дискурс», можно отметить, что всё множество трактовок вопроса исходит из того, как исследователи вписывают понятия текста и дискурса в системы языка/речи, предложенные Фердинандом де Соссюром. Наиболее общепринятой является точка зрения, согласно которой дискурс соотносим со вторым членом пары *язык/речь*, то есть со сферой речи. В 1943 году Эрик Бюисанс вводит в бинарную соссюровскую оппозицию новый элемент – дискурс, определяя его как некий проводник между абстрактной языковой системой и живой речью, как

механизм актуализации языка в речи. Он предлагает называть дискурсом то, что «предстает в речи функциональной частью». По его мнению, лингвистика изучает именно дискурс. Дискурс – «нечто парадоксальным образом и более речевое», нежели сама речь, и одновременно – «в большей степени поддающееся изучению с помощью традиционных лингвистических методов, более формальное и тем самым более языковое» [Buyskens 1943].

В конце 80-х гг. XX века дискурс начинают определять как сложное коммуникативное явление, сложную иерархическую систему знаний, включающую, помимо текста, ещё и экстралингвистические факторы (знания о мире, мнения, установки, цели адресата), которые требуются для более ясного понимания текста. В конце XX века в рамках междисциплинарного подхода к изучению явлений понятие «дискурс» стали рассматривать уже не только с точки зрения семантики и синтаксиса, но также прагматики, изучающей отношение «текст–адресат».

В ходе анализа научной литературы нетрудно заметить, что большинство определений дискурса даётся именно через текст, осложнённый некоторыми характеристиками: «Дискурс – это текст...». В связи с этим приведем определение текста, предложенное Л.М. Васильевым: «Текст – структурно организованная и по форме, и по содержанию совокупность речевых актов, характеризующаяся цельностью, законченностью и коммуникативной мотивированностью, то есть уместностью, целесообразностью и целенаправленностью» [Васильев 2012: 20]. В этом определении отражена речевая сущность текста; также в нём не содержится ограничений по признаку формы речи (устной/письменной). Соотнося дискурс и текст, можно определить дискурс как максимальную единицу текста, а именно – «текста, интерпретированного автором или читателем, то есть такого текста, который понимается с учётом социальных, ситуативных, коммуникативных, культурных и иных условий его порождения и функционирования»; иными словами, дискурс – это текст, соотносимый с

ситуацией общения (с историческим, социально-культурным, политическим, идеологическим, психологическим контекстом), с системой коммуникативно-прагматических установок, с когнитивными процессами его порождения и восприятия; интегрированный в интертекстуальное пространство.

Дискурс охватывает все виды деятельности и может представлять собой любые высказывания в письменной или устной форме, например, статьи, лекции, очерки в СМИ и выступления журналистов, политиков и деятелей культуры, деловую переписку, медицинские рекомендации – иными словами, всё, что предназначено для целенаправленного воздействия одних людей на других.

Таким образом, текст и дискурс являются взаимозависимыми, тесно связанными понятиями. Любой дискурс также представляет собой текст. При разведении понятий «дискурс» и «текст» в теории дискурса всегда подчёркивался деятельностный, динамический аспект языка: дискурс отличается от текста тем, что он представляет язык в виде процесса, учитывающего воздействие экстралингвистических факторов в процессе коммуникации; результат такого взаимодействия – фиксированный текст.

Норман Фейрклаф (Norman Fairclough) в своей работе *Analysing Discourse: Textual Analysis for Social Research (2003)* отмечает, что каждый речевой случай состоит из трёх измерений: текст (речь, письмо, визуальное изображение или их сочетание), дискурсивная практика, которая включает производство и восприятие текстов, и социальная практика. Дискурсивная практика выступает своеобразным посредником между текстами и социальной практикой. Текст, по Н.Фейрклафу, есть продукт процесса порождения и процесса интерпретации. Дискурс представляет собой динамический процесс семиозиса в ходе коммуникации, частью которого является текст [Fairclough 2003: 15].

Подводя итог, можно сказать, что основными различиями между дискурсом и текстом являются следующие: дискурс – категория процесса, текст – категория результата. Дискурс описывается как категория процесса ввиду своей возможной незавершённости, текст же представляет собой результат намеренной деятельности человека. Текст – это абстрактная конструкция, дискурс – её актуализация. Итак, в дихотомии «текст–дискурс» наиболее общим и универсальным является понятие дискурса, которое включает в себя, помимо чисто языковых составляющих, целый ряд прагматических, социокультурных, психологических и других, выходящих за рамки языковой системы, факторов (адресат и адресант дискурса, коммуникативная цель, временные рамки, социальный контекст).

Текст представляет собой целостную, связанную логически и грамматически структуру (от лат. *textus* – ткань). Б.Фрейзер в своей работе о природе дискурсивных маркеров упоминает о связи компонентов внутри дискурса. Он ссылается на исследование Гизелы Редекер [Redeker 1991], которая пишет о том, что высказывания могут быть связаны тремя способами:

A) *Ideationally* (абстрактная, воображаемая связь) – if their utterance in the given context entails the speaker's commitment to the existence of that relation in the world the discourse describes. For example, temporal sequence, elaboration, cause, reason and consequence [Redeker 1991: 1168].

B) *Rhetorically* (риторическая связь) – if the strongest relation is not between the propositions expressed in the two units but between the illocutionary intentions they convey. For example, antithesis, concession, evidence, justification and conclusion [Redeker 1991: 1168].

C) *Sequentially* (секвенциальная связь) – if there's a paratactic relation (transition between issues or topics) or hypotactic relation (those leading into or out of a commentary, correction, paraphrase, aside, digression, or interruption sentence) between only loosely related (or indirectly related adjacent discourse

sentences). “When two adjacent discourse units do not have any obvious ideational or rhetorical relation, their relation is called sequential” [Redeker 1990: 369].

Исходя из приведённых определений, можно сделать вывод, что дискурсивные компоненты (в частности, вводные компоненты и вставки) по большей части относятся к средствам обеспечения третьего типа связи – секвенциальной, выражая паратактические и/или гипотактические отношения.

В рамках прагматического функционализма при анализе текста и дискурса часто используются термины *когезия* (англ. *cohesion*) и *когерентность* (*coherence*), то есть структурная и содержательная связность. Под когезией понимается линейная внутренняя организация текста посредством различных средств языка. Она охватывает формально-грамматические аспекты связи высказывания внутри текста. Когезия обеспечивает связь частей текста, при которой интерпретация одних элементов зависит от других и позволяет адресанту реализовать свою коммуникативную цель с наибольшей точностью и ясностью; она достигается с помощью различных языковых средств: союзов, повторов, согласования временных и иных форм. Когезия принадлежит к элементам значения, которое существует в рамках текста и определяет его как текст [Halliday, Hassan 1976: 109].

Что касается когерентности, она понимается как цельность текста, заключающаяся в логико-семантической соотнесённости и взаимосвязи входящих в него предложений, как смысловая, логическая связность текста. Когерентность организует части дискурса таким образом, что авторский замысел становится понятным читателю, то есть реализуется то, что в прагматике называется уместностью [Cutting 2002]. Когерентность включает в себя не только формально-грамматические аспекты связи высказываний, но и семантико-прагматические (тематические и функциональные в том числе) аспекты смысловой и деятельностной связности дискурса. Можно сказать,

что когерентность – это понятность текста и его смысловая целостность [Масалина, Новодранова 2009]. Она обеспечивается логической последовательностью и непротиворечивостью изложения, логическими связками – вводными словами, использованием стереотипных формул, обозначающих начало и концовки повествования.

Если определять соотношения когезии и когерентности, следует отметить, что когезия вторична по отношению к когерентности, так как последняя может формально не проявляться «на поверхности», но определять выбор языковых средств, реализующих замысел автора текста. Т.В. Милевская дает следующее определение взаимоотношению данных терминов: «Когезия суть свойство элементов текста, а когерентность есть свойство текста в целом» [Милевская 2003: 154], указывая тем самым на иерархичность связи этих понятий. В любом случае, когезия и когерентность являются базовыми текстовыми категориями, и это обусловлено тем фактом, что общее представление о любой последовательности предложений предполагает, с одной стороны, некую последовательность в устной или письменной форме вне зависимости от целостности семантического комплекса, а с другой стороны, строго тематический континуум, организуемый общей информативной направленностью. Таким образом, синтаксически релевантным является положение о том, что вводные и вставные компоненты участвуют в обеспечении лингвистического единства двунаправленного характера, являясь одновременно средствами обеспечения и когезии, и когерентности.

2.3. Вводные компоненты в устной речи

Обратимся к рассмотрению функций вводных компонентов в устном дискурсе, то есть в речи. Принципиально важным свойством вводных

компонентов как дискурсивных маркеров является обеспечение формально – грамматической и смысловой связности частей дискурса.

В связи со своей спецификой функционирования устная речь обладает рядом особенностей, которые влияют на использование и выбор языковых единиц. Разговорную речь характеризуют такие признаки, как спонтанность, лаконичность, ситуативность, эмоциональность и диалогичность. Индивидуально-личностный характер устной речи и её взаимосвязь с коммуникативной ситуацией позволяют вводным компонентам проявить свою полисемичность именно в устной разговорной речи, в рамках живого, непосредственного общения [Хусяинова 2013: 3]. Их основная функция – выражение отношения говорящего к содержанию высказывания, к условиям ситуации общения, иногда – к собеседнику, то есть эти единицы предоставляют говорящему возможность привнести личный фактор в сообщение. Вставка вводного компонента указывает на то, что в логически организованную речь «врывается» личность говорящего с собственным видением ситуации [Хусяинова 2013: 23]. Использование вводных компонентов связано со спонтанной, часто эмоциональной реакцией; это обнаружение внутреннего состояния говорящего. Вводные компоненты, употреблённые в речи, некоторые лингвисты называют двухместным предикатом [Манаенко 2007, цит. по: Хусяинова 2013: 22], так как с их помощью в предложение вводится позиция и отношение говорящего к сообщаемому (и к собеседнику), и, в то же время, дополняется смысл предиката предложения. Например, в предложении *It seems he liked it here yesterday* вводное предложение актуализирует точку зрения субъекта речи; с его помощью основное предложение обогащается значением неуверенности в достоверности высказывания.

В ходе исследования нами были рассмотрены вводные компоненты и вставки на примере Устного корпуса (Conversational Corpus) в составе Британского Национального Корпуса (British National Corpus) [URL:

<https://www.english-corpora.org/bnc/>]; в основном это фрагменты бытовой коммуникации: дружеских бесед, телефонных разговоров и т.п. Спектр значений вводных компонентов в устной речи необычно широк; зачастую в речи они могут употребляться в несвойственных значениях. Наиболее употребительными являются вводные компоненты следующих групп:

- ✓ оценочные (вводно-модальные) компоненты (всевозможные семантические оттенки – выражение одобрения/ неодобрения, сожаления, различной степени достоверности, предположения, уверенности/неуверенности).

Так, в устной речи *maybe* может употребляться в значении предположения, или, как в приведённом ниже примере, предложения что-либо сделать, а не в качестве выражения неуверенности, отмеченного в большинстве классификаций (предназначенных, прежде всего, для письменного текста):

Erm, maybe photocopy it a bit smaller. So that you've got an A four size [British National Corpus: conversational]

Тем не менее, значение предположения у лексемы *maybe* является наиболее частотным – как, например, в этом фрагменте беседы:

Remember mirror, signal, manoeuvre (laugh) once you start to overtake move quickly passed the vehicle you are overtaking, when overtake er, overtake only on the right except when the driver in the front has signalled that he intends to turn right, you can overtake him on the left, without getting in the way, when you want to turn left at a junction, when traffic is moving slowly in queues and be er, in a lane on the right and moving more slowly than you are, in one way streets, but not dual carriageways, maybe with a path on either side, when traffic is moving as described, do not increase your speed while being overtaken, slow down if necessary to let the overtaking vehicle pass [British National Corpus: conversational].

Рассмотрим пример с вводным словосочетанием *God willing*. По семантике вводный компонент *God willing* приближается к слову *maybe*, но более фразеологичен и обладает дополнительным семантическим оттенком надежды:

We'll be moving next month, God willing [British National Corpus: conversational].

Вводный компонент *sure enough*, обозначающий высокую степень уверенности, используется для выражения привычного или ожидаемого положения вещей, например:

And er, sure enough, will you, er... pick me up, dad? [British National Corpus: conversational].

Лексемы *possibly*, *evidently* и вводное предложение *I suppose* используются для выражения предположения:

1. *But you buy the seed! Grass seed! (pause) Nottingham seed. Yeah, well that's grown special, for the seed. (pause) But this is, evidently out of somebody's own wood. You cut down two trees and the (pause) the grass has been left and they (pause) took advantage of the bit that was there. (pause) Where did he get the address from?* [British National Corpus: conversational].

2. *Well Matthew don't take after him. Why? Cos he isn't no taller than you. He is, he is a bit (pause) about quarter of an inch. Oh. What colour eyes have I got? Brown. What colour eyes have you got. Brown. What colour eyes has dad got? Blue. Mum? Yes. Could I have green eyes? Yeah. If you had blue and dad had brown. Well greeny tinge I suppose, yeah. No I mean (pause) green. If two people have got blue eyes (pause) the mother and father the children always have blue eyes (pause) I think (pause) If the mother's got brown and the father's got brown they don't have a blue eyed child. Don't they?* [British National Corpus: conversational].

3. *I don't know. But I would have thought probably the squash or the bowls strictly probably generate more money. And the ground is more intensively used perhaps*

for that? Well that's yes. I think that that that perhaps again one of the problems with croquet. It uses up quite an area, doesn't it for... er mm. Well is it any more than a tennis court? Well I suppose a game of tennis doesn't last as long. No it doesn't. You can get several games in (unclear). It is possibly no worse than the cricket (pause). Sure. Because they have twenty two players, haven't they? Yes (unclear) Though they are only eleven twelve or thirteen on at any one time. Yes. Yes I mean if it is possible to provide that huge acreage I mean the space per player or whatever is (laugh) rather less for croquet than for cricket, isn't it? [British National Corpus: conversational].

В качестве подгруппы оценочных вводных компонентов можно выделить компоненты, передающие эмоции: радость, одобрение, сожаление, грусть и т.д. Они очень часто употребляются в устной речи, так как одной из её функций является экспрессивная, то есть выражение чувств и эмоций говорящего. Поскольку устная речь характеризуется интерактивностью, то импульсом для высказывания становится эмоциональное состояние коммуниканта, смена его настроения и другие факторы личностного общения. Вводные компоненты часто дают экспрессивную оценку коммуникативной ситуации, например, **God forbid**:

*–But if you put yourself in my position (pause) and (pause) all you do is call (pause)
–God forbid it if ever I put myself in your position! (laugh) [British National Corpus: conversational].*

Такие компоненты выражают широкий спектр эмоций говорящего; например, указывают на недовольство, нетерпение субъекта речи. В этой функции весьма частотны инвективы, например, **blimey**:

Normally you sit in er you know the trouble is as long as the police aren't here. If the police are here they make you go right round and sit and wait. Oh I'll bet. This is sometimes it's a pain though it does. Oh my God! Blimey! (pause) The trouble is if it's like this here it's like this in all of them. (pause) That's the only thing. What shall what what do you think of doing? Well I'll wait here for a bit I mean you'll

queue at the others if I turn round. You see you get them. See we're moving. What what about the Quarry one? Where's that down at Debenhams? I don't know [British National Corpus: conversational].

Следует упомянуть ещё об одной важной способности оценочных вводных компонентов – выступать в роли самостоятельных предложений, что характерно преимущественно для диалогической речи. Так, ответная реплика *sure/ of course* выражает подтверждение с экспрессивно-модальным оттенком уверенности; *you don't say so* часто выражает удивление, сочувствие; вводное слово *really* по своей коммуникативной цели сходно с обещанием или может выражать удивление и недоверие к высказанной информации (в этом случае высказывание носит вопросительный характер). Такие высказывания обычно появляются как реакция на слова собеседника или ситуацию.

1. *Especially when you have like we had (pause) boiling water pouring out of there. You know, like trying to stop it with our fingers. Yeah, sure, yeah [British National Corpus: conversational].*

2. –*They say he bashes his wife about.*

–*You don't say so [British National Corpus: conversational].*

3. –*She is about to appear here!*

–*Oh really? [British National Corpus: conversational].*

✓ Вводные компоненты, указывающие на источник сообщения.

Что касается вводных компонентов, которые называют источник информации, в речи в данном случае может иметь место оценка информации с точки зрения достоверности /предположительности в зависимости от отношения говорящего к лицу-источнику, от степени доверия к нему. А.Н. Гвоздев писал, что говорящий может «подкрепить высказывание ссылкой на авторитет» или же выразить своего рода нежелание нести полную ответственность за сообщаемую информацию, абстрагироваться от высказываемых им фактов [Гвоздев 1973: 194]. Например, вводный

компонент *they say* имеет дополнительную семантику неуверенности в достоверности знаний, объясняющуюся тем, что источник знаний не определен:

*Well I don't mind doing that. Thing is **they say** take half an hour to transcribe two minutes, but that's probably by professionals anyway [British National Corpus: conversational].*

- ✓ Коммуникативные вводные компоненты. Среди них наиболее часто в устной речи встречаются вводно-контактные **(фатические) компоненты**. Они функционируют в качестве конвенциональных фраз, предназначенных для выражения межличностных отношений в процессе коммуникации. В связи с этим большой интерес представляет рассмотрение вводных компонентов как метакоммуникативных сигналов регулирования процесса речевого общения. Межличностное общение реализуется, как правило, в форме диалога, основанного на передаче информации, получении её адресатом и его ответной реплики (англ. *feedback*), то есть предполагает адекватное понимание говорящим коммуникативного намерения друг друга [Формановская 2002: 158]. Успешность достижения этой цели зависит от степени контактности участников коммуникации и от созданной ими атмосферы коммуникации. Как известно, контактность в процессе речевого общения обеспечивается тремя взаимосвязанными процессами:

- установление речевого контакта;
- поддержание речевого контакта;
- размыкание речевого контакта.

Вводные компоненты участвуют в управлении процессом речевого общения на всех его стадиях. Установление речевого контакта, своеобразный зачин разговора, предваряет передачу сообщения и служит для привлечения внимания слушающего к различным аспектам коммуникации. Вербальным

элементом привлечения внимания слушающего может быть десемантизированный вводный компонент *you see (you know)*:

And er anyway I forgot you wouldn't know her as that. But you see I called her that because everybody else called her that [British National Corpus: conversational].

При невключённом внимании адресата речь может быть воспринята ущербно, поэтому инициатор контакта использует метакоммуникативные сигналы, предназначенные для побуждения адресата к восприятию сообщения. На фазе установления контакта важно, чтобы между собеседниками сформировались вежливые, доброжелательные отношения. От того, насколько учитывают коммуниканты принцип вежливости, ориентирующий на контакт, зависит развитие или свёртывание речевого акта. Поэтому контактоустанавливающая функция свойственна (в качестве дополнительной к основной) формулам вежливости, находящимся в начале высказывания [Горбачева 2018: 13]. Как правило, они служат своеобразной вербальной компенсацией слушающему за причинённое ему беспокойство, «смягчают» обращение к адресату. Так, вводный компонент *beg your pardon* при употреблении в начале высказывания свидетельствует о том, что говорящий желает уточнить информацию либо привлечь внимание собеседника, например:

Beg your pardon? Do you want your water bottle filled? [British National Corpus: conversational].

Фатические формулы вежливости сигнализируют о том, что акт коммуникации происходит по инициативе говорящего, поэтому инициатор контакта просит прощение за вторжение в сферу деятельности собеседника, старается смягчить форму своей обращённости к адресату. Вместо того, чтобы сразу сделать свое сообщение, говорящий начинает высказывание с фразы, которая для передачи основной информации оказывается «избыточной». Однако едва ли можно говорить об «избыточности» конструкций с вводными компонентами, если они используются по своему

функциональному назначению и это функциональное употребление благотворно для коммуникативной ситуации [Горбачева 2018: 17].

В процессе коммуникации говорящий заинтересован том, чтобы его сообщение принималось адекватно и с постоянным уровнем внимания в течение всего времени его передачи. С целью поддержания контакта говорящий вставляет в своё сообщение различные фразы, обращённые к собеседнику. Вводные компоненты этого типа, как правило, находятся в интерпозиции, что само по себе является достаточно сильным средством привлечения внимания адресата, поскольку связано с прерыванием хода основной мысли. Помимо интерпозиции вводных компонентов, наличие местоимения второго лица, обозначающего адресата, является существенной чертой, необходимой для выполнения функции поддержания контакта. Говорящий напоминает слушающему, что сообщение адресовано ему, и проверяет, слушает ли его собеседник. Например:

*The interview hardly features in it. I mean it might be there I suppose but no one gets into trouble for an interview, **you know** – not serious trouble [British National Corpus: conversational].*

На стадии размыкания речевого контакта типичными являются формулы вежливости: говорящий заканчивает своё высказывание вежливым обращением к собеседнику, чтобы сохранить добрые отношения на будущее. Вводные компоненты, участвующие в размыкании речевого контакта, наделены «посткоммуникативной силой», они имеют «перспективные» дейктические координаты типа «я — ты — впоследствии — должны сохранить хорошие (этикетные) отношения» [Почепцов 1982: 65]. Как правило, они находятся в постпозиции:

*I made a coconut cake. You can have it **if you like** [British National Corpus: conversational].*

В современном англоязычном устном дискурсе весьма популярным является вводный компонент *though*. Его также можно считать

коммуникативным; согласно дефиниции *Longman Dictionary of Contemporary English* [URL: <https://www.ldoceonline.com/>], в устной речи *though* имеет следующее значение: «is used after adding a fact, opinion, or question which seems surprising after what you have just said, or which makes what you have just said seem less true»:

*Two heart attacks in a year. It hasn't stopped him smoking, **though*** [British National Corpus: conversational].

Иногда фатические вводные компоненты в устной речи могут употребляться в роли заполнителей пауз (англ. *gap fillers*). В этой функции можно отметить утрату ими собственной семантики (полную десемантизацию); такие вводные компоненты привлекают внимание собеседника к содержанию высказывания и настраивают на его восприятие. Иногда они могут быть и знаками речевого затруднения:

Well... they got down alright this morning [British National Corpus: conversational].

Таким образом, вводные компоненты служат достижению главной цели коммуникации – взаимопониманию, способствуя установлению и поддержанию речевого контакта. Палитра значений и функций, которые могут быть реализованы с помощью вводных компонентов в устной речи, достаточно обширная. Хотя функционирование каждого вводного компонента имеет свои особенности, все они выполняют в речи четыре основные функции:

- оценочная функция – широкий спектр семантических оттенков (оценка сообщаемого с позиции достоверности, истинности, эмоциональная оценка);
- коммуникативные вводные компоненты, направленные на поддержание коммуникативного контакта при использовании их в диалогической речи, а также на преодоление затруднений, возникших в речи (заполнение пауз);

- вводящие компоненты, указывающие на источник сообщения (адресно-маркированные вводящие компоненты – метатекстовая функция).

Данные исследования можно представить в виде следующей диаграммы:

Можно сказать, вводящие компоненты «несут на себе весь коммуникативный пласт высказывания, передают отношение коммуникативной ситуации, отношения коммуникантов между собой, а также к системе общего фонда знаний, объединяющей адресанта и адресата. Таким образом, это слова, максимально ответственные за удачу речевого общения» [Николаева 1985: 167].

2.4. Вставки в неподготовленной устной речи

Как известно, речь представляет собой линейный, последовательный, однонаправленный процесс. Это связано с тем, что, как пишет К.А. Долинин, субъект речи не может одновременно говорить о различных одновременно существующих аспектах ситуации, он может описать их лишь последовательно, а за это время (пока говорящий последовательно развёртывает свое высказывание) «ситуация в целом и каждый её элемент более или менее существенно изменились бы и сообщение безнадежно отстало бы от описываемой ситуации» [Долинин 1985: 19]. Однако в некоторых случаях субъекту речи необходимо более полно представить в своём высказывании референтную ситуацию со всеми нюансами, поправками, но он наталкивается на структурные ограничения, налагаемые синтаксисом. Вставки помогают разрешить это противоречие: размыкая основное высказывание, вклиниваясь в него, они нарушают последовательность расположения синтаксических элементов предложения.

Как полагает Э.П. Новоселецкая, «нелинейность мысли отражает сложность мыслительного процесса, в свою очередь обусловленного сложностью содержания и структуры объективной реальности и стремлением человека постичь эту сложность» [Новоселецкая 1993: 19]. Благодаря использованию вставок, в речи возникает возможность прервать на некоторое время структуру предложения, сохранив ёмкость и концентрированность смысла, и в рамках формально единой структуры сообщить необходимый максимум информации. Способность вставок и вводных компонентов нарушать линейность речи ведёт к образованию двуплановости изложения, двуплановости информативной, содержательной. По мнению В.Г. Адмони, «в силу общей многоаспектности языка речевая коммуникация обладает многими аспектами, в которых выражаются различные стороны когнитивно-душевной жизни человека» [Адмони 1994: 10]. Учёный выделяет несколько

аспектов речевой коммуникации, первый из которых – аспект психологического становления речевой коммуникации – помогает понять природу такого явления, как вставка. С точки зрения этого аспекта все высказывания делятся на спонтанные, непосредственно складывающиеся в момент речи, и подготовленные, препарированные, сознательно вырабатываемые говорящим. Противопоставление высказываний по этому параметру (спонтанность vs. подготовленность речи) вскрывает сущность явления вставочности [цит. по: Гаврилова 2002].

Появление вставок в спонтанной устно-разговорной речи обусловлено её сущностными характеристиками: неподготовленностью, иногда отсутствием определённого плана высказывания, когда процесс мышления и речи почти совмещены и происходит одновременное формирование мысли и речи. Вставка, как пишет Б.Ю. Норман, не заложена во внутренней программе высказывания, а появляется «как результат дополнительного ассоциирования, маргинальной, побочной деятельности речемыслительного механизма» [Норман 1994: 190], когда сообщаются сведения, ранее не предполагавшиеся к включению в основное высказывание (к вербализации), привнесённые в него как бы «извне».

В первую очередь, появление вставки в спонтанной речи может быть связано с нечётким планированием речи, с тем, что Т.Ю. Губарева называет «потенциальной необработанностью, синтаксической «лоскутностью», информативной рыхлостью» [Губарева 1996: 16], когда процессы обдумывания – «что я скажу» и «как я скажу» у говорящего происходят нерасчленённо. С одной стороны, это может быть характеристика субъекта речи, его речемыслительной деятельности: я так говорю, потому что так (в данной спонтанной ситуации) идёт мой процесс мышления. Например:

I can't tell you why – or I could tell you why, but it would make no sense –you'd think I was crazy [British National Corpus: conversational].

В данном контексте у говорящего уже в процессе развёртывания основного высказывания возникает дополнительная, добавочная мысль (появившаяся ассоциативно), которая вербализуется в форме вставного предложения.

Вставка также может быть результатом реакции говорящего на какие-либо невербальные сигналы со стороны слушающего: мимические, жестовые. М.Я. Дымарский назвал это явлением бикоммуникативности, когда устное спонтанное высказывание, переданное в письменной форме, демонстрирует не только один канал коммуникации – вербальный, но и другой – вспомогательный – «зрительный, по которому идет обмен мимическими, жестовыми и подобными сигналами» [Дымарский 2000: 35], например:

“One last word," I said in my horrible English, "are you quite, quite sure that – well, not tomorrow, of course, and not after tomorrow, but – well – someday, anyday, you will not come live with me? I will create a new God and thank him with piercing cries, if you give me that microscopic hope” (V. Nabokov. Lolita).

В данной речевой ситуации очевидно, что во время произнесения Гумбертом этого высказывания в середине его со стороны Лолиты последовал какой-то невербальный сигнал (можно предположить – покачивание головой, означающее «нет»), из-за которого в основное высказывание встраивается не предполагавшаяся в его начале информация в виде вставки.

Таким образом, вставки в спонтанной, необработанной речи характеризуют неоднородное мышление говорящего: во-первых, его способность быстро во время самой коммуникации перестраивать свой дискурс, в зависимости от собственного процесса формирования «мысли-речи», эмоционального состояния, невербальных сигналов со стороны слушающего; во-вторых, они демонстрируют внимание к экстралингвистическим, выходящим за рамки коммуникации факторам, к контексту коммуникативной ситуации.

2.5. Вставки в подготовленной речи и письменном дискурсе

Рассмотрим функционирование вставок в подготовленной, обработанной речи, а также в письменных текстах. В этом случае вставки служат в качестве особого способа подачи информации, как специфическое построение текста. Текст намеренно делится на основное и вставное звено, что обусловлено определёнными интенциями автора текста (адресанта), главная из которых – воздействие на читателя – адресата. А.И. Аникин в одной из своих статей пишет: «всё, что содержится во вставках, и всё, что они дают высказыванию, – это не что-то второстепенное, малозначительное, не предполагавшееся к сообщению, оно продумано автором, включено сознательно и служит его цели – как можно полнее, точнее выразить весь круг мыслей, эмоций, найдя для этого наиболее адекватную художественно-языковую форму» [Аникин 1967: 248].

Отечественные исследователи, чьи интересы занимала проблема явления вставочности (Н.П. Перфильева, С.Г. Онишко, И.А. Старовойтова, И.В. Столярова. И.Г. Сагирян и др.), в своих работах акцентируют внимание на том, что вставка используется субъектом как «определённый композиционный приём: в такой форме лучше всего представить содержание, его легче воспринимает адресат» [Перфильева 1994: 41]. Вставки в подготовленных текстах не являются дополнительными, добавочными сведениями, наоборот – информация, представленная во вставке, очень важна, и рассматривать такие вставки следует с позиций, отличных от рассмотрения вставок в спонтанной устной речи. А.И. Аникин объясняет назначение вставок с указанием на их метатекстовую функцию – создание двуплановости содержания: автор текста «выделяет в высказывании как бы два плана, две плоскости: основную мысль, которая будет развиваться в других предложениях, и мысль, сопутствующую основной, связанную с ней, тоже очень важную, хотя автор по различным соображениям не оформляет её

в самостоятельное предложение» [Аникин 1967: 250]. Другие исследователи подтверждают подобную точку зрения, хотя и называют это явление по-разному: «совмещение, «наложение» двух линий, уровней мысли и её изложения» [Черемисина, Колосова 1987: 93], расположение информации «в разных смысловых планах по сопутствующим, а не развивающимся линиям, в результате чего повествование как бы распадается на два потока» [Онишко 1997: 7], образование нескольких «повествовательных ярусов» [Сагирян 1999: 7].

Явление двуплановости состоит в том, что в высказывании со вставкой содержание частей (включающей и вставной) не уместаются в одну плоскость, и вставная часть, содержащая более или менее важную информацию (что зависит от конкретного контекста), выносится во вторую плоскость. По словам Э.П. Новоселецкой, «явление двуплановости приводит к углублению смысловой структуры высказывания, к увеличению его смысловой ёмкости или информативных возможностей, что способствует развитию коммуникативного динамизма предложения (текста)» [Новоселецкая 1993: 20]. Двуплановость повествования делает высказывание «выпуклым», «рельефным»: в чёткой, воспринимаемой аудиально (через интонацию) или визуально (через знаки препинания) расчленённости на две плоскости, линии (два плана, яруса) информация более адекватно воспринимается адресатом [Гаврилова 2002: 38].

Нарушая линейность речи и тем самым создавая двуплановость повествования, вставка служит определённым целям говорящего. Исследования, ориентированные на прагматический аспект изучения языка, позволяют выделить следующие функции вставок, обусловленные интенциями субъекта речи (говорящего, пишущего):

1. Наиболее типичной функцией вставок в дискурсе, по словам Т.А. Колосовой [Колосова 1997], Н.П. Перфильевой [Перфильева 1994], С.Г. Онишко [Онишко 1997] является выравнивание фоновых знаний,

пресуппозиций участников коммуникации. Вставки, выполняющие эту функцию, создают эффект спонтанности: уже в процессе текстопостроения субъект речи неожиданно выясняет, что фоновые знания его и адресата не равны, и тогда вставляет («вклинивает») в основное высказывание информацию, устраняющую случившееся коммуникативное недоразумение. *And I began to hear, in my inner ear, the sound of a silent wailing – a keening desperate bafflement – as if my soul, the soul of Alexander Rief, seemed to have lost control of the body it inhabited (W. Boyd. The Dream Lover: Short Stories).*

Как видно из примера, информация, которую содержат вставки, с точки зрения адресата речи может быть и необходимой, и избыточной, но субъект речи вводит её «на всякий случай», поскольку пресуппозиция его и адресата может быть различной.

2. В работах А.И. Аникина [Аникин 1967], А.И. Студневой [Студнева 1967], М.А. Гавриленко [Гавриленко 1986] отмечалась мысль о том, что вставка выделяет часть информации из общего фона высказывания, иными словами, вставка является средством актуализации части высказывания. Т.А. Колосова [Колосова 1997], С.Г. Онишко [Онишко 1995] называют эту функцию вставок акцентно-выделительной. Выполняя эту функцию, вставка концентрирует внимание адресата на помещённой в ней информации. Исследования прагматических возможностей вставок подтверждают точку зрения Л.П. Якубинского о том, что о вставках можно говорить именно как о важном способе актуализации информации: «вставки подчёркивают некоторые высказывания, которые вследствие этого воспринимаются с большей отчётливостью в своей особенности и отдельности, в своей выделенности из общего целого» [цитата по: Акимова 1990: 54]. По мнению Е.И. Гавриловой [Гаврилова 2002], акцентно-выделительная функция наиболее ярко проявляется, если вставка не содержит новой информации, а актуализирует уже имеющуюся, например:

*Edinburgh in high summer was buffeted by gales and driving rain out of the north, interspersed with baffling periods of brilliant breezy sunshine, the wet streets drying before your eyes, umbrellas stowed, raincoats shrugged off, the terraced gardens beneath the dark, looming castle suddenly busy with half-naked sunbathers, before – inevitably – the slate-blue clouds gathered over Fife and the North Sea and bore down on the city again and the unrelenting drenching downpour resumed with all its former energy (W. Boyd. *The Dream Lover: Short Stories*).*

3. Н.П. Перфильева [Перфильева 1994] выделяет функцию попутного (или уточняющего) комментария, выполняя которую, вставки реализуют своё основное коммуникативное предназначение – дополнение, введение добавочной информации. Будучи попутным комментарием, вставка несёт второстепенную информацию и с позиции субъекта речи, и с позиции адресата, когда говорящий помещает во вставку несущественные сведения [цит. по: Гаврилова 2002: 47]. Высказывание с такой вставкой нередко показывает ранжирование информации по степени важности: основное, более важное – в основном контексте, а менее важное, второстепенное – во вставке: *By luck – by a matter of geographical placement – Quarrie arrived with the authentication first, and was able to christen it by the name he chose. Quarrie settled on the Saltire Wave – not the Quarrie Wave, significantly – and I am sure that here lies the source of Kilmaron's enduring bitterness (W. Boyd. *The Dream Lover: Short Stories*).*

Однако следует отметить, что вставки в функции попутного комментария – явление неоднозначное: для разных читателей значимость этой информации может быть различной (она может быть либо попутным комментарием, либо средством актуализации).

4. В.А. Шаймиев [Шаймиев 1982], Т.А. Колосова [Колосова 1997], С.Г. Онишко [Онишко 1997] отмечают, что вставки могут выступать в роли метатекстовых комментариев, касающихся содержания включающего

контекста. Вставки, выполняющие эту функцию, показывают, как автор осмысливает свою работу в тексте, своё поведение как создателя данного текста:

As I read and deduced what had occurred since his discovery of the Kilmaron Wave I knew that somehow – somehow – the events of over 150 years ago were systematically destroying my life (W. Boyd. The Dream Lover: Short Stories).

В приведённом примере вставка выполняет двойную функцию – с помощью повтора передается рефлексия автора с попутным акцентированием на определённой детали.

5. В.А. Шаймиев [Шаймиев 1982] пишет о контактоустанавливающей (или фатической) функции вставок в процессе коммуникации.

And Mrs. Haze strolled up and said indulgently: “Just slap her hard if she interferes with your scholarly meditations. How I love this garden [no exclamation mark in her tone]. Isn’t it divine in the sun [no question mark either]” (V. Nabokov. Lolita).

6. М.А. Гавриленко [1986], Н.П. Перфильева [1994], Т.А. Колосова [1997] считают, что вставка помогает создать ёмкий, неоднородный текст. Такие вставки создают иллюзию параллельного изображения событий, двуплановость текста, в терминах А.В. Аникина. Как пишет М.А. Гавриленко, в контекстах с этими вставками «на переднем плане представлена основная сюжетная линия, а на втором – картины, события, речевые ситуации, возникшие у читателя под влиянием вставок на основе ассоциативных связей» [Гавриленко 1986: 73].

“Look, Lo,” I said quietly. “Look well. Is not that a rather good symbol of something or other? However,” I went on as we got back into the car “I have taken certain precautions. Here (delicately opening the glove compartment), on this pad I have our boy friend’s car number” (Vladimir Nabokov. Lolita).

В этом примере вставка расширяет текстовое пространство, но представлено это в рамках формального ограничения и весьма экономным

способом: вставление «второго» плана без грамматических средств связи, без различных «пояснительных» способов придаёт тексту некоторую динамичность и облегчает восприятие его читателем. Подобные контексты, как считают Н.П. Перфильева и Т.А. Колосова, оказывают на читателя эстетическое воздействие: «читатель воспринимает два параллельных связанных текста, один из которых заключён в скобки» [Колосова 1997: 269].

Таким образом, несмотря на то, что природа вставок в спонтанной и подготовленной речи различна, с позиций коммуникативно-прагматического подхода можно выделить следующий дифференциальный признак вставки – нарушая линейность речи, последовательность изложения, вставка создаёт двуплановость, которая позволяет субъекту речи определённым образом воздействовать на адресата: экономным, лаконичным способом уравнивать фоновые знания собеседников, представлять часть информации как попутный комментарий или, наоборот, актуализировать её, создавать объёмный, неоднотонный текст, эстетически воздействующий на читателя [Гаврилова 2002].

2.6. Вводные компоненты и вставки в медицинском тексте

К специфике научного текста как типа дискурса относятся его подчеркнутая логичность, точность изложения, объективность, последовательность. Данные черты научного текста влияют на принципы его организации.

Основная функция научного текста – информативная, то есть передача информации от автора к адресатам. Главным стилоопределяющим фактором научного текста является его содержательная сторона, поэтому основные особенности научного стиля – это определённость рамок предмета высказывания и принципиально объективное отношение к нему. Наиболее часто научный дискурс существует в письменной форме, причём текст носит,

как правило, монологический характер. Объективность, точность, логическая завершённость, прагматическая направленность, безличность изложения – все это стилеобразующие черты, которыми можно охарактеризовать научный стиль. Таким образом, научный дискурс можно определить как коммуникативный процесс, обладающий набором конкретных функциональных особенностей, все из которых, между тем, подчинены выполнению основной прагматической функции научного дискурса – информировать реципиента.

Как реализация научного дискурса, научный текст имеет сложную организацию, в нём можно условно выделить два пласта информации, которую получает реципиент:

- 1) фактическую, непосредственно об объекте исследования (то есть выполнение информативной функции);
- 2) метатекстовую – то, как автор организует эту фактическую информацию, или обеспечение когезии и когерентности текста [Черняк 2002: 52].

В связи с этим отметим, что любой научный текст состоит из языковых единиц, которые в большей или меньшей степени проявляют зависимость от общих условий функционирования дискурса и могут быть отнесены к двум уровням коммуникации – первичному и вторичному [Clark 2004: 365]. Языковые единицы первичного уровня выполняют в научном дискурсе основную, информативную функцию (к таким единицам следует отнести терминологическую, общенаучную и общеупотребительную лексику); что касается единиц вторичного уровня (то есть метатекстовых единиц), они образуют систему, которая помогает выстраивать основную коммуникацию, организовывать её, управлять ею; при этом данная система не является непосредственной задачей коммуникации и осуществляет лишь вспомогательные функции.

Необходимо отметить, что метатекстовые языковые единицы используются в оформлении любого дискурса и большинство исследователей

рассматривают особенности их функционирования и использования в общем, безотносительно к типу дискурса [Schiffrin 1987; Баранов 1993; Tiittula 1993]. Однако композиционные особенности научных текстов, их смысловая структура, специфический механизм развёртывания научного текста проявляют своеобразие по сравнению с другими типами дискурса, что находит свое отражение в специфике использования дискурсивных единиц при построении научных письменных текстов. К важным средствам достижения наиболее полной передачи фактической информации, а также когезии и когерентности научного текста можно отнести и вводные компоненты в функции модальных квалификаторов и метатекстовых коннекторов.

По мнению исследователей, главной функцией дискурсивных маркеров (и в частности, вводных компонентов) является метатекстовая – обеспечение связи между отрезками дискурса. Связность является важнейшей текстовой категорией, которая делает возможным развитие темы и обеспечивает целостность текста.

Научное изложение определяет характер взаимоотношений между текстовыми единицами, образующими последовательную систему сцепления друг с другом [Мирзоева 1996: 43]. Как дискурсивные маркеры, вводные компоненты, проявляя свойства когезии и когерентности, обеспечивают грамматическую и смысловую цельность, связность научного текста как на глобальном, так и на локальном уровне. Под глобальным (текстовым) уровнем понимается связь между отдельными фрагментами дискурса, которая обеспечивается дискурсивными маркерами, указывающими на начало (*to start/ to begin with*), завершение темы или заключение (*thus, to conclude*), на переход к другой теме (*otherwise*), на порядок следования информации в тексте (*first, second, moreover*); маркерами, отсылающими читателя к предыдущим / последующим фрагментам научного текста (*as stated earlier/ above*) или к работам других исследователей (*according to author*

Х). Локальная связанность обеспечивается дискурсивными маркерами на уровне предложения, к примеру, маркерами, указывающими на повтор информации или её конкретизацию, перефразирование высказанной мысли (*in other words, that is*), противопоставление или отход от основной линии изложения (*nevertheless, however*), введение примеров (*for example, for instance*) и т.д. [Когут 2016: 158].

Как отмечают исследователи, не менее важны и прагматические функции вводных компонентов как дискурсивных маркеров научного текста. К ним относится отражение процесса взаимодействия говорящего и слушающего, что позволяет направлять и облегчать интерпретацию текста адресатом, управлять его вниманием, воздействовать на него. Отражая процесс взаимодействия автора с читателем, дискурсивные маркеры превращают научный текст в коммуникативное событие. Вводные компоненты, выполняя функцию субъективной модальности, придают тексту своеобразие, личностную и субъективную окрашенность, выделяющую его в ряду других научных текстов [Хачатурян 2000]. Так как главная функция научного текста – передача информации о действительности, её объяснение и оценка, для текста научного регистра модальным стержнем служит модальность действительности с разной степенью её достоверности и предположительности [Александрова 2009: 35]. Важно отметить, что вводные компоненты как дискурсивные маркеры обладают широкой полифункциональностью и способны выполнять в дискурсе несколько функций одновременно.

В. И. Карасик выделяет два основных типа дискурса – персональный (то есть ориентированный на личность) и институциональный. К институциональным типам дискурса относят следующие: юридический, политический, экономический, военный, академический, педагогический, религиозный, деловой, медицинский, рекламный, спортивный, научный, массово-информационный, учебный, дискурс моды, почтовый,

фармацевтический, косметологический, парфюмерный, гастрономический. Одним из интересных типов институционального дискурса является медицинский дискурс [Карасик 2002: 193], в рамках которого, в свою очередь, можно выделить две его формы: устный (профессиональный диалог, доклад на конференции) и письменный (диссертация, монография, статья) дискурс.

Медицинский дискурс как разновидность научного дискурса является объектом изучения медицинской лингвистики – науки, которая носит прикладной характер, поскольку выявление и описание структурно-семантических, лингвостилистических особенностей медицинского текста имеет непосредственное отношение к совершенствованию теории языка, переводу иноязычной специальной литературы, профессионально ориентированному обучению врачей иностранным языкам [Пономаренко и др. 2018: 3]. Теоретические и практические вопросы медицинского дискурса исследуются С.С. Барбашевой [Барбашева 2011], Ж.Н. Макушевой [Макушева 2014], специфика организации и коммуникативно-речевая классификация медицинского англоязычного текста представлены в работах И. А. Меньшениной [Меньшенина 2014], Л. С. Шуравиной [Шуравина 2013]. Медицинский дискурс – это сложноорганизованное дискурсивное, многомерное, неоднородное образование. Его коммуникативное пространство – это взаимозависимость, взаимодействие медицинского академического дискурса, правового дискурса в области медицины, научного медицинского дискурса и собственно врачебного дискурса. Для медицинского дискурса также характерны полифонические включения исторического, энциклопедического, социального, фармацевтического дискурсов [Косицкая 2017: 15].

Как реализация, результат медицинского дискурса, медицинский текст – это специализированная медицинская публикация или текст частного характера, содержание которого непосредственно связано с вопросами

здоровья человека. Специфика научных медицинских текстов заключается в их предназначении для узкого круга специалистов в области медицины, иногда – для пациентов. Такие тексты характеризуются использованием терминологии и сокращений; их цель – обмен опытом и обнародование данных исследований.

В ходе анализа нами были рассмотрены 150 медицинских статей с англоязычных сайтов Top Doctors UK LTD, BMC Medicine, Doctors Lounge, Healthier you, материалы журналов «The Journal of the American College of Cardiology (JACC)», «The Journal of the American Medical Association (JAMA)», а также 10 статей на немецком языке с сайта Medical Tribune. Согласно Ж.Н. Макушевой и М.Б. Ковалёвой, письменный медицинский дискурс делится на непосредственно научный медицинский дискурс, где адресатами и клиентами являются медики-специалисты: практикующие врачи, медицинские работники, студенты медицинских учреждений, и научно-популярный медицинский дискурс, где в роли адресата выступают, прежде всего, пациенты [Макушева, Ковалёва 2014: 109]. Что касается сайтов BMC Medicine, Doctors Lounge и материалов журнала JACC, они предназначены преимущественно для врачей-специалистов в различных областях медицины, то есть их можно отнести к научному дискурсу, тогда как сайты Healthier You и Top Doctors UK LTD ориентированы преимущественно на информирование пациентов, причем Top Doctors UK и Medical Tribune, на наш взгляд, может быть полезен как пациентам, так и специалистам-медикам.

В современных медицинских статьях часто даётся описание многочисленных констатирующих фактов: нормы и патологий, результатов исследований и т.д. Эти описания оформляются традиционными текстовыми блоками: последовательность подачи информации осуществляется по типичным композиционно-структурным моделям [Макушева, Руденко 2015]. Так, если рассмотреть структуру англоязычной медицинской статьи, она

является четко упорядоченной: как правило, статья начинается с *Summary*, где содержатся краткие сведения о полученных результатах исследования, и *Introduction*, где излагается история вопроса, перечисляются исследователи, работавшие над проблемой, а также этапы исследования. *Introduction* заканчивается формулировкой гипотезы, указанием на то, что нового намерены предложить авторы данной статьи. Далее следуют разделы *Material and Methods*, где подробно излагается ход исследования, *Results*, где даются результаты исследования, часто в виде таблиц, и *Discussion*, где полученные результаты сравниваются с результатами, полученными другими авторами, и комментируются совпадения, расхождения полученных данных и практическая значимость результатов.

Рассмотрим стратегическую специфику медицинского дискурса в зависимости от формы его реализации. Стратегии медицинского дискурса можно разделить на когнитивные и коммуникативные. Когнитивные стратегии адресанта направлены на акцентирование его видения мира, особенности осмысления им предшествующего знания, раскрытие причин интеграции этих знаний в разрабатываемую научную концепцию. Коммуникативные стратегии актуализируются в момент текстового воплощения когнитивных стратегий и связаны со стремлением максимальной их реализации [Ефремова 2012: 18].

Целью медицинского дискурса, наряду с передачей информации, является оказание помощи пациенту; из неё вытекают три основные стратегии описываемого дискурса (их можно назвать коммуникативными): диагностирующая, лечащая и рекомендующая [Макушева, Руденко 2015]. Диагностирующая стратегия медицинского дискурса существует в нескольких разновидностях. Наиболее типичной является коммуникация между врачом и больным. Здесь весьма значимой является правильно и эффективно выстроенная система взаимоотношений с пациентами. Научный медицинский дискурс также включает в себя осложнённую модель

участников коммуникации: врач + другой врач (медицинский консилиум), то есть учёный + учёный, либо учёный + практикующий врач. Диагностика, как и другие этапы медицинской помощи, может рассматриваться с позиций собственно медицинской науки, юриспруденции, этики и т.д. В диалоге врача с другим врачом диагностирующая стратегия медицинского дискурса в максимальной степени может сливаться с близкой ей по содержанию аргументирующей стратегией научного дискурса. В этом случае вербально выражается ход мыслей врача. В данном случае ход мыслей учёного или врача организуется при помощи вводных компонентов довольно редко: чаще преобладают инфинитивные конструкции, например:

To better guide strategies intended to reduce high rates of 30-day readmission after hospitalization for heart failure (HF), acute myocardial infarction (MI), or pneumonia, further information is needed about readmission diagnoses, readmission timing, and the relationship of both to patient age, sex, and race [JAMA, January 23/30, 2013—Vol 309, No. 4].

В рубриках *Materials and Methods, Design, Setting, Participants, Interventions, Main Outcome Measures, Results, Comments, Conclusion* реализуются как лечащая, так и рекомендуемая стратегии медицинского дискурса. Рассуждения учёного, врача или коллектива учёных и врачей убедительны, доказательны и понятны даже обычному пациенту, поскольку в предложениях отсутствуют сложные грамматические конструкции, а имеют место быть такие глагольные временные формы, как простое настоящее время, либо простое прошедшее время; вводные компоненты также употребляются – в основном, в метатекстовой функции, например:

*We **therefore** studied Medicare beneficiaries who were readmitted within 30 days after hospitalization for HF, acute MI, or pneumonia from 2007 through 2009 to describe readmission diagnoses and timing for each condition [JAMA, January 23/30, 2013—Vol 309, No. 4].*

Novel surgical techniques also use cross-linking combined with the excimer laser to attempt to correct the abnormal corneal shape of keratoconus and at same time to strengthen, in order to achieve better vision with glasses. However, these new techniques are indicated in only a few patients, and patients need to be carefully examined and counselled before considering these options [Top Doctors UK].

Рекомендующая стратегия в медицинском дискурсе представляет собой разветвлённое поле речевого действия «директив» и выражается как совет, рекомендация, инструкция, запрет, приказ. В научном медицинском дискурсе, по нашим наблюдениям, рекомендующая и лечащая стратегии по своей структуре имеют сходство: предписание лекарственных препаратов может быть выражено как совет, инструкция и в то же время как запрет. Зачастую тон менее убедительный, но автор пытается заставить читателя поверить в его правоту. Грамматическое оформление подобных рекомендаций часто включает предложения с глаголами в императиве, а также придаточные предложения условия:

The use of the IPL (intense pulsed light) laser for treating dry eye is a great innovation. This technique, which is painless and does not require an operating room, is highly effective and makes us think that many people with dry eye can benefit from this new treatment. The high-frequency laser IPL activates circulation in the eyelids and the metabolism of the Meibomian glands. The glands produce fat and other components that lubricate and nourish the ocular surface, stabilising the tear film to prevent breakage and sealing it against contact with the air. If you suffer from dry eye syndrome, you should see an ophthalmologist [Top Doctors UK].

Как дискурсивные маркеры, вводные компоненты участвуют в реализации всех стратегий медицинского дискурса, однако частота их встречаемости, а также функциональная специфика различаются. Можно отметить, что наиболее частотная группа вводных компонентов, используемых в медицинском тексте, – это логические коннекторы (или

метатекстовые вводные компоненты), функционирующие как на глобальном, так и на локальном уровне; среди них встречаются следующие подгруппы:

- Вводные компоненты, используемые при перечислении (характеризуют ход научной мысли):

A) **Firstly**, the tonic phase consists of losing consciousness, stiffened muscles, collapsing, tongue biting and groaning or crying sounds. **Next**, in the clonic phase, it consists of jerky limb movements and loss of bladder or bowel control [Top Doctors UK].

B) **Firstly**, we are seeing a move away from surgery. Many of the developing biologics allow the surgeon to deliver substances into a damaged joint without having to operate at all. Medium term results look really promising. **Secondly**, where surgery is required, we are moving towards a single stage procedure (where only one operation is required) to place a scaffold in the damaged area to allow the cells to be retained where they are needed [Top Doctors UK].

C) **Last but not least**, we, as physicians, try to improve and always maintain the patient's quality of life [Top Doctors UK].

- Вводные компоненты, присоединяющие вывод, итог:

A) In adults in the UK, we are only able to implant one ear but in children, we are able to implant both. **Therefore** children should be able to develop normal ability to identify where sounds are coming from [Top Doctors UK].

B) Hand surgery, **in general**, can be very complex, so it is important that you visit a specialized hand surgeon who is an expert in scapholunate reconstruction [Top Doctors UK].

- Вводные компоненты-экземплификаторы (часто встречаются при описании клинической картины заболевания или объяснении явлений):

A) **For example**, monoclonal antibodies could be engineered to fight against calcitonin gene-related peptide (CGRP). This could in turn desensitize the neurons in the head and prevent the onset of cluster headache attacks [Top Doctors UK].

B) Typically, the patient will be staring into space, their eyes glazed over with blinking, looking as though they are not listening [Top Doctors UK].

C) Likewise, if an abdominoplasty is performed and then you have a particularly large child, then there will be excess skin and there may be separation of the muscles [Top Doctors UK].

D) For ease of understanding, the pancreas is divided into exocrine pancreas and endocrine pancreas [Top Doctors UK].

- Вводные компоненты, выражающие альтернативно-противительные коммуникативные отношения; используются с целью подачи альтернативной информации:

A) On the other hand, one-sided lung-volume loss or hyperinflation can also displace the line toward the side of the lower-lung volume [Top Doctors UK].

B) Unlike migraine, cluster headaches are rarely triggered by external factors, though some patients find that when they are in a bout, alcohol will set off an attack almost instantly [Top Doctors UK].

В ходе исследования нами было рассмотрено 160 англоязычных и немецкоязычных медицинских материалов различной тематики: это статьи по нефрологии, педиатрии, ортопедии, хирургии и психиатрии. Анализ частоты употребления вводных компонентов показал, что в медицинском тексте наиболее употребительными являются вводные компоненты-экземплификаторы, далее по частоте встречаемости идут компоненты, вводящие перечисление; затем – присоединяющие вывод или итог. Эти данные можно представить в виде следующей диаграммы:

Частота встречаемости вводных компонентов в медицинских статьях

Теперь рассмотрим функциональную специфику вставок в статьях медицинской тематики. Как было сказано выше, основная функция вставок – функция дополнения, добавления информации. Для описания действительности и более точного и понятного изложения мысли автор вынужден иногда перебивать ход основного повествования различными вкраплениями из дополнительных элементов (пояснение, уточнение, приведение примеров и т.п.). Подобные примечания, являясь своего рода «мыслями по случаю», делают текст более понятным для реципиента. В результате этого возникают два плана повествования: основной и второстепенный, дополнительный. Вставные конструкции, таким образом, являются своеобразной надстройкой над основной частью содержащего их предложения. В тексте они чаще всего обособляются скобками, хотя возможно их выделение тире [Гавриленко 2003: 2].

Как уже было сказано выше, научный стиль речи характеризуется установкой на нейтральную подачу информации, честное, беспристрастное изложение фактов и выводов, некоторую отстранённость автора от сообщаемого. В то же время научные тексты содержат большое количество

сносок, примечаний, пояснений и примеров, которые обычно оформляются в виде вставных компонентов. Все это приводит к тому, что, с одной стороны, вставки в научном стиле речи встречаются достаточно часто, а с другой – особенности их функционирования не отличаются таким разнообразием, как, например, в художественной литературе, и вследствие этого легче поддаются описанию и классификации [Гавриленко 2003: 4].

Вставки в научном тексте можно классифицировать на основе их информационно-смысловых функций. Информационно-смысловая функция вставных конструкций – это тип передаваемой ими информации, цель, ради которой тот или иной элемент был употреблён автором. И.И. Гавриленко предлагает выделить следующие основные информационно-смысловые функции вставок:

- служебная (метатекстовая);
- собственно-коммуникативная;
- оценочная.

Кроме того, встречаются и переходные случаи, когда вставка выполняет несколько функций или по своему значению относится к пограничной области между двумя соседними типами вставных элементов.

В медицинских англоязычных статьях нами были выделены вставки следующих функциональных групп:

I. Метатекстовые. Это одна из основных функций вставок в научном стиле изложения; вставки этого типа помогают адекватно понять текст или ориентироваться в нём. В рамках этого класса можно выделить следующие разновидности вставок:

1.1. Навигатор по гипертексту. Термин «гипертекст» появился сравнительно недавно и в основном используется в компьютерной лингвистике. От обычного текста гипертекст отличается тем, что для него характерно не линейное представление информации, а связывание компонентов по принципу когнитивной сети [Гавриленко 2003: 5]. Действительно, с помощью

отсылок, содержащихся в скобках, можно обратиться сразу к нужному месту, без прочтения всего объёма информации. Указывая номер страницы, иллюстрации и т.п., вставки обеспечивают системы перехода между компонентами гипертекста. Тестом для конструкций этого типа, согласно И.И. Гавриленко, является контекст "смотри в данной работе":

*A) The obscuration of specific contours may be related to abnormalities in a specific lobe or lung region as a result of these mediastinal structures being in contact with a specific portion of the lung (**Figure 1**). Although a frontal radiograph often leads to the suspicion and site definition of a disease, localization is often most precise when coupled with a lateral film (**Figure 2**), the acquisition of which should be highly recommended in suspect cases [Top Doctors UK].*

*B) The study was performed at Mulago National Referral Hospital in Uganda from 2008 to 2015, enrolling children 18 months to 12 years of age as described (**Additional file 1**) [BMC Medicine].*

Интересным представляются следующие примеры – в них вставки заключают в себе предложения-отсылки к определённому материалу в статье:

*C) Patienten mit akutem Thoraxschmerz und ACS-Verdacht müssen rasch im Krankenhaus von einem erfahrenen Arzt evaluiert werden, am besten in einer spezialisierten Chest Pain Unit. Parallel zur initialen Evaluation wird mit der Erstbehandlung des Patienten begonnen. (**Siehe Erstbehandlung im Abschnitt Notfallmanagement**) [Medical Tribune].*

*D) Bei allen Patienten mit vermutetem ACS ist die Bestimmung eines Biomarkers für die Schädigung von Herzmuskelzellen (z.B. hochsensitives Troponin) durchzuführen. (**Siehe Labor**) [Medical Tribune].*

1.2. Вставки-переводы на другой язык. Достаточно часто в медицинском тексте перевод термина, его интерпретация оформляется в виде вставного компонента. Иногда, наоборот, слово дано на иностранном языке, а перевод содержится в скобках. Чаще всего это объяснения латинских терминов английскими эквивалентами, например:

A) The lower jaw (**mandible**) often fractures in at least 2 places with injuries of the cheekbone (zygomatic complex) and orbital floor occurring frequently during blunt trauma to the face. The neck of the jaw joint (TMJ) may also be involved. Fractures of the top jaw (**maxilla**) may also occur causing a deranged bite which is common in mandibular and maxillary fractures with a degree of displacement [Top Doctors UK].

B) Uncontrolled haemorrhage from major facial arteries and veins may cause large haematomas or even exsanguination (**severe blood loss**) in severe cases [Top Doctors UK].

C) This is called a coronectomy (**'corona' - crown, 'ectomy' – removal**) [Top Doctors UK].

D) An excimer laser is used to reshape the tissue on the cornea, to the nearest micron, allowing light entering the eye to be focused more accurately onto the retina (**back of the eye**) where visual information is then sent to the brain [BMC Medicine].

1.3. Вставки-аббревиатуры терминов. К этой группе можно отнести случаи, когда во вставке содержится аббревиатура только что упомянутого термина. В медицинских текстах они встречаются весьма часто, например:

A) Acute kidney injury (**AKI**) is a recognized complication of pediatric severe malaria, but its long-term consequences are unknown [Top Doctors UK].

B) Cognitive testing was conducted using the Mullen Scales of Early Learning in children < 5 and Kaufman Assessment Battery for Children (**K-ABC**) second edition in children ≥ 5 years of age [Top Doctors UK].

C) Die klinische Symptomatik von Patienten mit ACS ohne ST-Hebung (**NSTEMI-ACS**) reicht von Personen, die bei der Vorstellung symptomfrei sind bis zu Patienten mit bestehender Ischämie, elektrischer oder hämodynamischer Instabilität oder mit Herzstillstand [Medical Tribune].

В некоторых случаях, наоборот, значение употреблённой в основном предложении аббревиатуры поясняется с помощью вставки, например:

*The common feature here is that when a kidney biopsy is performed and the sample processed, the kidney stains positive for IgA (**Immunoglobulin A**) [Top Doctors UK].*

Такого рода вставки характерны, в основном, для медицинского научно-популярного дискурса, так как реципиенты текста, не являясь медиками, могут не владеть специальной терминологией.

1.4. Вставки, поясняющие значение термина с помощью синонимов, научного толкования или этимологии. Иногда, наоборот, во вставке термин приводится для понятия, которое встретилось в основной части предложения. Диагностическим тестом для таких вставных компонентов будут являться фразы «иначе говоря», «иначе»:

*A) For example, as part of orthodontic treatment it may be necessary to remove unerupted teeth may need to be surgically exposed as part of ongoing orthodontic treatment or to remove the labial frenum (**the strand of oral mucosa connecting upper lip and gum**) [Top Doctors UK].*

*B) After surgery, the socket is cleaned and washed before sutures (**stitches**) are used to close the area. These stitches dissolve in 7 – 10 days [Top Doctors UK].*

*C) This can be a bioengineered scaffold or a biological substance such as blood or platelet-rich plasma (**a substance that can be separated from your blood**) [Top Doctors UK].*

*D) Die klinische Symptomatik von Patienten mit ACS ohne ST-Hebung (NSTEMI-ACS) reicht von Personen, die bei der Vorstellung symptomfrei sind bis zu Patienten mit bestehender Ischämie, elektrischer oder hämodynamischer Instabilität oder mit Herzstillstand. Das pathologische Korrelat auf Myokardebene ist eine Nekrose von Kardiomyozyten (NSTEMI) oder (seltener) eine Myokardischämie ohne Zelluntergang (**instabile Angina pectoris**) [Medical Tribune].*

E) Koronarangiographie: In der Regel normale epikardiale Koronararterien ohne Nachweis einer Stenosierung. Ist ein Koronarverschluss als Ursache der

*Beschwerden ausgeschlossen, sollte sich möglichst eine Ventrikulographie anschließen, in der die Wandbewegungsstörung (**Hypokinese des apikalen und mittleren Bereichs**) nachgewiesen werden kann [Medical Tribune].*

1.5. Вставки – экземплификаторы. Их функция – приведение примеров или контрпримеров. Они встречаются очень часто как в англоязычных, так и немецкоязычных медицинских текстах:

*A) Anything else which may damage the kidneys should be avoided, such as non-steroidal anti-inflammatory drugs (**like ibuprofen**), or certain antibiotics like gentamicin [Top Doctors UK].*

*B) For example, an oral surgeon would carry out the removal of impacted teeth (**e.g. wisdom teeth**) which may be causing problems such as pain [Top Doctors UK].*

*C) Oral surgeons also treat oral mucosal disease and oro-facial pain (**e.g. temporomandibular disorder and dentoalveolar trauma**) [Top Doctors UK].*

*D) Tumors that are estrogen and/or progesterone receptor-positive can be treated with hormone therapy (**such as tamoxifen and aromatase inhibitors**) [Healthier you].*

E) Schmerzen sind das Leitsymptom vieler Erkrankungen und Gewebeschädigungen und mit einer der häufigsten Gründe, ärztliche Hilfe zu suchen. Der akute Schmerz (z.B. beim Berühren einer Herdplatte) hat ein dabei eine Alarmfunktion, d.h. er soll den Organismus auf einen schädigenden Einfluss von außen aufmerksam machen (reflexartiges Wegziehen der Hand) [Medical Tribune].

*F) Nozizeptiver Schmerz kann als stechend (z.B. **Schmerz bei Verbrennungen**), dumpf (z.B. **viszeraler Schmerz**) oder krampfartig beschrieben werden (z.B. **Nierenkolik**) [Medical Tribune].*

*G) Bestimmte nicht kardiale Zeichen können auf spezifische Erkrankungen hinweisen (z.B. **Muskelschwäche als Symptom einer mitochondrialen***

Erkrankung oder Glykogenspeicherkrankheit, Gangstörung bei Friedreich-Ataxie), die mit einer HCM assoziiert sein können [Medical Tribune].

1.6. Вставки, служащие для уточнения сообщаемой информации. Их можно считать разновидностью вставок-экземплификаторов. Довольно часто информация, содержащаяся во вставке, конкретизирует некоторое понятие или сообщение, стоящие в основной части предложения; при этом уточняется сама сообщаемая информация. Семантическим тестом, согласно И.И. Гавриленко, здесь является «а именно/ то есть», например:

*A) Removal of **(part of)** the pancreas is commonly performed for pancreatic cancer, pre-cancerous pancreatic cysts and chronic pancreatitis [Doctors Lounge].*

*B) However, sometimes after removal of part of the pancreas the patient may become diabetic or any pre-existing diabetes may worsen (**problems due to loss of endocrine pancreas**). This would require careful monitoring and treatment. Patients may also develop digestive problems (**problems due to loss of exocrine pancreas**) [Doctors Lounge].*

*C) It also means that patients do not have all the restrictions that go with dialysis including tight control of fluid intake (**approximately 750 mls/day**), dietary restrictions and the logistical issues of either attending hospital three times a week or doing their dialysis at home [Doctors Lounge].*

*D) ACS ohne persistierende ST-Hebung treten häufiger auf als STEMI; die kurzfristige Prognose von NSTEMI-Patienten ist besser als bei STEMI-Patienten (**Krankenhausmortalität 5 % versus 7 %**) [Medical Tribune].*

*E) Keine weiteren diagnostischen Schritte nötig (**etwa Warten auf kardiale Marker**), sondern rasche Reperfusion des Infarktgefäßes z.B. durch primäre Angioplastie oder fibrinolytische Therapie anstreben [Medical Tribune].*

*F) Die weitere Empfehlung lautete **Koronarangiographie**, doch der zuständige Kardiologe nahm zunächst ein Belastungs-EKG vor, welches keine neue Information brachte (**normale Blutdruck- und Pulsreaktion, keine Symptome, keine ST-Strecken-Senkungen**) [Medical Tribune].*

G) *Asymptomatische Patienten mit klinisch signifikanter Mitralstenose, die sich noch keiner Intervention unterzogen haben, sollten jährlich kontrolliert werden (klinische und echokardiographische Untersuchung). Bei mäßiger Stenose reicht eine Kontrolluntersuchung alle zwei bis drei Jahre [Medical Tribune].*

H) *Die Beschwerden des Patienten hängen vom Schweregrad der Erkrankung ab und lassen sich durch die pathophysiologischen Veränderungen erklären:*

- *Folgen des erhöhten Drucks im linken Vorhof: Evtl. Vorhofflimmern (VHF) mit absoluter Arrhythmie, Thrombenbildung im linken Vorhof mit erhöhter Emboliegefahr in arterielle Stromgebiete (**Gehirn, Nieren, Extremitäten**).*
- *Folgen der Lungenstauung/pulmonalen Hypertonie: Dyspnoe (**meist Belastungsdyspnoe**). Bei höhergradigen Stenosen paroxysmale nächtliche Dyspnoe (**Asthma cardiale**), Husten oder Hustenreiz. Evtl. Hämoptysis, seltener Hämoptoe mit massivem Bluthusten.*
- *Folgen der Rechtsherzinsuffizienz: Erhöhter Venendruck mit Halsvenenstauung, Ödeme der abhängigen Körperpartien, Stauungsleber, Stauungsniere, evtl. mit Proteinurie.*
- *Folgen des verminderten Herzzeitvolumens: Allgemeine Leistungsminderung, "Facies mitralis" (**Lippenzyanose, rötlich-zyanotische Wangen**) [Medical Tribune].*

Отметим, что во многих вставных компонентах весьма трудно понять, функционируют ли они как приведение примеров или же как уточнение (особенно если нет явного лексического показателя: слов «например» или «то есть»). По мнению И.И. Гавриленко, если во вставной конструкции перечисляются все возможные гипонимы (понятия, выражающие частную сущность по отношению к другому, более общему понятию) данного термина, то это, скорее, уточнение, а если не все – приведение примера:

The grieving process can also become blocked or extreme and this is called complicated, pathological or traumatic grief. This can occur with losses that are

sudden, unexpected, socially unacceptable (such as that of a very private or even secret relationship), or especially tragic such as the loss of a child [Top Doctors UK].

В данном случае мы можем говорить о вставке-уточнении, в отличие от следующего примера, где вставка является приведением примера:

There are two stages involved in LASIK. In the first stage, the surgeon creates a protective flap on the surface of the cornea (using a precision laser). That flap is then lifted aside [Top Doctors UK].

II. Вставки, выполняющие собственно-коммуникативную (прагматическую) функцию. Вставки коммуникативного типа несут добавочную информацию к тому, о чём идет речь в главном сообщении. В отличие от вставных компонентов, выполняющих служебную (метатекстовую) функцию, коммуникативные вставки направлены не на оптимизацию сообщения или понимания информации, а на расширение сведений о положении дел в мире. В пределах этой группы также можно вычленить несколько подгрупп:

2.1. Вставки, передающие информацию диктумного характера. Единицы, составляющие этот класс, весьма многочисленны и частотны; их основная функция – дополнение, внесение дополнительной информации о событиях и фактах. Семантика подобных вставных компонентов разнообразна; в связи с этим трудно привести единый контекст, позволивший бы формально выделить эти вставки. Многие из них, однако, допускают употребление слов «кстати», «между прочим»:

*A) Already a popular health product used in cooking, virgin coconut oil (**obtained from the fresh kernel of a coconut**) is an ingredient in a product used for eradicating irritation caused by demodex (tiny mites) [Healthier you].*

B) Bedwetting mostly occurs due to a lack of synergy between bladder and brain, but sometimes it can be due to lack of a hormone called vasopressin, which is required to suppress urine production at night, or, less commonly, due to an overactive

bladder(*which is often combined with day time problems as well*) [Top Doctors UK].

C) Older people are most at risk of macular hole, but it also occurs in patients with myopia greater than six dioptries, patients with ocular trauma and patients who have had a macular hole in their other eye (**10-15% higher risk**) [BMC Medicine].

D) Infection can occur in 5% and, in rare cases, sepsis requiring admission to hospital (**something that can occur with many prostate procedures**). Bleeding risk is extremely rare [Top Doctors UK].

E) Dringende Indikationen sind:

- Zoster jeder Lokalisation bei Patienten ab dem 50. Lebensjahr
- Zoster im Kopf-Halsbereich (**bei Patienten jeden Alters**)
- schwerer Zoster (**hämorrhagische Läsionen, mehr als ein Segment befallen, aberrierende Bläschen, Schleimhautbeteiligung**) [Medical Tribune].

Применительно к медицинскому тексту можно отметить, что в нём данный тип вставок используется с целью перечисления определённых фактов:

E) There are other things that can mimic blood in the urine (**including ingesting too much beetroot, taking some drugs, or the blood coming from menstruation rather than from the waterworks**) [Top Doctors UK].

D) Bei schleichendem oder oligosymptomatischem Verlauf kann eine infektiöse Endokarditis leicht übersehen und z.B. als Infektion anderer Genese (**Pneumonie, Harnwegsinfekt, Tuberkulose**) fehlinterpretiert werden. Differenzialdiagnostisch müssen auch Malignome bzw. Autoimmunerkrankungen ausgeschlossen werden [Medical Tribune].

К этой группе можно отнести и вставные компоненты, содержащие международные или коммерческие названия лекарственных препаратов:

Antithrombozytäre Therapie: Mit ASS, Thienopyridinen (Clopidogrel, Ticlopidin, Prasugrel), weiteren P2Y12-Antagonisten (Ticagrelor, Cangrelor) oder GP-

Ib/IIIa-Rezeptorantagonisten (Abciximab, Eptifibatid, Tirofibran) [Medical Tribune].

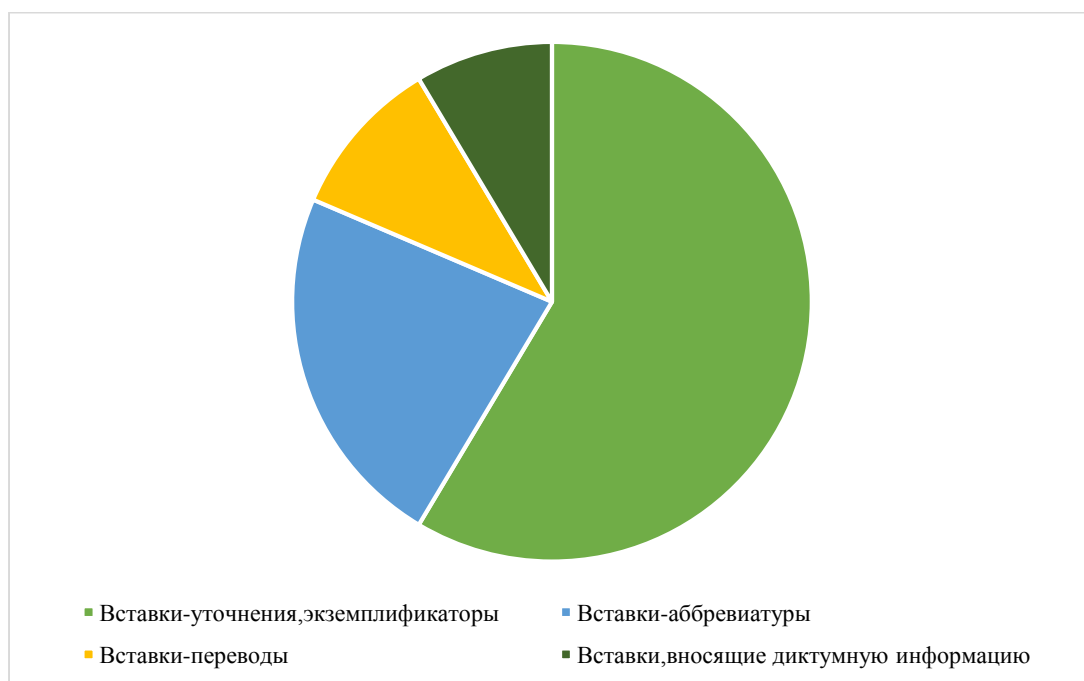
2.2. Вставки, передающие логико-смысловые отношения. Вставные компоненты такого типа могут указывать на причину явления, описываемого в предложении. В качестве семантического теста И.И. Гавриленко предлагает использовать контексты «по причине», «вследствие». Следует отметить, что вставки данного типа оказались нетипичны для изученных медицинских статей и в ходе нашего анализа не были выявлены, а логико-смысловые отношения причины-следствия в основном передаются вводными компонентами *consequently, as a result* и т.п.

III. Вставки с оценочной функцией. Иногда в скобках даётся некоторая оценка сообщаемой в основной части предложения информации. Во вставных конструкциях данного типа, как правило, содержится оценка истинности того, о чем говорится в основной части (модальность достоверности). Вставки в научных текстах также могут выполнять и эпистемическую функцию, то есть выражают степень уверенности в истинности сообщения. Чтобы выделить вставки этого типа, можно использовать контекст «и я в этом уверен/не уверен/сомневаюсь». Для проанализированных нами медицинских статей данный тип вставок также нехарактерен.

Полученные в ходе исследования данные показывают, что в научном медицинском тексте чаще всего встречаются вставные компоненты, выполняющие служебную (метатекстовую) функцию, а среди них лидируют вставки – экземпляфикаторы и уточнения; их можно объединить в одну группу. На втором по частоте встречаемости месте располагаются вставки-аббревиатуры, затем – вставки, являющиеся переводом термина (большое количество проанализированных статей ориентировано как на практикующих врачей, так и на пациентов, то есть относится к научно-популярному медицинскому дискурсу). Затем следуют вставные

компоненты, содержащие дополнительную (диктумную) информацию. Данные исследования можно представить в виде следующей диаграммы:

Частота встречаемости вставок в медицинских статьях

ВЫВОДЫ К ГЛАВЕ 2

В качестве носителей метатекстовой, субъективно-модальной и прагматической функций вводные компоненты играют важную роль в построении дискурса. Метатекстовая функция вводных компонентов как дискурсивных маркеров заключается, прежде всего, в обеспечении когезии и когерентности текста, его формально-грамматической и смысловой связности, логической целостности как на глобальном, то есть текстовом, так и на локальном уровне (уровне фразы, предложения). В рамках этой функции учёные выделяют целый ряд функциональных особенностей вводных компонентов, среди которых введение перечисления, выражение альтернативно-противительных отношений, оформление вывода и итога, экзemplификация. Что касается вставок, среди их функций можно выделить

такие, как навигация по гипертексту, уточнение информации, экзemplификация, объяснение терминов и т.п.

В ходе исследования нами рассматривались вводные компоненты и вставки как в устном, так и в письменном типах дискурса. Устная речь характеризуется такими признаками, как неподготовленность, спонтанность, диалогичность. Основная функция вводных компонентов и вставок в речи – коммуникативная. Помимо этого, вводные компоненты, выступая в роли субъективно-модальных квалификаторов, придают сообщению эмоциональную окрашенность, самобытность; они актуализируют те или иные части высказывания в зависимости от авторской интенции.

В ходе рассмотрения функциональной специфики вводных компонентов и вставок в научном тексте было установлено, что их функциональные особенности обусловлены спецификой текста научного регистра, основная функция которого – точная передача информации от автора к реципиентам, точность, подчеркнутая обезличенность изложения и логичность. В текстах такого типа вводные компоненты выполняют функцию метатекстовых операторов; наиболее частотными являются вводные компоненты в функции экзemplификации, перечисления, приведения вывода. Что касается вставок, они крайне употребительны (встретились в 159 из 160 проанализированных статей), и в основном, выполняют функции перевода и объяснения терминов, пояснения, уточнения информации либо экзemplификации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Коммуникативно-прагматическое исследование вводных компонентов и вставок представляет собой перспективное направление лингвистических исследований. В частности, важным является изучение специфики вводных компонентов и вставок в различных типах дискурса, их роли в процессе коммуникации.

В первой главе исследования нами были рассмотрены теоретические аспекты явления вводности. В течение длительного периода времени вопрос разграничения терминов для обозначения компонентов категории вводности остаётся дискуссионным, вследствие чего зачастую происходит смешение понятий. В рамках категории вводности мы рассматриваем вводные компоненты (этот термин представляется наиболее уместным, так как охватывает единицы всех уровней – вводные слова, словосочетания и предложения) и вставки. С позиций коммуникативно-прагматической лингвистики вводные компоненты можно определить как компоненты высказывания, формирующие субъективно-модальный план и реализующие определённые коммуникативно-прагматические установки говорящего. Вставки представляют собой особое синтаксическое явление, выходящее за рамки осложнённого и сложного предложения. Как правило, они реализуют объективно-модальный план высказывания путём создания «двутекста»; помимо этого, они могут выполнять и объективно-модальную функцию. В ходе исследования были проанализированы, модифицированы и дополнены имеющиеся семантико-прагматические классификации вводных компонентов и вставок как в русском, так и в английском языках.

Вторая глава диссертации посвящена исследованию функциональных особенностей вводных компонентов и вставок в контекстах устного и письменного (медицинского) дискурса. Вводные компоненты играют крайне важную роль в организации любого типа дискурса; обеспечивая когезию и когерентность, они способствуют достижению логической связности,

непротиворечивости изложения, актуализации частей высказывания. Как показали результаты исследования, вводные компоненты и вставки в функции дискурсивных маркеров, с одной стороны, являются специфическим средством обеспечения связи, а с другой – помогают решать ряд прагматических задач: акцентировать внимание реципиента на определённой информации в тексте; указать на большую или меньшую степень значимости того или иного признака; логизировать текст, при этом раскрывая ход рассуждений коммуниканта; представить авторский комментарий по отношению к той или иной теме или ситуации; маркировать эмоциональную оценочность.

В ходе исследования нами было установлено, что функциональная специфика вводных компонентов и вставок в значительной степени зависит от типа дискурса, в котором они употребляются. В работе исследовались вводные компоненты и вставки в высказываниях на английском языке, которые можно отнести к сфере бытовой коммуникации. Большая часть проанализированных языковых единиц представляет собой записи телефонных разговоров и бесед. Выявленные в устном дискурсе вводные компоненты, как правило, являются носителями эмоциональной оценочности, а также средствами реализации коммуникативной функции. Функциональная специфика вставок варьируется в зависимости от типа устного дискурса. Так, в подготовленной речи вставные компоненты выполняют в основном функцию дополнения и уравнивания пресуппозиций, тогда как в неподготовленной речи они свидетельствуют о неоднородности, непоступательном характере мышления коммуникантов, создавая информативную двуплановость высказывания.

В ходе исследования нами было проанализировано 160 англоязычных и немецкоязычных статей медицинской тематики. Помимо метатекстовой функции, которая встречается наиболее часто, вводные компоненты в медицинском тексте могут служить для оценки действительности с позиций

достоверности – недостоверности. Что касается вставок, они весьма многочисленны в медицинских статьях; к их функциональному потенциалу можно отнести функции объяснения терминов (вследствие того, что тексты содержат большое количество специализированной терминологии), уточнения и экземплификации (приведения примера), пояснения информации. Создавая двуплановость изложения, вставки не утяжеляют текст, а лишь способствуют более полному усвоению информации реципиентом.

Дальнейшее изучение функциональной специфики вводных компонентов предполагает расширение диапазона материала исследования с включением текстов разножанровой и регистровой направленности в письменной и устной форме с целью полномасштабного описания функционального потенциала категории вводности, в том числе и в сравнительно-сопоставительном аспекте в разных языках.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Абакумов С.И. Методика пунктуации. – М.: Учпедгиз, 1954. – 119 с.
- Адмони В.Г. Система форм речевого высказывания. – СПб.: Наука, 1994. – 151 с.
- Акимова Г.Н. Новое в синтаксисе современного русского языка. – М.: Наука, 1990. – 168 с.
- Александрова О.В. Проблемы экспрессивного синтаксиса: на материале английского языка: учебное пособие. – М.: Либроком, 2009. – 216 с.
- Алёшина Э.Э. Обучение иностранных учащихся употреблению вводных конструкций в русской речи: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 13.00.02/Эльвира Эдуардовна Алёшина. – СПб, 2008. – 18 с.
- Андреев А.Н. Наука. Принципы анализа текста и лексики. Science. Text-lexical Study. – Мн.: БГУ, 2010. – 60 с.
- Аникин А.И. Вводные сочетания слов в современном русском языке (образованные на основе имен) // Учен. зап. МГПИ. – М.: Изд-во МГПИ, 1960. – 148 с.
- Аникин А.И. Вставная конструкция как компонент предложения // Учен. зап. МОПИ им. Н.К. Крупской. – М., 1967. – С.247 – 258.
- Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: оценка, событие, факт. – М.: Наука, 1988. – 341 с.
- Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры. – М.: Наука, 1990. – С.5 – 32.
- Арутюнова Н.Д. Логический анализ языка: Ментальные действия / под ред. Н.Д. Арутюновой и Н.К. Рябцевой. – М.: Наука, 1993. – 176 с.
- Бабаева Р.И. Незнаменательная лексика в немецком обиходном дискурсе (прагматический аспект): автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.04/ Раиса Ивановна Бабаева. – М., 2008. – 42 с.

- Бабайцева В.В., Максимов Л.Ю. Современный русский язык. В трёх частях. Ч. III. Синтаксис. Пунктуация. – М.: Просвещение, 1981. – 704 с.
- Баранов А.Н. и др. Путеводитель по дискурсивным словам русского языка. – М.: Помовский и партнеры, 1993. – 207 с.
- Барбашева С.С. Особенности употребления фразовых глаголов в медицинском дискурсе // Известия Самарского научного центра Российской академии наук, 2011. – Т. 13, No2. – С. 1441–1444.
- Белошапкова В.А. Синтаксис // Современный русский язык / Под ред. В.А. Белошапковой. М.: Просвещение, 1997. – С. 606 – 868.
- Бенвенист Э. Общая лингвистика: пер. с фран. / Э.Бенвенист / Общ. ред., вст. ст. и комм. Ю. С. Степанова. Изд. 4-е. – М.: Либроком, 2010. – 448 с.
- Биренбаум Я.Г. Пространство вводности и придаточные предложения. – М.: Высшая школа, 1981. – 117 с.
- Блох М. Я. Теоретическая грамматика английского языка: Учебник. Для студентов филол. фак. ун-тов и фак. англ. яз. педвузов. – М.: Высш. школа, 1983. – 383 с.
- Бондаренко В.Н. Аналитические и синтаксические способы выражения модальности в немецком языке // Иностранные языки в школе, 1978. № 4. – С. 20 – 32.
- Борисова И.А. Использование дискурсивных слов в дистантном опосредованном устно-речевом дискурсе. Статья // Вестник МГЛУ. Серия Филология. № 5. – Минск: Учреждение образования «Минский государственный лингвистический университет», 2009. – С. 21 – 26.
- Валгина Н.С. Синтаксис современного русского языка. – М.: Агар, 2001. – 416 с.
- Васильев Л.М. Общие проблемы лингвистики: теория и методы: учебное пособие / Л.М. Васильев. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2012. – 206 с.
- Вежбицкая А. Метатекст в тексте // Новое в зарубежной лингвистике. Вып.8. – М.: Прогресс, 1978. – С. 402 – 421.

- Виноградов В.В. О категории модальности и модальных словах в русском языке / В.В. Виноградов. – М.: Просвещение, 1950. – 105 с.
- Виноградов В.В. Исследования по русской грамматике. Избранные труды / В.В. Виноградов. – М.: Наука, 1975. – 560 с.
- Гавриленко М.А. Изобразительная функция вставных конструкций в современной художественной прозе // Функционирование языка и норма. – Горький: Изд-во Горьк. пед. ин-та, 1986. – С. 69 – 75.
- Гаврилова Н.В. К вопросу о роли коннекторов в организации дискурса// Семантические и прагматические аспекты языковых единиц и речевых структур. Тезисы докладов. – М.: Институт языкознания АН СССР, 1987. – С. 5–6.
- Гаврилова Е.И. Вставки в текстоцентрическом и антропоцентрическом аспектах: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01/ Елена Ивановна Гаврилова. – Новосибирск, 2002. – 164 с.
- Гак В.Г. Теоретическая грамматика французского языка. – М: Добросвет, 2000. – 832 с.
- Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. – изд. 2-е. (Лингвистическое наследие XX века.) / И.Р. Гальперин. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 144 с.
- Ганич Д.И. Модальные функции вводных слов в совр. русском языке: автореф. дис. ...канд. филол. наук: 10.02.01/ Дмитрий Иванович Ганич. – Киев, 1957. – 42 с.
- Гвоздев А.Н. Современный русский литературный язык. 4-е изд. – М.: Просвещение, 1973. – 350 с.
- Глухова Н.А. Парантеза как грамматическое средство компрессии информации // Сб. научн. трудов /МГПИИЯ им. М.Тореза. – М., 1985. Вып. 249. Коммуникативная функция грамматических единиц немецкого языка. – С. 29 – 44.

- Глушакова С.О. Эволюция функционирования вводных и вставных конструкций в русских научных текстах XVIII-XX веков: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Свердловск, 1988. – 16 с.
- Горбачева Е.Н. Вводные высказывания как языковой компонент успешной коммуникации. – М.: МПУ, 2018. – С.12 – 18.
- Губарева Т.Ю. Фактор адресата письменного текста. – М.: Диалог МГУ, 1996. – 136 с.
- Демьянков В.З. Текст и дискурс как термины и как слова обыденного языка // Язык. Личность. Текст: Сборник к 70-летию Т. М. Николаевой / Под ред. В. Н. Топорова. – М.: Языки славянских культур, 2005. – С. 34–55.
- Долгова О.В. Семиотика неплавной речи. М.: Высшая школа, 1978. – 226 с.
- Долгова О.В. Синтаксис как наука о построении речи. – М.: Высшая школа, 1980. – 192 с.
- Долинин К.А. Интерпретация текста: Французский язык. – М.: Высшая школа, 1985. – 288 с.
- Дымарский М.Я. Высказывание и коммуникативность // Проблемы функциональной грамматики. Полевые структуры: Колл. моногр. / Отв. ред. А. В. Бондарко, С.А. Шубик. – СПб.: Наука, 2000. – 41 с.
- Ефремова Н.В. Стратегии и тактики медицинского дискурса // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии: сб. ст. по матер. VII междунар. науч. – практ. конф. – Новосибирск: СибАК, 2012. – С. 18 – 24.
- Зайнуллин М.В. Модальность как функционально-семантическая категория. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1986. – 123 с.
- Зализняк А.А. Предикаты пропозициональной установки в модальном контексте / Зализняк А.А., Падучева Е.В. // Логический анализ языка. – М.: Высшая школа, 1989. – С. 92 – 115.
- Златопольский Ю.М. Интонационная специфика вставных конструкций в русской речи // Филологические науки. 1980. № 4. – С. 57 – 58.

- Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка / АН СССР, Институт русского языка. – М.: Наука, 1973. – 351 с.
- Золотова Г.А., Онипенко Н.К. и др. Коммуникативная грамматика русского языка. Под общ. ред. д.ф.н. Г.А.Золотовой. — М.: Наука, 2004. – 544 с.
- Иванова В.И. Введение в языкознание: Синтаксис и семантика простого предложения. Учебное пособие. – Тверь: ТвГУ, 2001. – 87 с.
- Ильина Е.В. Модальность как механизм консолидации смыслового стратума художественного текста: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19/ Елена Валерьевна Ильина. – Тверь, 2014. – 363 с.
- Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
- Касевич В.Б. Элементы общей лингвистики. – М.: Наука, 1977. – 177 с.
- Киселева К., Пайар Д. Дискурсивные слова русского языка: контекстное варьирование и семантическое единство: сб. статей. – М.: Азбуковник, 2003. – 207 с.
- Кобрина Н.А. Предложение с вставной предикативной единицей в современном английском языке: автореф. дисс. ... д-ра филол. наук: 10.02.19/ Новелла Александровна Кобрина. – Л.: Наука, 1974. – 34 с.
- Когут С.В. Дискурсивные маркеры в письменном научном дискурсе // Томск, Вестник Томского гос. ун-та. 2016. – No 380. – С. 157–162.
- Колосова Т.А. Ещё раз о явлении вводности и вставочности // Гуманитарные исследования: итоги последних лет: Сб. тезисов. – Новосибирск, 1997. – С. 268 – 270.
- Косицкая Ф.Л. Французский медицинский дискурс в сфере профессиональной коммуникации // Вестник ТПУ. – Томск: Томский Государственный педагогический университет, 2017. – С.14 – 16.
- Краснова Т.И. Субъективность – модальность (материалы активной грамматики). – СПб: Изд-во СПбГУЭФ, 2002. – С.23.

- Кротевич Е.В. О связях вводных слов в словосочетании и предложении //Русский язык в школе. – М., 1958. № 6. – С.28 – 31.
- Лекант П.А., Гольцова Н.Г., Жуков В.П. и др. Современный русский литературный язык. Учебник для студентов филологических специальностей педагогических институтов. – М.: Высшая школа, 1988. – 416 с.
- Лекант П.А. Вводность – коммуникативно-прагматическая категория // Очерки по грамматике русского языка. – М.: Московский гос. обл. университет, 2002. – 312 с.
- Ломтев Т.П. Предложение и его грамматические категории. – Изд. 3-е. – М.: URSS, 2007. – 196 с.
- Макушева Ж.Н., Ковалёва М.Б. Специфика медицинского дискурса на материале аутентичных текстов по специальности// Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2014. № 5 (35): в 2-х ч. Ч. I. – С. 108 – 111.
- Макушева Ж.Н., Руденко Е.Е., Шубина А.Ю. Характеристики американского научного медицинского дискурса // Фундаментальные исследования, 2015. № 2–7. – С. 1546 – 1549.
- Манаенко Г.Н. Дискурсивные слова и интенциональность аналитического текста политического дискурса / Г. Н. Манаенко, С. А. Манаенко // Политическая лингвистика. – Ставрополь, 2007. – № 2 (44). – С. 65 – 71.
- Масалина И.П., Новодранова В.Ф. Дискурсивные маркеры в английском языке военно-морского дела. – Калининград: ФГОУ ВПО «КГТУ», 2009. – 278 с.
- Меньшенина И.А. Специфика организации и коммуникативно-речевая классификация медицинского англоязычного текста // Вестник ВГМУ, 2014. Т. 13 (2). – С. 151–156.
- Мецлер А.А. Структурные связи в тексте (parenthetical constructions). – Кишинев: Штинца, 1987. – 144 с.

- Мещанинов И.И. Члены предложения и части речи. – Л.: Наука. Ленингр. отделение, 1978. – 388 с.
- Мирзоева В.М. Функционирование вводно-модальных средств межфразовой связи в научном (медицинском) тексте: дисс. канд. филол. наук: 10.02.01/ Валентина Михайловна Мирзоева. – Тверь, 1996. – 185 с.
- Милевская Т.В. Связность как категория дискурса и текста (когнитивно-функциональный и коммуникативно-прагматический аспекты): дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19/ Татьяна Валентиновна Милевская. – Ростов-на-Дону, 2003. – 390 с.
- Минкин Л.М. К вопросу о многоаспектности предложения и композиции языковой синтаксической системы// Иностранные языки в школе. – М., 1980. – № 4. – С. 15 – 19.
- Мурашковская Е.М. Подходы к исследованию дискурсивных маркеров. – М: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2014. №5. – С. 53 – 59.
- Николаева Т.М. Функции частиц в высказывании (на материале славянских языков). – М.: Наука, 1985. – 170 с.
- Новоселецкая Э.П. Эволюция функционирования вставных конструкций в английских научных текстах XVIII – XX вв. – Пермь, Изд-во Перм. ун-та, 1993. – 112 с.
- Норман Б.Ю. Грамматика говорящего. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1994. – 241 с.
- Онишко С.Г. Феномен синтаксической вставочности // Филологические записки. Вестник литературоведения и языкознания: Вып. 5. – Воронеж, 1995. – С. 170 – 177.
- Онишко С.Г. Вставные элементы в функции средства метаязыкового комментирования номинаций: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01/ Сергей Григорьевич Онишко. – Воронеж, 1997. – 19 с.
- Падучева Е.В. Высказывание и его соотносённость с действительностью. – М.: Высшая школа, 1985. – 329 с.

- Падучева Е.В. Между предложением и высказыванием: субъективная модальность и синтаксическая неподчинимость. // *Revue des études slaves*. Tome 62. Fascicule 1–2. 1990. – P. 303 – 320.
- Падучева Е.В. Семантические исследования: Семантика времени и вида в рус. яз. Семантика нарратива / Е. В. Падучева. – М.: Шк. "Языки рус. культуры", 1996. – 464 с.
- Пантелеева Е.А. Коммуникативно-прагматические свойства вводных и вставных элементов в русском языке: на материале художественных и публицистических текстов: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01/ Елена Анатольевна Пантелеева. – Волгоград, 2005. – 192 с.
- Пантелеева Е.А. Вводные элементы в свете теории речевых актов // *Наука и образование: проблемы и перспективы*. – Таганрог, 2016. № 3. – С. 5–8.
- Панфилов В.З. Философские проблемы языкознания. Гносеологические аспекты. – М: Наука, 1977. – 288 с.
- Паранук Л.Г. Модальность как языковая универсалия // *Вестн. адыг. гос. ун-та*. Серия: пед. и филол. науки. – Майкоп, 2001. – № 1(5). – С. 206 – 210.
- Патроева Н.В. Поэтический синтаксис. Категория осложнения. – Петрозаводск: Издательство Петрозаводского университета, 2002. – 334 с.
- Перфильева Н.П. Семантико-прагматический потенциал вставок // *Языковая личность: проблема выбора и интерпретации знака в тексте*. Межвуз. сб. научн. трудов. – Новосибирск, Изд-во НГПУ, 1994. – С.38 – 46.
- Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. 7-е изд. – М.: Госуд. уч-пед. изд-во Министерства просв. РСФСР, 1956. – 511 с.
- Пономаренко Л.Н., Мишутинская Е. А., Злобина И. С. Лингвостилистические особенности медицинских текстов в переводческом аспекте // *Гуманитарная парадигма*, 2018. № 1 (4). – С. 9 – 14.
- Поспелова Е.Г. Семантико-синтаксические типы и текстовые функции вставных конструкций: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01/ Елена Геннадьевна Поспелова. – Москва, 2005. – 134 с.

- Потебня А.А. Из записок по русской грамматике: [в 4 т.]. – Т. 1–2 / Акад. наук СССР, Отделение лит. и яз. – М.: Учпедгиз, 1958. – 534 с.
- Почепцов Г.Г. Анализ перформативных высказываний. – М.: Филологические науки, 1982. – № 6. – С.63 – 66.
- Прияткина А.Ф. Русский язык. – М.: Высшая школа, 1990. – 175 с.
- Ризель Э.Г. Структурные тенденции в синтаксисе современного немецкого языка // Лингвистика и методика в высшей школе. – М.: Высшая школа, 1967. Вып. 4. – С. 154 – 164.
- Романова Р.М. Мелодика вводных и вставных предложений в современном русском языке: автореферат дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01/ Р.М.Романова. – Л.,1971. – 20 с.
- Руднев А.Г. Синтаксис осложнённого предложения. – М.: Учпедгиз, 1959. – 178 с.
- Руднев А.Г. Синтаксис современного русского языка. – М.: Высшая школа, 1968. – 320 с.
- Сагирян И.Г. Функциональные особенности вставок в языке прозы М.А. Булгакова: автореферат диссерт. ... канд. филол. наук: 10.02.01/ Инга Григорьевна Сагирян. – Ростов-на Дону, 1999. – 23 с.
- Седун Е.П. Синтаксис вводных образований в современ. рус. языке: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01/ Е.П. Седун. – М., 1955. – 19 с.
- Седун Е.П. О так называемых «вводных» и «вставных» конструкциях// Славянское языкознание: Сб. статей. – М: Изд-во АН СССР. – 1959. – С. 186–198 с.
- Селезнева Т.А. Понятие субъективной и объективной модальности в языке // М.: Вестник МГИМО-Университета, 2013. – № 3. – С. 233 – 235.
- Селезнева Л.В. К вопросу о соотношении текста и дискурса. – Якутск: Вестник СВФУ, 2014. Том 11, № 5. – С. 67 – 73.
- Силантьева М.В. Метаморфозы социальных организмов в свете трансформации культурных границ: глобальные следствия

модернизационных процессов. – М.: Вестник МГИМО-Университета, 2012. № 6. – С. 203 – 206.

Солганик Г. Я. Очерки модального синтаксиса. Монография. – М.: Флинта, 2010. – С. 1–10.

Степанов Ю.С. Имена, предикаты, предложения: семиологическая грамматика. М.: Наука, 1981. – 361 с.

Степанов Ю.С. Альтернативный мир, дискурс, факт и принципы причинности // Язык и наука конца XX века. – М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1995. – С. 35 – 73.

Степанова А.Н. К проблеме формирования грамматических и лексических единиц в современном французском языке / на материале отдельно оформленных структур: автореф. дисс. ... д-ра филол. наук: 10.02.19/ А.Н. Степанова. – Киев, 1976. – 37 с.

Студнева А.И. Из наблюдений над функционально-семантическим соотношением вводных и вставных предложений // Уч. Записки. – М.: Московский областной педагогический институт, 1967. Т. 197. Русский язык. Вып. 13. – С. 259 – 268.

Студнева А.И. К вопросу о функционально-семантической характеристике вводных предложений в их соотношении с вводными словами и словосочетаниями // Вопросы теории и методики русского языка/ Труды XI зональной научной конференции кафедр русского языка вузов Сред. и Ниж. Поволжья. – Ульяновск, 1969. – С. 208 – 217.

Сусов И.П. Введение в теоретическое языкознание. – М.: Восток–Запад, 2006. – 382 с.

Тихомиров В. Разграничение вводных и вставных конструкций в современном русском языке // Русский язык в школе. – М, 1963. – С. 100 – 102.

- Федосеева А.В. Имплицитная модальность высказывания в коммуникативно-прагматическом аспекте: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.19/ Анна Владимировна Федосеева. – Белгород, 2005. – 22 с.
- Формановская Н.И. Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход. – М.: Рус. Яз., 2002. – С.158–159.
- Хачатурян Е.В. Семантика и синтактика дискурсивных слов глагольного происхождения в современном итальянском языке: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.05/ Елизавета Владимировна Хачатурян. – М., 2000. – 156 с.
- Хусяинова Р.З. Основные функции вводных слов в устной речи // Русский язык в школе. – М.: Изд-во МПГУ, 2013. № 6. – С. 22 – 27.
- Черемисина М.И., Колосова Т.А. и др. Очерки по теории сложного предложения. – Новосибирск: Наука, 1987. – 198 с.
- Черняк В.Д. Русский язык и культура речи: Учебник для вузов / Под ред. В.Д.Черняк. – М.: Наука, 2002. – 509 с.
- Шаймиев В.А. Роль вставных предикативных единиц в семантической организации текста // Функционирование синтаксических категорий в тексте: Межвуз. сб. научн. трудов. – Л., 1982. – С. 81 – 88.
- Шаймиев В.А. Метадискурсивность научного текста (на материале лингвистических произведений): автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01/ Вадим Аухатович Шаймиев. – СПб., 1999. – 46 с.
- Шанский Н.М., Распопов И.П. и др. Современный русский литературный язык / Под ред. Н.М. Шанского. – Л.: Просвещение, 1981. – 584 с.
- Шапиро А.Б. Рецензия на работу С.И. Абакумова "Методика пунктуации" // Русский язык в школе. – М.: Просвещение, 1948. – № 3. – С. 62 – 65.
- Шапиро А.Б. Современный русский язык. Пунктуация. – М.: Просвещение, 1966. – 296 с.
- Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 624 с.

- Шведова Н.Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи: (Вопросы строения предложения): автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01/ Наталия Юльевна Шведова. – М., 1958. – 31 с.
- Шведова Н.Ю. Русская грамматика. Синтаксис/ Гл. ред. Н.Ю. Шведова. – Т.2–М.: Наука, 1980. – 709 с.
- Шуравина Л.С. Медицинский дискурс как тип институционального дискурса // Вестник Челябинского государственного университета, 2013. – № 37 (328). – С. 65–67.
- Щеболева И.И. Общая характеристика вставочных конструкций в современном русском литературном языке / И.И. Щеболева // Уч. зап. Кафедры русского и общего языкознания Ростовского-на-Дону гос. пединститута. – Вып. 4 (14). – Ростов-на-Дону, 1955. – С. 87–111.
- Щедровицкий Г. П. Структура знака: смыслы, значения, знания: 14 лекций 1971 года. Кн. 1 // Знак и деятельность: 32 лекции 1971 – 1979 годов: [в 3 кн.] / Г. П. Щедровицкий. – М.: Вост. лит., 2005. – 463 с.
- Яковлева Е.С. Согласование модусных характеристик в высказывании // Прагматика и проблемы интенциональности. – М., 1988. – С. 278 – 302.
- Austin J.L. How to Do Things with Words. Oxford: Clarendon Press. – 1975. – P. 174.
- Bolinger D. Another Glance at Main Clause Phenomena. 1977. Language 53. P: 511 – 519.
- Buysens E. Les six linguistiques de F. de Saussure. – Bruxelles: Didier, 1943. – 19 p.
- Clark H. Pragmatics of language performance // Handbook of pragmatics / Ed. by L. R. Horn, G. Ward. Oxford: Blackwell, 2004. – P. 365–382.
- Cutting J. Pragmatics and Discourse. – London; N. Y.: Routledge, 2002. – 200 p.
- Fairclough N. Analysing Discourse: Textual Analysis for Social Research. London: Routledge, 2003. – 23 p.

- Fraser B. An approach to discourse markers // *Journal of Pragmatics*, 1990. №14. – P. 383 – 395.
- Fraser B. Pragmatic markers / B. Fraser // *Pragmatics*. – 1996. – № 6 (2). – P. 167 – 190.
- Fraser B. What are discourse markers? // *Journal of Pragmatics*, 1999. № 31. – P.931 – 952.
- Garner Bryan A. *Garner's Modern English Usage*. NY: Oxford University Press, 2016. – 1120 p.
- Green G. Main Clause Phenomena in Subordinate Clauses. 1976. *Language* 52. – P. 382 – 397.
- Halliday M.A.K., Hasan R. *Cohesion in English*. – London: Longman, 1976. – 374 p.
- Jespersen O. *Growth and Structure of the English Language* // London, 1924. – 239 p.
- Lyons J. *Semantics*. – Cambridge: Cambridge University Press. 1977. – 830 p.
- Palmer F.R. *Mood and Modality*. – Cambridge: Cambridge University Press, 1986. – 243 p.
- Redeker G. Ideational and pragmatic markers of discourse structure, *Journal of Pragmatics*, 1990. №14. – P.367 – 381.
- Schiffrin D. *Discourse markers*. Cambridge University Press. 1987. – 364 p.
- Tiittula L. *Metadiskurs. Explizite Strukturierungsmittel im mündlichem Diskurs*. Hamburg: Buske, 1993. – 301 S.
- Trillo J.R. *Pragmatics and Prosody in English language Teaching*. – Madrid: Springer, 2012. – 250 p.
- Wiezbicka A. *Cross-cultural Pragmatics: The Semantics of Human Interaction*, Mouton De Gruyter, 1991. – P. 502.
- Zarei F. Discourse markers in English // *International Research Journal of Applied and Basic Sciences*. – 2013. – Vol. 4, №1. – P. 107 – 117.

СПИСОК ИНТЕРНЕТ – ИСТОЧНИКОВ

Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М.: Изд. иностр. лит., 1955. URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/sharl/> (дата обращения: 24.11.2017).

Востоков А. Х. Русская грамматика Александра Востокова, по начертанию его же сокращённой грамматики полнее изложенная. СПб., 1831. – 408 с. – URL: <http://static.my-shop.ru/product/pdf/88/878202.pdf> (дата обращения: 20.04.2016).

Гавриленко И.И. Информационно-смысловые функции вставных конструкций в научном стиле речи. М., 2003. URL: <http://www.dialog-21.ru/media/2629/gavrilenko.pdf> (дата обращения: 13.08.2019).

Греч Н. И. Практическая грамматика русского языка. СПб., 1827. – 579 с. URL: http://az.lib.ru/g/grech_n_i/text_1834_grammatika_oldorfo.shtml (дата обращения: 10.05.2017).

Кибрик А.А. Лекция «Дискурсивные маркеры» 2009. URL: <http://www.philol.msu.ru/~otipl/new/main/courses/discourse/New/14-discourse-markers.pps> (дата обращения: 27.05.2018).

Киселева А.В. Выражение субъективной модальности в препозитивных причастных оборотах в современном английском языке. – Пятигорск, 2005. URL: www.rusnauka.com/TIP/All/Filology/20.html (дата обращения: 28.11.2018).

Balatchi R. Les deictiques – des subjectivemes? Universite Stefan cel Mare, Suceava, 2013. URL: <http://www.extpdf.com/deictiques-pdf.html#pdf> (дата обращения: 27.07.2018).

Fillmore Charles, Paul Kay, Mary O'Connor. Regularity and Idiomaticity in Grammatical Construction: The case of Let Alone. – Language. – Vol.64. – №3. – 1988. – p. 501 – 538. URL: <http://lingo.stanford.edu/sag/papers/fillmore+88.pdf>

Collins English Dictionary. URL: <http://www.collinsdictionary.com/dictionary> (дата обращения: 07.05.2016).

Longman English Dictionary Online. URL: <http://www.ldoceonline.com> (дата обращения: 07.05.2016).

Redeker G. Review article: Linguistic markers of discourse structure. 1991. *Linguistics* 19 (6): p. 1139–1172. URL: https://www.researchgate.net/publication/243767147_Linguistic_markers_of_discourse_structure/link/545215240cf285a067c6cca3/download (дата обращения: 05.10.2019).

Russell B. *An Inquiry into Meaning and Truth*. – Allen& Unwin, London, 1940. URL: https://www.uni-regensburg.de/philosophie-kunst-geschichte-gesellschaft/geschichte-der-philosophie/medien/dokumente/bertrand_russell.pdf. (дата обращения: 03.04.2018).

Sweet H.A. *New English Grammar*. 1990. URL: <https://archive.org/details/anewenglishgram01sweegoog/page/n9> (дата обращения 30.08.2019).

СПИСОК СЛОВАРЕЙ

Словарь лингвистических терминов/гл. ред. Ахманова О.С. М.: Советская энциклопедия, 1966. – 608 с.

Словарь – справочник лингвистических терминов/ гл. ред. Розенталь Д. Э. – Изд. 2-е. – М.: Просвещение, 1976. – 544 с.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ПРИМЕРОВ

Top Doctors UK: LTD. URL: <https://www.topdoctors.co.uk/>

Doctors Lounge: URL: <https://www.doctorslounge.com/articles/>

Healthier you: URL: <https://healthieryou.com>

BMC Medicine. URL: bmcmedicine.biomedcentral.com

The Journal of the American College of Cardiology (JACC). URL: <http://www.onlinejacc.org/> (даты обращения: 15 – 25.10.2018).

The Journal of the American Medical Association (JAMA). URL: <https://www.ama-assn.org/> (даты обращения: 20 – 25.08.2019).

Medical Tribune. URL: <https://www.medical-tribune.de/> (даты обращения: 15 – 30.10.2019).

Национальный корпус русского языка. URL: <http://ruscorpora.ru/index.html> (даты обращения: 03.04.2016; 08.05.2016; 15.04.2017).

British National Corpus (BNC). URL: <https://www.english-corpora.org/bnc/> (даты обращения 10 – 29.05.2019).

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Вводные компоненты, выполняющие метатекстовые функции

1. **In summary**, ensure that other methods of treating the arthritic knee are explored before considering surgery. When a replacement becomes necessary, do your homework and choose a skilled specialist surgeon, and you will have an excellent chance of having a good result.

2. **However**, there are insufficient data to conclude on the long – lasting benefits in memory and executive function for post – stroke survivors. **Moreover**, data is missing regarding whether the possible improvements in neuropsychological tests are related to improvement in everyday functional activities.

3. **Nevertheless**, most previous studies included a small number of participants and evaluated only the short-term effect. **Therefore**, there is limited evidence for recommendation of repetitive transcranial magnetic stimulation or transcranial direct current stimulation in the treatment of PSCI. Future studies are needed to elucidate appropriate stimulation sites, optimal parameters, and stimulation protocols to overcome individual differences such as skull shape or genetic polymorphisms.

4. **Normally**, when sedation is required, it is recommended that the patient doesn't eat anything within six hours before the procedure. Patients with diabetes must adjust the dosage of their insulin.

5. **In contrast**, a heart attack occurs when the blood flow to a part of the heart is suddenly and permanently cut off. This causes permanent damage to the heart muscle. **Typically**, the chest pain is more severe, lasts longer, and does not go away with rest or with medicine that was previously effective. It may be accompanied by indigestion, nausea, weakness, and sweating.

6. Controlling physical activity, adopting good eating habits, moderating alcohol consumption, and not smoking are some of the precautions that can help patients live more comfortably and with less angina. **For example**, if angina comes on with strenuous exercise, exercise a little less strenuously, but do exercise.

7.**In addition**, the scars are minimal, the postoperative is more enjoyable and pain is minimal. **Most importantly**, the mobility of the big toe is very good, which makes for a rapid recovery and allows the patient to wear shoes once more without the added discomfort bunion pain.

8.This sort of action can cause the scapholunate ligament to sprain, partially or completely tear. **Additionally**, a wrist fracture will often accompany a scapholunate ligament injury.

9.**Currently**, this wrist operation can be performed by arthroscopy (minimally-invasive), by open surgery or by combining both techniques. Hand surgery, **in general**, can be very complex, so it is important that you visit a specialized hand surgeon who is an expert in scapholunate reconstruction.

10.**Usually**, patients will need to go on insulin injections much sooner than individuals with type 2 diabetes and tests confirm that these patients are positive for anti-GAD antibodies, which are seen in auto-immune diabetes type 1. **In other words**, LADA shares characteristics of both type 1 and type 2 diabetes.

11.**Further**, patients with a first-ever lacunar stroke present with cognitive impairment in more than half of cases and more than 55% of patients fulfill mild cognitive impairment criteria. Additionally, the presence of silent multiple lacunar infarctions in patients with first-ever lacunar stroke is an independent predictor of poor performance on executive functions and short delayed verbal memory tests. **Thus**, in the initial stages of SVD, mild neuropsychological abnormalities appear to be related to lacunes rather than to perivascular hyperintensities of vascular cause or leukoaraiosis.

12.**In addition to the problems above**, patients with ADHD (Attention deficit hyperactivity disorder) often have mood swings and also excessive anxiety and depression.

13.**In fact**, some people come into the clinic with depression and anxiety as the most obvious symptoms and the ADHD itself is not immediately clear.

14.**Firstly**, many adults who come to the clinic have most of their working lives ahead of them and most of their social life ahead of them.**That being said**, diagnosing ADHD in any age can make huge changes to people's lives.

15.**On the whole**, diagnosis of ADHD in adulthood is very common – some patients are even diagnosed in their 50s and 60s.

16.**Traditionally**, the initial line of treatment had been medication in the form of eye drops. If the condition is progressing despite eye drops, then the next line of treatment could be lasers or surgery.

17.Compliance is very important with contact lenses. **Generally**, people can successfully wear contact lenses for decades with no problems.

18.**Although** there are a lot of potential side effects, most are manageable and it's certainly a lot better for patients than having, **say**, chemotherapy treatment.

19.The first study showed that, in people with multimorbidity, high PA levels were related to a significantly lower risk of mortality, compared to being physically inactive. **Conversely**, the second study demonstrated that the risk of mortality was only significantly reduced when engaging in extremely high levels of PA (≥ 8000 moderate-vigorous PA MET-min/month), which may not be feasible for individuals with multimorbidity. **Moreover**, both studies used self-reported PA measures which have several limitations. For this reason, there is a need for accurate and reliable measures of PA. Objective PA is capable of capturing precise estimates of energy expenditure at different activity intensities, in particular recording light PA. **Yet**, to date, no study has examined the association between objective PA and mortality in people with multimorbidity. **Furthermore**, the life expectancy according to PA levels and multimorbidity status remains not well determined.

20.**First**, residual life expectancy was estimated as the area under the survival curve up to 100 years old, conditional on surviving at ages 45 to 100 years old (1 – year intervals). **Second**, the differences in years of life were calculated as the difference between the areas under two survival curves, i.e. the difference between life

expectancy for the moderate or high PA group with the reference of the low PA group by multimorbidity status.

21.**Currently**, more research is needed in this field, as it is debatable as to how much screen time is considered too much. Although there are concerns that manmade blue light could increase people's risk to diseases related to the retina's light-sensitive cells, **for example**, macular degeneration and Stargardt's disease.

22.**Afterwards**, the RIBBON 1 trial was evaluated for the second proposed indication: First-line treatment of HER2-negative MBC (metastatic breast cancer), in combination with taxane-based, anthracycline-based or capecitabine chemotherapy.

23.The odds are greater that a person will be injured or die as a result of medical error than as a consequence of driving or flying. Has it changed since 1991? **Perhaps**, only time will show. **In conclusion**, wrong-site surgery is a rare but, an indefensible error for a surgeon and a shocking experience for the public. A unified and continued effort among surgeons, hospitals and other health care providers are urgently needed. No protocol will be able to prevent all cases, but efforts should continue. **In the end**, it is the surgeon who must make sure that each patient he or she operates on is the right patient; the procedure is the one that has been scheduled; the side and site of the operation are correct.

24.**In theory**, there are several reasons obesity might be one risk factor, **according to Huppke**. Obesity causes body-wide inflammation, and may alter vitamin D levels in the body or the bacterial composition in the gut; research suggests those mechanisms, **in turn**, are involved in MS.

25.**Overall**, obese children had twice the risk of being diagnosed with MS (multiple sclerosis), with the findings being consistent in girls and boys. Overweight kids, **meanwhile**, were 37% more likely to develop MS than their average-weight peers.

26.It may be that diminished peripheral amplification of SBP due to pulse wave reflection in young adults confounds detection of those with moderately raised central SBP in this age group. **As a consequence**, peripheral DBP may be superior

to SBP in predicting CVD risks in young adults. With age - and atherosclerosis - dependent increases in large artery stiffness, the difference between central and peripheral SBP narrows, thereby improving the predictive utility of peripheral SBP while diminishing that of DBP.

27. **Even though** implantable cardioverter-defibrillators remain the only therapeutic options to prevent SCD in patients following resuscitated cardiac arrest secondary to BS, novel treatments such as catheter ablation of the epicardial substrate in the right ventricular outflow tract are increasingly performed in selected patients with BS and a high burden of ventricular arrhythmias, and this intervention targeting abnormal electrical areas in the right ventricular epicardium appears to be able to “erase” the BS phenotype from the ECG of these patients

28. **Not surprisingly**, the 12-lead ECG recorded right after the event showed the typical Brugada type I pattern seen in precordial leads V₁ and V₂ (Figure 1).

29. This case illustrates the malignant presentation of BS, and Frenchu et al. should be congratulated because they describe with astonishing clarity and simplicity the most important clinical aspects in the diagnosis and management of this syndrome. **First**, their case underlines a frequently overlooked situation associated with this syndrome: the dynamic nature of ECG changes in patients with BS. **Indeed**, the patient’s first pre-operative ECG was completely normal (compared with the ECG recorded right after the event), and given the patient’s lack of prior cardiac history or syncope events before her admission, both a high index of suspicion and a post-event ECG became crucial to reach the correct diagnosis. **Second**, Frenchu et al. describe a well-thought out treatment plan.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Вставки, выявленные в медицинских статьях, выполняющие:

I – метатекстовые функции

1 – навигатора по гипертексту

1. Vascular dementia can be considered a subgroup of vascular cognitive impairment, representing fully developed dementia after a clearly identified vascular event (**the overlap of these definitions is illustrated in Fig. 1**).

2. Other relevant covariates, including sociodemographic (age, sex, ethnicity, education level, employment status, and socio-economic status (Townsend deprivation index)) and lifestyle (smoking status, body mass index, alcohol consumption, fruit and vegetable portions, oily fish, non-oily fish, processed meat, red meat intake, and sedentary behavior) factors, were also extracted (**Additional file 1: Methods S3**).

3. The five most prevalent chronic conditions in 491,939 participants were hypertension (25.9%), asthma (11.6%), cancer (8.2%), depression (5.6%), and diabetes (4.2%). The most prevalent comorbidities include chronic kidney disease and hypertension (70%), diabetes and hypertension (**64%**), and myocardial infarction and angina (42%) (**Fig. 1**).

4. The average observed age of study participants at their first in-person examination was 52.7 years, ranging from 24.9 years in the CARDIA study to 73.5 years in the Health ABC study (**Table 1**). Men composed 44.5% of all participants, and 68.5% self-identified as white. The majority of participants (**95%**) contributed >1 direct measurement over time (mean 5.1 per person) (**Table 2**). Time-weighted average measurements of SBP, DBP, LDL, and HDL from young adulthood were strongly correlated with their later life averages (**Online Table 2**). Although relatively few participants had $BP \geq 130/80$ mm Hg or $LDL \geq 160$ mg/dl during young adulthood, many of them were exposed to nonoptimal levels of risk factors, particularly $LDL \geq 100$ but < 160 mg/dl (**Online Table 3**).

5. When young adult and later life risk factor exposures were considered jointly in the same model, exposures to elevated DBP and LDL during young adulthood were associated with an increased risk of CHD, independent of later life exposures (**Central Illustration, Figure 1**).

6. In this analysis of pooled data from 6 large prospective U.S. cohort studies, we found that young adult exposures to elevated DBP and LDL were associated with incident CHD, and young adult exposure to elevated SBP and DBP were associated with incident HF, independent of later adult exposures (**Central Illustration**). These findings suggest that exposures to elevated SBP, DBP, and LDL during young adulthood contribute independently to later life CHD and HF risks.

2 – перевода/объяснения термина

1. Pterygium is an abnormal bump that can develop in the conjunctiva of the eye (**i.e. the white of the eye**), appearing as pink, fleshy tissue on the cornea.

2. The lumbar spine is a complex structure and the procedure starts between L4 – L5 (**the two lowest vertebrae**) on the left side. To ensure the electrode probe is in the correct place, the surgeon checks both sensation (**tingling, tightness or pressure**) and motor reaction (**movement**).

3. However, one or more diagnostic tests may be needed to exclude angina or to establish the severity of the underlying coronary disease. These include the electrocardiogram at rest, the stress test, and x-rays of the coronary arteries (**coronary "arteriogram" or "angiogram"**).

4. The most accurate way to assess the presence and severity of coronary disease is a coronary angiogram, an x – ray of the coronary artery. A long thin flexible tube (**a "catheter"**) is threaded into an artery in the groin or forearm and advanced through the arterial system into one of the two major coronary arteries. A fluid that blocks x – rays (**a "contrast medium" or "dye"**) is injected.

4. If the patient has very severe floaters or cannot adapt, this can affect their quality of vision and interfere with their daily lives. Therefore, an operation to remove the vitreous gel (**a vitrectomy**) can be performed.

5. Compared to people who slept seven or eight hours a night, people who slept five or fewer hours a night also exercised less and were more likely to have a higher body mass index. (**BMI is a measurement used to assess body fatness**). They were also more likely to have diabetes and depression, and to report daytime sleepiness.

6. Thalassaemia is an inherited disease of the erythrocytes (**the red blood cells**), classified as a hemoglobinopathy: the genetic disorder results in synthesis of an abnormal hemoglobin molecule. The blood cells are vulnerable to mechanical injury and die easily.

7. High blood pressure in a young patient with or without intermittent claudication (**painful legs on walking due to lack of blood supply to the legs**) usually warrants further investigation.

8. Patients with bunions (**hallux valgus**) usually think to have them surgically removed only when they start experiencing severe pain or because the bunion is causing additional problems, such as hammer toe, metatarsalgia (**pain on the sole of the foot**) or Morton's neuroma (**painful inflammation of a nerve of the sole of the foot**). If a foot presents multiple deformities including a bunion, it should always be removed if possible.

9. Over the 50 years since the first successful cases in this country the status of orthotopic (**in normal position**) liver grafts in adults has never been higher in terms of the quality of life obtained. Overall figures are currently running at over 90% one-year patient survival, with 5- and 10-year figures around 70%.

10. If three loci are affected, Hemoglobin H disease results. Two unstable hemoglobins are present in the blood, both hemoglobin Barts and hemoglobin H (**tetrameric beta chains**).

11. Coarctation is a congenital deformity that involves the presence of a stenosis (**tight ring-like area**) in the aorta at a point usually after the left subclavian artery. There is a high association with Turner syndrome and bicuspid aortic valve.

12. Patients presenting with more complex ventricular arrhythmias such as bigeminy (**simply every other beat being a PVC until the group beating pattern breaks down and returns to normal**) or accelerated idioventricular rhythm, which often occurs in otherwise healthy people for no apparent reason, are often beside themselves when to arrive at the ER because the generally regular or regularly irregular but long-running palpitations are even more frightening than an occasional single flip-flop in the chest.

13. Retinal vein occlusion happens when there is a blockage to one or more of the veins which drain blood from the retina (**the light detecting layer of cells at the back of the eye**).

3–Вставки-аббревиатуры/вставки, поясняющие аббревиатуры+вставки, содержащие международные/или торговые названия препаратов

1. After a recent acute coronary syndrome, alirocumab treatment targeting an LDL (**low-density lipoprotein**) cholesterol concentration of 0.65 to 1.30 mmol/L produced about twice the absolute reduction in cardiovascular events among patients with diabetes as in those without diabetes, the authors write. Several authors disclosed financial ties to pharmaceutical companies, including Sanofi and Regeneron, which manufacture alirocumab and funded the study.

2. Non – vitamin K oral anticoagulants (**NOACs**) have a superior benefit-risk profile to that of vitamin K antagonists (**VKAs**) for patients with early-stage chronic kidney disease (**CKD**), according to a review published online July 16 in the *Annals of Internal Medicine*.

3. About half of HIV – positive individuals on long – term antiretroviral therapy (**ART**) have HIV-infected cells in their cerebrospinal fluid (**CSF**), according to a study published online July 15 in the *Journal of Clinical Investigation*.

Cell-associated (**CA**) HIV DNA and RNA were measured in peripheral blood mononuclear cells and in cell pellets from CSF, while cell – free HIV RNA was quantified in CSF supernatant and blood plasma.

4.The study included more than 200,000 U.S. veterans. It's the latest to raise concerns over drugs called proton pump inhibitors (**PPIs**). They include prescription and over-the-counter drugs like Prilosec (**omeprazole**), Prevacid (**lansoprazole**) and Nexium (**esomeprazole**).

5.A fifth drug, memantine (**Namenda**), was recently approved for use in the United States. Memantine blocks a glutamate receptor known as N-methyl-D-aspartate receptor (also known as the NMDA receptor or NMDAR).Combining memantine with other anticholinesterase AD drugs may be more effective than any single therapy.

6.Other anticholinesterases include donepezil (**Aricept**), rivastigmine (**Exelon**), and galantamine (**Reminyl**) may keep some symptoms from becoming worse for a limited time.

7.There is increasing evidence pointing to the important role of tumor necrosis factor-alpha (**TNF- α**), a key inflammatory and apoptotic mediator in urticarial inflammation. However, the role of the TNF- α system and Fas/Fas ligand (**FasL**) in the apoptosis-inducing pathways in chronic spontaneous urticaria (**CSU**), remain unclear.

8.Post-stroke dementia (**PSD**) or post-stroke cognitive impairment (**PSCI**) may affect up to one third of stroke survivors. Various definitions of PSCI and PSD have been described.

9.Central retinal vein occlusion (**or CRVO**) is caused by a blockage to the main retinal vein draining blood from the retina.Branch retinal vein occlusion (**BRVO**) is due to blockage of one of the four smaller retinal veins, each of which drains blood from a quarter of the retina.

10.There is currently no cure for AIDS or vaccine for HIV. Treatment consists of the prevention and treatment of opportunistic infections as well as the use of highly active antiretroviral therapy (**HAART**) which slows progression of the disease.

Current HAART combinations or "cocktails" consist of at least three medications belonging to at least two classes of anti-retroviral agents such as nucleoside analogue reverse transcriptase inhibitors (**NRTIs**), and protease inhibitors.

11. There are different types of lasers, but the most widely accepted modern type is **SLT (selected laser trabeculoplasty)**.

12. Rheumatoid arthritis (**RA**) patients are partially protected by the influenza vaccine 6 – 10 months after treatment with rituximab.

13. The resulting bone structure value (**BSV**) was tested and compared to bone mineral density (**BMD**) in postmenopausal women treated for osteoporosis with the monoclonal antibody denosumab.

14. Polarizing microscopy shows needle-like monosodium urate (**MSU**) crystals in gout or calcium pyrophosphate (**CPPD**) crystals in pseudogout.

15. Non-alcoholic fatty liver disease (**NAFLD**) is a common condition that progresses in some patients to steatohepatitis (**NASH**), cirrhosis and hepatocellular carcinoma (**HCC**). Here we used healthcare records of 18 million adults to estimate risk of acquiring advanced liver disease diagnoses in patients with NAFLD or NASH compared to individually matched controls.

16. Dry eyes are made up of two main diseases: meibomian gland dysfunction (**MGD**), which is previously known as blepharitis, and aqueous layer deficiency.

17. We estimated the prevalence of multimorbidity, with the pattern of comorbidities illustrated using heat maps. Baseline characteristics stratified by multimorbidity status were summarized using numbers, proportions, and medians with interquartile range (**IQR**).

18. The primary CVD risk factors of interest in the current analysis were systolic blood pressure (**SBP**), diastolic blood pressure (**DBP**), low-density lipoprotein (**LDL**) cholesterol, and high-density lipoprotein (**HDL**) cholesterol.

19. Neuroimaging standards with a generally accepted terminology allowing comparison of findings between different centers have been suggested (**STandards for ReportIng Vascular changes on nEuroimaging, STRIVE**)

20. We used Cox proportional hazards regression, with time since baseline assessment as the start of follow-up, to model the association between PA and all-cause mortality in individuals with and without multimorbidity. Hazard ratios (**HR**) and corresponding 95% confidence intervals (**95% CI**) were calculated, and Schoenfeld's residuals were used to verify the proportional hazards assumption.

21. Pulmonary arterial hypertension (**PAH**) can be *idiopathic* (**IPAH**) or *associated* with a number of predisposing diseases (**APAH**) that include COPD (**Cor pulmonale**), left ventricular failure, connective tissue disorders as well as fenfluramine (appetite-suppressant), HIV and sickle cell disease.

22. The medical and nursing staff, for the most part, consider, rightly, that premature ventricular contractions (**PVCs, the most common of all ventricular dysrhythmias**) have no clinical significance in the absence of significant left ventricular disease – and that most people with that level of disease will have already, in most cases, had far more debilitating symptoms.

23. We used Cox proportional hazards models for each CVD outcome to calculate hazard ratios (**HRs**) for young adult and later life risk factor exposures. We used age as the time scale, with the origin for time to event set at the first in-person visit or age 40 years, whichever occurred later.

4–Вставки, содержащие уточнение информации, вставки-экземплификаторы

1. In some patients with pterygium, it is necessary to check for the possibility of cancerous cells. If the patient's pterygium has a gelatinous appearance or is surrounded by translucent tissue, it could be indicative of carcinoma in situ (**Bowen's disease**).

2. The 2017 American College of Cardiology/American Heart Association guideline for high BP recommends pharmacological treatment for stage one hypertension (**SBP 130 to 139 mm Hg or DBP 80 to 89 mm Hg**) for younger adults without chronic kidney disease or diabetes only if 10-year ASCVD risk is $\geq 10\%$.

3. The stronger association between young adult LDL and subsequent CHD risk, and weaker association for later adult LDL is likely explained by the relatively high heritability of LDL, particularly during young adulthood (**heritability >70%**), compared with other CVD risk factors such as BP and HDL. Thus, exposure to high LDL levels during young adulthood is more likely driven by genetic determinants, and genetically determined LDL level is an important cause of atherosclerosis early in life; whereas later in life, atherosclerosis is likely driven by the same behavioral and environmental factors that affect the other risk factors included in our models (**i.e., BP, diabetes, and smoking**).

4. TWA exposures to SBP, DBP, LDL, and HDL from young adulthood (**18 to 39 years of age**) and later adulthood (**≥40 years of age**) were included simultaneously in the same model. Model adjustments were the same as in Figure 1. Exposures to elevated SBP and DBP during young adulthood were associated with an increased risk of heart failure, independent of later life exposures.

5. To examine the robustness and consistency of our findings, we performed several sensitivity analyses. These included examining the associations between non-HDL cholesterol and CVD outcomes instead of LDL; further adjusting for the most recent directly observed value carried forward; stratifying by sex and race (**whites and blacks**); excluding individuals who ever used antihypertensive or lipid-lowering medications; repeating analyses by cohort, and leaving out 1 cohort at a time to confirm that our findings were not driven by any single study.

6. The primary outcomes of interest for our analysis were incident CHD (**defined as myocardial infarction or CHD death**), HF, and stroke (**ischemic or hemorrhagic**).

7. Time-weighted average exposures to each risk factor during young (**age 18 to 39 years**) and later adulthood (**age ≥40 years**) were calculated and linked to subsequent risks of coronary heart disease (CHD), heart failure (HF), or stroke.

8. When young and later adult risk factors were considered jointly in the model, young adult LDL ≥ 100 mg/dl (**compared with <100 mg/dl**) was associated with a

64% increased risk for CHD, independent of later adult exposures. Similarly, young adult SBP ≥ 130 mm Hg (**compared with <120 mm Hg**) was associated with a 37% increased risk for HF, and young adult DBP ≥ 80 mm Hg (**compared with <80 mm Hg**) was associated with a 21% increased risk.

9.Data were included for 45 trials involving 34,082 participants who received anticoagulation for atrial fibrillation (AF; **11 trials**), venous thromboembolism (VTE; **11 trials**), thromboprophylaxis (**six trials**), prevention of dialysis access thrombosis (**eight trials**), and cardiovascular disease other than AF (**nine trials**).

10.The researchers found that in AF, NOACs reduced the risks for stroke or systemic embolism and hemorrhagic stroke (**risk ratios, 0.79 [95 percent confidence interval, 0.66 to 0.93] and 0.48 [95 percent confidence interval, 0.30 to 0.76], respectively**) compared with VKAs.

11.Other symptoms include chest pain which may be pleuritic, **low cardiac output** symptoms such as syncope (**classically exertional or after a warm shower**), as well as manifestations of right sided heart failure such as jugular venous distention, abdominal distention, ascites and peripheral edema. In some cases the enlarged pulmonary artery causes compression of the recurrent laryngeal nerve leading to hoarseness of voice.

12.Other vasodilators include prostanoids (**Epoprostenol, Treprostinil**), Guanylate Cyclase Stimulators (**Riocigulat**), Endothelin receptor antagonists (**Sitaxsentan**), and phosphodiesterase inhibitors (**Sildenafil**).

13.Since the time one enters the realm of clinical medicine, the general area just inferior to the costal margins is introduced as the right and left hypochondriac regions (**or, the right or the left hypochondrium**).

14.The synovial fluid is examined for physical characteristics (**color, viscosity**), chemistry (**glucose, protein, uric acid**) and microscopy (**white blood cell counts, differential count, gram stain**).

15.Those patients taking rituximab were split into two groups with 11 who received the influenza vaccine 4-8 weeks after treatment with rituximab (**early rituximab**

subgroup), and 12 individuals who were given the flu shot 6-10 months post-treatment with the drug (**late rituximab subgroup**).

16. Treatment of secondary or associated pulmonary artery hypertension should be directed at the cause (**COPD, heart disease, thromboembolism, HIV**). Advanced cases may require lung transplantation which cures PAH, but is associated with transplant complications and a median survival of approximately 5 years.

17. Participants had been admitted to the hospital with an acute coronary syndrome (**myocardial infarction or unstable angina**) one to 12 months before being randomly assigned to alirocumab or placebo. Follow-up occurred during a median of 2.8 years.

18. AD is characterized in the brain by abnormal clumps (**amyloid plaques**) and tangled bundles of fibers (**neurofibrillary tangles**) composed of misplaced proteins. Three genes have been discovered that cause early onset (**familial**) AD. Other genetic mutations that cause excessive accumulation of amyloid protein are associated with age-related (**sporadic**).

19. We recognize that certain strategic infarcts (**for example, in dominant medial temporal lobe**) are associated with immediate cognitive syndromes; however, we would still reserve the dementia diagnosis until at least 6 months.

20. Hemorrhagic effusions are caused by trauma, bleeding disorder such as hemophilia, anticoagulation, neuropathic arthropathy or neoplasms (**e.g. synovioma, hemangioma as well as malignant tumors**).

21. Choice will depend on purpose of assessment, with differing instruments needed for brief screening (**e.g., Montreal Cognitive Assessment**) or diagnostic formulation (**e.g., NINDS VCI battery**). A comprehensive evaluation should include assessment of pre-stroke cognition (**e.g., using Informant Questionnaire for Cognitive Decline in the Elderly**), mood (**e.g., using Hospital Anxiety and Depression Scale**), and functional consequences of cognitive impairments (**e.g., using modified Rankin Scale**).

22. In everyday practice, CT is performed mainly to exclude intracerebral hemorrhage and certain stroke mimics (**e.g., brain tumors**), and can often show early signs of ischemia, as well as old stroke lesions.

23. To minimize reverse causality (**i.e. undiagnosed, subclinical disease(s) leading to lower exercise and mortality**), we excluded participants who died within 2 years follow-up from baseline assessment and also excluded participants with no data for the self-reported PA, leaving 491,939 participants for analysis.

24. The calculation of years of life lost (**i.e. difference in life expectancy**) involved a two-step process using flexible parametric survival models with age as time scale.

25. Since we categorized multimorbidity as any two or more chronic condition combinations, it is possible that combinations can include two “high-impact” (**e.g. diabetes and heart failure**) or “low-impact” (**e.g. hypertension and asthma**) conditions.

26. Coarctation of the aorta eventually leads to the development of collateral vessels (**e.g. in intercostal areas**) that open up as a result of the pressure build up and attempt to create alternate pathways for the blood flow around the stenotic lesion.

27. In addition to the total cumulative doses the oncologist may employ other methods of cardiac protection:

- Modification of dose administration with the intention to decrease anthracycline plasma level (**eg, doxorubicin given over longer infusion rates**).

- Liposomal preparations of doxorubicin (**e.g. Doxil, equally effective in some cases and associated with much less toxicity but generally more expensive**).

28. The primary focus is on long-term amelioration of associated behavioral and neurologic problems. For some people (**approximately 10 to 20%**) in the early or middle stages of AD, medication with anticholinesterases such as tacrine (Cognex) may alleviate some cognitive symptoms.

29. Current percutaneous surgery allows surgeons to correct approximately 90% of bunions, while the rest require open surgery. These evolved techniques even allow

us to use screws (**in the most serious cases**) and achieve results comparable to open surgery.

30. One particular form of diabetes seen in older groups (**over the age of 40**) is called LADA or Latent Autoimmune Diabetes of Adulthood, also known as type 1.5 diabetes.

31. Considering the lack of significant changes in sFas/sFasL (**mainly reflecting systemic apoptosis**) in CSU patients, it appears that elevated serum TNF- α concentrations are related to its pro-inflammatory function rather than an enhanced systemic apoptotic response in CSU.

32. Recognizing the pre-stroke cognitive state is essential to allow appropriate classification, e.g., a patient with pre-existing cognitive impairment (**diagnosed or undiagnosed**) who then has a minor stroke should not be labeled as PSD.

33. Genes underlying PSD and VCI may include those shared by VaD and AD, namely genes involved in the pathways of amyloid production or elimination (**apolipoprotein E and possibly presenilin and APP**) may confer susceptibility to develop dementia after vascular brain injury, thus explaining, at least in part, the well-known interaction and synergism between VaD and AD.

34. Post-stroke cognitive issues will often coexist with other neuropsychological problems and should be assessed by validated tools as, for example, language disorders (**Frenchay Aphasia Screening Test**), mood disorder (**Hospital Anxiety Depression Scale**), fatigue (**Fatigue Severity Scale**), delirium (**Confusion Assessment Method**), and apathy (**Apathy Evaluation Scale**).

35. Additionally, patients with mild VCI showed clear progressive gray matter atrophy in cortical (**temporal and frontal**) and subcortical (**pons, caudate and cerebellum**) regions after first-ever lacunar stroke, in contrast to patients without initial cognitive impairment.

36. Recently, it has been stated that stroke is a specific vascular risk factor for cognitive impairment. There is an overlap between VCI risk factors (**hypertension, diabetes, and atherosclerosis**) and those for stroke, as well as AD risk factors.

37. Inflammation in stroke seems to have both detrimental and beneficial effects. Activation of resident cells (**microglia, astrocytes, and endothelial cells**) appears to be neuroprotective and promotes brain regeneration/recovery, whereas recruitment of immune cells with a subsequent increase in the expression of inflammatory mediators, such as reactive oxygen species, cytokines, and chemokines, together with BBB disruption, could lead to edema and neuronal death.

38. Glaucoma is a condition which can cause blindness if not detected early, and is due to raised pressure of the fluid within the eye (**intraocular pressure, or IOP**).

39. Leisure-time physical activity (LTPA) and total PA (TPA) were measured by questionnaire and categorized as low (**< 600 metabolic equivalent (MET)-min/week**), moderate (**600 to < 3000 MET-min/week**), and high (**≥ 3000 MET-min/week**), while objectively assessed PA was assessed by wrist-worn accelerometer and categorized as low (**4 min/day**), moderate (**10 min/day**), and high (**22 min/day**) walking at brisk pace.

40. The researchers found that the incidence of the primary end point (**composite of death from coronary heart disease, nonfatal myocardial infarction, fatal or nonfatal ischemic stroke, or unstable angina requiring hospital admission**) was higher among patients with diabetes in the placebo group (16.4 percent) compared with patients with prediabetes (9.2 percent) or normoglycemia (8.5 percent; hazard ratio for diabetes versus normoglycemia, 2.09 [**95 percent confidence interval, 1.78 to 2.46**]; hazard ratio for diabetes versus prediabetes, 1.90 [**95 percent confidence interval, 1.65 to 2.17**]).

41. A harsh, late systolic murmur may be heard in the back (**interscapular area**) due to formation of collaterals.

42. Alirocumab did not increase the risk for new-onset diabetes (**hazard ratio, 1.00; 95 percent confidence interval, 0.89 to 1.11**).

43. A multigated acquisition scan (**also called equilibrium radionuclide angiogram or blood pool scan**) is a noninvasive diagnostic test used to evaluate

the pumping function of the ventricles (lower chambers of the heart). During the test, a small amount of radioactive tracer is injected into a vein. A special camera, called a gamma camera, detects the radiation released by the tracer to produce computer-generated movie images of the beating heart. The MUGA scan is a highly accurate test used to determine the heart's pumping function.

44. In a prespecified analysis of data from the ODYSSEY OUTCOMES trial, Kausik K. Ray, M.D., from Imperial College London, and colleagues assessed the effects of the PCSK9 inhibitor alirocumab on cardiovascular outcomes by baseline glycemic status (**diabetes, prediabetes, or normoglycemia**) plus its effects on glycemic measures, including new-onset diabetes.

45. In many cases of CAD in patients with AF (atrial fibrillation), anticoagulation has to be combined with antiplatelet agents (**so called, dual pathway antithrombotic therapy**).

46. MRI of the brain is mainly done to exclude other causes (**tumor, subdural hematoma, normal pressure hydrocephalus**). Early in the disease course the MRI is normal, while later the imaging findings are not specific with generalized cortical and subcortical atrophy slightly greater than the general population.

47. According to study of Grau-Olivares and Arboix, ischemic cerebral small-vessel disease (SVD) should be regarded as a severe condition prodrome of subcortical VaD, rather than a relatively benign disorder, as considered earlier, especially since SVD can be seen on MRI studies (**white matter lesions, lacunes, and microbleeds**).

48. Die traditionelle Einteilung von Hyperlipoproteinämien auf der Basis von elektrophoretisch erfassten Lipoprotein-Phänotypen (**Typ I–V nach Fredrickson**) ist einer eher praktisch orientierten Einteilung anhand der Plasmalipide gewichen. Dabei werden primäre, genetisch begründete von sekundären Hyperlipoproteinämien infolge verschiedener Grunderkrankungen, Behandlungen oder Besonderheiten des Lebensstils unterschieden:

- Primäre Hyperlipoproteinämien entstehen durch hereditäre Defekte oder Mutationen von Apoproteinen, Enzymen, Rezeptoren oder Transportproteinen. Ein Schlüsselkriterium bei der klinischen Diagnose ist eine familiäre Manifestation.
- Polygene Hypercholesterinämie: Sie ist gegenüber den monogen bedingten Dyslipidämien die deutlich häufigere Ursache einer primären Hypercholesterinämie. Die Beziehung zu fettreicher Ernährung und anderen äußeren Einflüssen ist bislang nicht geklärt.
- Familiäre Hypercholesterinämie (FH): Ursachen der familiären Hypercholesterinämie sind autosomal dominant vererbte LDL-Rezeptormutationen.
- Massive Hypertriglyzeridämien (“**Chylomikronämie-Syndrom**”) sind vor allem wegen eines erhöhten Pankreatitisrisikos behandlungsbedürftig. Die häufig genannten Grenzwerte für Triglyzeride zur Behandlungsindikation (> 800 mg/dl/ > 1000 mg/dl) beruhen auf klinischer Erfahrung und sind nicht durch Studien belegt.
- Lp(a)-Erhöhungen sind ein unabhängiger kardiovaskulärer Risikomarker und genetisch determiniert. Der zusätzliche Beitrag zur Risikoprädiktion ist unbekannt.
- Hypoalphalipoproteinämie: HDL-Cholesterin < 50 mg/dl bei Frauen und < 40 mg/dl bei Männern, wird häufig bei ungesundem Lebensstil, Metabolischem Syndrom oder Diabetes mellitus Typ 2 beobachtet.

49. Die Gefäßsituation lässt sich mit Hilfe von Doppler-Sonographie und Angiographie klären, zur Einschätzung der Nervenversorgung eignet sich eine orientierende neurologische Untersuchung (**Stimmgabeltest, Reflexprüfung etc.**). Bei infizierten Wunden ist eine mikrobiologischer Abstrich indiziert.

II. Вставки, выполняющие коммуникативную функцию (дополнение информации)

1. Most studies are restricted in age range and therefore did not directly measure CVD risk factors during both early and later life (**for example, participants in the ARIC study were enrolled after 45 years of age, and therefore, their CVD risk factor levels before age 45 years were not observed**).

2. The patient appropriately received antipyretic agents to control her fever (**which is a well-known trigger for ST-segment elevation and arrhythmias in patients with BS**) and antiarrhythmic drugs to prevent further VF episodes during and following her surgical procedure.

3. Although a genetic diagnosis was not available for this patient (**only 20% to 30% of patients with a clinical diagnosis of BS have an identified SCN5A mutation or other known disease causing gene mutation**), the clinical presentation, ECG characteristics, and lack of reversible causes of ST-segment elevation such as metabolic abnormalities or ischemia proved that this was a case of BS and not a Brugada phenocopy (nongenetic conditions causing a Brugada ECG pattern).

4. In this inaugural issue of *JACC: Case Reports*, Frenchu et al. (4) present a classic case of BS in a patient without a significant past medical history but with a positive family history of early SCD (**her father died prematurely at 45 years of age**).

5. Survival analyses of the associations between risk factors and CVD outcomes were performed on each imputed dataset, and a summary HR (hazard ratio) and corresponding 95% confidence interval (CI) were calculated across all 30 imputations using established methods (**the summary HR and 95% CI can be interpreted the same way as those generated from a standard Cox model**).

6. Again, though all these complaints warrant a quick rule-out of anything potentially rare and serious (**you may find the occasional case of left ventricular hypertrophy because of such a complaint, or perhaps uncover Long Q-T syndrome, which discovery could be life-saving**), about 95 per cent of the time the complaint will have been caused by a) caffeine or other more potent stimulants,

b) pre-existing anxiety or stress, c) mitral valve prolapsed syndrome (MVPS), or, quite often, no apparent agent at all.

7. The drawbacks are one: cost. MUGA scans are not cheap, and multiple ones (**every month to six weeks according to the protocol adopted by one practice with which I'm familiar**) could add considerably to the burden of cost to the payee; it could conceivably be refused by an insurance company for an otherwise covered patient, but already had been deemed reasonable and acceptable by some insurers when included as a part of the treatment and monitoring protocol. Another problem is this approach is not always going to be useful (especially in certain cases of advanced cancers).

8. The best way to prevent PSD is to prevent stroke recurrence and stroke severity through optimal acute treatment and intensive secondary prevention. Intravenous and intra-arterial interventions (**if indicated**), treatment in the stroke unit including prevention of complications, and early rehabilitation are thought to limit the damage from the stroke lesion and improve outcome.

9. Once in adrenal failure there will additionally be skin pigmentation changes which manifest around:

- the creases of the hands
- gums and the inside of the mouth (**which starts to look bluish**).

10. Anthracycline use can induce cardiomyopathy in two main forms: an acute fulminant, deadly type which is rare and the more commonly known long term type. The good news is much of this injury can be avoided (**or sometimes even reversed**) if chemotherapy is withheld before lasting damage occurs.